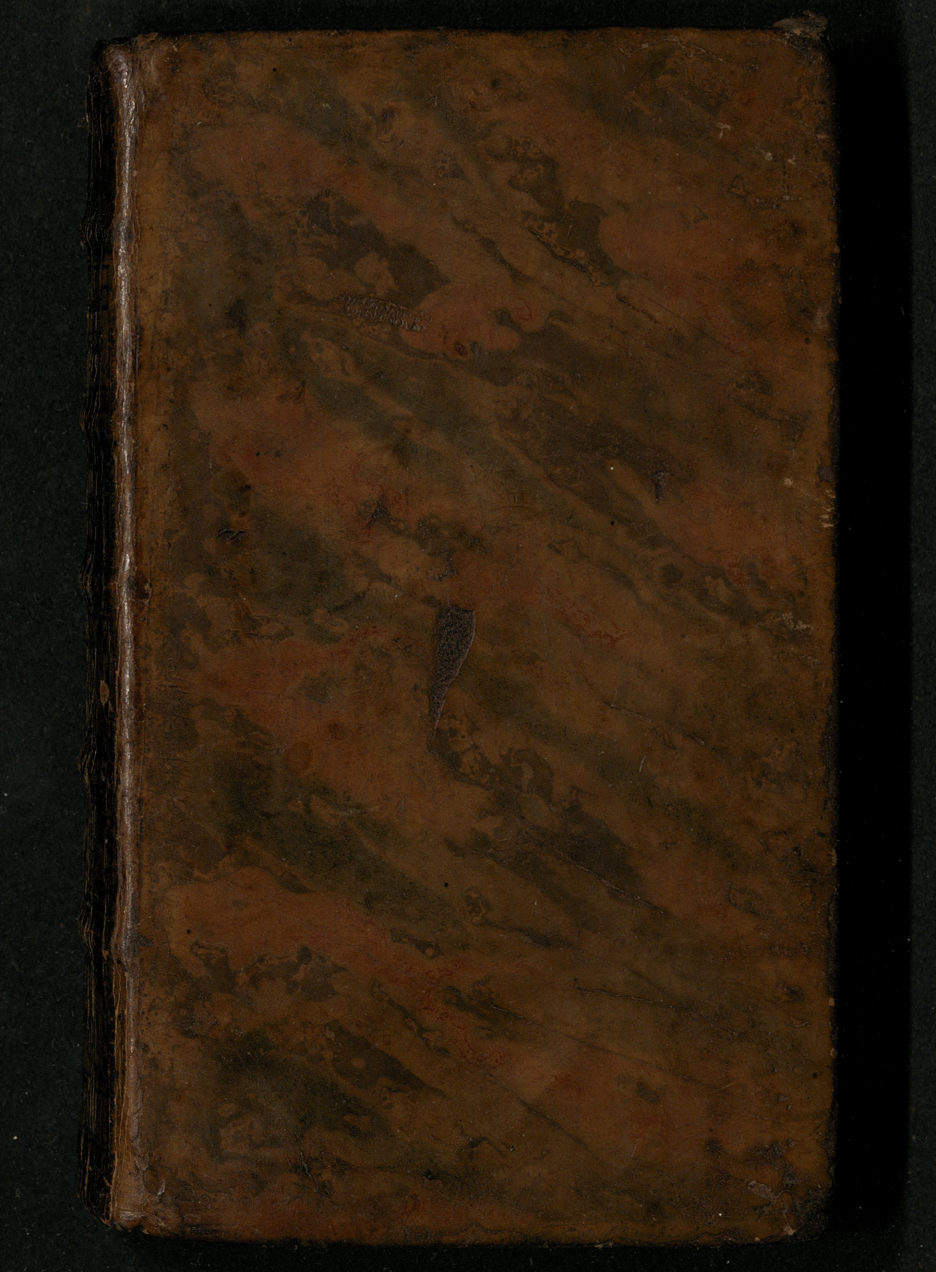

ГУЗАРАТСКІЯ СУЛТАНШИ
или
СНЫ НЕСПЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ

МОГОЛЬСКІЯ СКАЗКИ

Сочиненія Г. Гіольетта

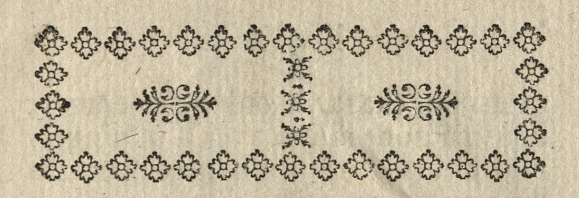
переведены
съ Французскаго языка.

ТОМЪ II.

вторымъ тисненіемъ

ВЪ Санктпетербургѣ
1774 года.

ТОТЪ ЖЕ XIII ВЕЧЕРЪ.

Продолженїе Исторїи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Мы наслаждались, продолжала Канцадея, совершеннымъ спокойствїемъ, какъ рокъ показалъ намъ вскорѣ, что еще не совсѣмъ примирился съ нами, и что надлежало намъ сносить гораздо большїя бѣдствїи, нежели какїе претерпѣли. Уже съ мѣсяцъ плыли мы по морю весьма благополучно, какъ однимъ утромъ Альбаертъ вбѣжалъ ко мнѣ въ каютъ, гдѣ также и Принцъ былъ со мною; показывая знаки ужаса и боязни. Милостивый го-

сударь, сказалъ онъ Котбедину, приуготовляйтесь къ защищенію своей жизни съ небольшимъ числомъ людей, желающихъ умереть за васъ съ охотою; познайте всю мерзость души Ормуцкаго Султана. Сей Государь, или паче сіе чудовище, повелѣлъ корабельному Капитану бросить васъ здѣсь въ море, а Принцессу возвратить въ свои земли; и сей человѣкъ, который подчиненнымъ своимъ показалъ теперь сіе повелѣніе, вознамѣрился, пренебрегая своею жизнію, исполнить волю своего монарха: сіе увѣдалъ я отъ одного изъ тѣхъ, которымъ Капитанъ открылъ свои намѣренія, и который не только того исполнить не хочетъ, но еще всячески старается обратить всѣхъ Султановыхъ солдатъ на вашу сторону. Толь ужасная вѣсть, примолвила Принцесса, сдѣлала меня вдругъ без-

безмолвною, и скорбь моя была столь велика, что не знаю, какъ на томъ же мѣстѣ не скончала бѣдственную жизнь свою, что же касается до Котбедина, то онъ не устрашился нимало предстоящей ему опасности; но чувствительно былъ тронутъ моимъ состоянїемъ; онъ препоручилъ меня Карабагѣ, и взявъ свою саблю, вышелъ изъ каюты, у дверей коей увидѣлъ онъ великодушнаго того Персїанина, который Алберта о повелѣнїяхъ Султанскихъ увѣдомилъ, болѣе нежели съ двадцатью храбрыми солдатами, вознамѣрившимися лутче умереть, нежели допустить до того, что бы Принцъ приведенъ былъ въ несчастїе; онъ обнималъ его со всѣми знаками искренной благодарности, и пошелъ на встрѣчу Капитану, для укоренїя его подлости и дерзости.

Сей человѣкъ видя, что намѣренїе его открыто, поспѣшалъ исполнить оное, думая, что учинить то легко можетъ въ разсужденїи множества измѣнниковъ, слѣпо ему повинующихся: онъ напалъ на Принца съ великою яростїю; но въ Котбединѣ, Альбаертѣ и протчихъ ихъ товарищахъ толь сильное нашелъ сопротивлѣнїе, что приведенъ былъ въ отчаянїе. Никогда еще не производилъ Принцъ толь ужасныхъ дѣлъ, мужество являющихъ; съ помощїю Альбаерта, великодушнаго Персїанина и своихъ защитниковъ, убилъ онъ изъ враговъ своихъ болѣе шестидесяти человѣкъ, и уже отъ продолжающагося болѣе двухъ часовъ сраженїя такъ онъ утомился, что бы множествомъ непрїятелей совсемъ побѣжденъ былъ; какъ Небо, казалось послало къ намъ на вспомоществованїе два

корабля,

корабля, которыхъ отъ происходившаго у насъ на кораблѣ смятенія не можно было увидѣть, и кои пристали къ намъ въ ту минуту, когда отомъ нимало не помышляли; но есьли бы приближилися они хотя минутою позже, то бы Котбединъ конечно погибъ, не будучи уже болѣе въ состояніи защищаться. Между тѣмъ, какъ новые сіи воины, которые на мужество Котбедина и Альбаерта не могли взирать безъ удивлѣнія, порубили нашихъ непріятелей. Принцъ, не могши отъ крайняго изтощенія силъ своихъ на ногахъ болѣе держаться, палъ къ большой мачтѣ, а Альбаертъ покрывъ его своимъ тѣломъ, ожидалъ, какое рѣшеніе начальники сихъ солдатъ положатъ ихъ судьбинѣ. Капитаны обѣихъ кораблей казалось весьма много ихъ почитали, и потому о спасеніи жизни

ихъ всячески старались; они велѣли учинить намъ всевозможное вспоможенїе, и какъ раны Принцовы, Альбаертовы и Персїанина не весьма опасны были, то врачи перевязавъ оныя почли за нужное, оставить въ покоѣ. Они начинали наслаждаться прїятностїю онаго, какъ я увидѣла себя въ гораздо несноснѣйшимъ прежняго состоянїи, увѣдая, что попались мы въ руки морскихъ разбойниковъ, и что они о нашедшей на кораблѣ нашемъ добычи спорили между собою. Но сколь велика была печаль моя, когда увидѣла, что любезнаго моего Котбедина, прїятнымъ сномъ наслаждающагося, понесли на тюфякѣ на одинъ изъ кораблей разбойническихъ, и съ нимъ Персїанина и многихъ изъ его защитниковъ: никогда еще не терзалась я толь жестокимъ отчаянїемъ; крики мои нарушили

ли бы конечно сонъ его: но сей корабль поднявъ тотчасъ парусы унесъ съ собой всѣ мои надежды; долгое время не могла я притти отъ того въ чувство.

Къ немалому для меня благополучїю не разлучили меня съ Карабагою, Гуль-Эндамою и Альбаертомъ. Хотя они будучи такими же несчастїями угнѣтаемы, прилагали всѣ свои силы, привесть меня въ память; однако не могли умѣрить той чрезмѣрной печали, которую я чувствовала, а особливо, какъ начальникъ нашего корабля не взирая на плачевное мое состоянїе нашедъ во мнѣ еще нѣсколько красоты обЪявилъ мнѣ, что удостоиваетъ меня своимъ вниманїемъ, и что отъ меня самой зависитъ, что бы плѣнъ мой былъ самый легчайшїй и прїятнѣйшїй.

ВЕЧЕРЪ XIV.

Продолженїе исторїи о Канцаде, Принцессѣ Ормуцкой.

Такая вѣсть умножила еще болѣе мое отчаянїе; стократно покушалась броситься въ море; и намѣренїе сїе исполнила бы конечно, есьли бы Альбаертъ не отвращалъ оное, обѣщевая мнѣ употребить всѣ свои силы къ возпрепятствованїю предпрїятїй морскаго разбойника.

Ночь, которая за симъ, для меня ужаснымъ, днемъ слѣдовала, препроводила я въ толь великомъ безпокойствѣ, что въ прежестокую слегла горячку; и Альбаертъ видя, что оная единственно отъ печали произходила, думалъ подать мнѣ нѣкоторое облегченїе, говоря такъ: мнѣ кажется, государыня, что на семъ кораблѣ великое несогласїе является, и что новой вашъ лю-

любовникъ не очень любимъ своими подкомандующими; позвольте мнѣ взбунтовать противу его собственныхъ его солдатовъ; я вамъ клянусь, что надѣлаю ему столько хлопотъ, что трудно ему будетъ избавиться отъ оныхъ.

Альбаертъ сдержалъ свое слово; онъ разсказалъ всѣмъ на кораблѣ бывшимъ разбойникамъ, что начальникъ ихъ, проча меня только себѣ одному, лишаетъ ихъ величайшей добычи; что я супруга Висапурскаго Государя, и что они выкупу за меня все то получатъ, что захотятъ, когда со мной съ должнымъ почтенiемъ поступать будутъ; притомъ угрожалъ ихъ его жестокостiю и яростiю, есьли они то упустятъ, потому что онъ столь силенъ, что пойдетъ ихъ искать по всему мiру, и жесточайшими казнями отмститъ имъ

за всѣ прискорбїя, которые они обожаемой имъ супругѣ учинить отважатся: увѣрялъ ихъ, что сей Государь здѣлаетъ для нихъ столь много добра, есьли они меня защищать станутъ, что впредь могутъ оставить такое ремесло, которымъ набогащаются они, приводя жизнь свою ежеминутно въ опасность. Предстaвлѣнїи Альбаертовы толь много имѣли дѣйствїя, что одинъ изъ разбойниковъ взялся говорить о томъ съ своимъ начальникомъ. Онъ обьявилъ ему свое посланїе, но столь дерзкими словами, что сей злодѣй пришедъ въ великїй гнѣвъ, не сказалъ ему въ отвѣтъ ничего; но кинжалъ свой вонзилъ ему въ грудь. Толь жестокосердый поступокъ привелъ всѣхъ разбойниковъ въ такое удивлѣнїе, что всѣ стали неподвижны, и не смѣли отмстить смерть своего сотоварища, какъ Альбаертъ

баетъ схватя саблю умерщвленнаго, и бросясь на злосердаго разбойника, ударилъ его столь сильно, что разсѣкъ его на двое, и сею смертїю спасъ меня отъ врага самого опаснѣйшаго.

Всѣ разбойники удивляясь силѣ и неустрашимости Альбаерта, взирали на него съ того времяни съ великимъ подобострастїемъ; ты достоинъ бы былъ повелѣвать нами, сказали ему всѣ солдаты единогласно; есьли бы мы толь опасное ремело продолжать хотѣли; но вознамѣрясь послѣдовать твоимъ совѣтамъ, повези насъ въ Висапуръ, что бы тамъ сїю Принцессу возвратить ея супругу, и сдержи данное намъ тобою слово.

Альбаертъ подтвердилъ имъ вторично свое обѣщанїе; и пользуясь склонностїю сихъ людей, велѣлъ направить корабль къ

Морская вань Випурскаго ѻсударства.

Дабулу *, куда мы по весьма счастливомъ пути и прiѣхали; и гдѣ въ знакъ почтенiя къ моей особѣ меня не обыскивали. Я дала Альбаерту свое опоясье, на которое отъѣжжая изъ Гомрона велѣла я нашить лутчiе мои каменья, и которые прятала я съ великимъ раченiемъ. Онъ продалъ нѣсколько изъ оныхъ Дабулскимъ Жидамъ; и получа за то болѣе ста тысячь золотыхъ, раздѣлилъ двацать четыре тысячи между тѣми, которые на кораблѣ нашемъ находились, и кои тѣмъ весьма довольны были. Разлучась такимъ образомъ съ сими храбрыми людьми вознамѣрились мы ѣхать въ Висапуръ сухимъ путемъ, надѣясь узнать тамъ о Принцѣ Котбединѣ, который можетъ быть разбойникамъ далъ выкупу: но какъ я при семъ дворѣ объявить о себѣ не хотѣла, есьли не найду тамъ При-

Принца, что для лутчей способности разсудила заблаго, такъ же и Гуль-Эндама: перерядиться въ мужское платье, и такъ выѣхавъ изъ Дабула прибыли мы чрезъ пять дней въ Висапуръ, гдѣ къ жесточайшему моему прискорбїю увидѣла, что о Котбединѣ тамъ ничего не извѣстно.

Альбаертъ ходилъ по повѣленїю моему къ Висапурскому Султану, съ тѣмъ что бы увѣдомить его о заточенїи его сына и о имяни того разбойника, который командовалъ тѣмъ кораблемъ, на который онъ взятъ былъ, такъ какъ то узналъ онъ отъ тѣхъ, кои намъ свободу даровали. Сей государь пришедъ приключенїемъ симъ въ отчаянїе, повелѣлъ немедлѣнно отправить въ Индейское и Аравїйское море двадцать кораблей для сысканїя нещастнаго Принца. Между тѣмъ какъ сїи корабли

ста-

старались найти Котбедина оставила я надзирателю главной Висапурской КараванЪ-Серали письмо кЪ Принцу, когда онЪ возвратился, вЪ которомЪ увѣряла его, что по большей мѣрѣ чрезЪ шесть мѣсяцовЪ буду дожидаться его вЪ Камбаѣ, куда хотѣла я быть изЪ Хитора. Не зная, буду ли когда вЪ состоянiи наградить достойнымЪ образомЪ оказанные мнѣ Альбаерпомъ услуги, почитала, что по крайнѣй мѣрѣ должно мнѣ вЪ сей городЪ съѣздить для сысканiя тамЪ слѣпаго, о которомЪ старикЪ упоминалЪ ему во снѣ: и такЪ отправясь изЪ Висапура сухимЪ путемЪ прибыли мы вЪ ХиторЪ по долговремянной и безпокойной ѣздѣ; а какЪ мы странствовали такими людьми, кои хотели быть безЪизвѣстны, то пристали мы вЪ КараванЪ-Сераль: а на другой день при-

пришедъ къ мечети, нашли въ самомъ дѣлѣ у воротъ оной слѣпаго, каковаго описалъ ему во снѣ старикъ; мы къ нему подошли и Альбаертъ давъ ему милостини одинъ золотой, другъ мой, сказалъ ему, я проѣхалъ чрезъ аРавійское море, и чрезъ нѣкоторую часть Индейскаго океана, а сухимъ путемъ отъ Дабула до сего города единственно для того, чтобы съ тобой видѣться. Чтобы сомной видѣться? отвѣтствовалъ слѣпой со удивленіемъ! какую рѣдкость находишъ ты во мнѣ, что въ толь дальный путь пустился? ибо тебѣ надлежало проѣхать конечно болѣе осьми сотъ миль. Въ самомъ дѣлѣ я не менѣе проѣхалъ, сказалъ Альбаертъ а можетъ быть еще и болѣе, въ разсужденіи различныхъ приключеній, случившихся съ нами на семъ пути; но всѣ мои труды

награ-

наградятся, есьли ты объявишъ мнѣ то, что я нетерпѣливо знать желаю. Великодушіе твое въ разсужденіи меня весьма велико, и потому не думай, что бы я могъ отказать тебѣ въ чемъ, что отъ меня зависитъ, отвѣтствовалъ слѣпой: разскажи мнѣ только о своемъ дѣлѣ. Три раза сряду видѣлъ я во снѣ одного старика, которой приказывалъ мнѣ въ сей городъ ѣхать, и увѣрялъ меня, что у вратъ сей соборной мечети встрѣчусь съ слѣпымъ, которой откроетъ мнѣ о весьма великомъ сокровищѣ: долго не хотелъ я такому сну вѣрить, и предпріять толь дальный путь; но на послѣдокъ то исполнилъ, тебя нашелъ; и такъ что можешъ объявить мнѣ теперь радостнаго?

Слѣпой по окончаніи словъ сихъ захохоталъ. Дружокъ, сказалъ онъ ему, конечно у тебя разумъ еще

еще очень молодъ, что безъвсякаго разсужденія въ толь дальный путь пустился; я хотя и слѣпъ, однако болѣе имѣю разсудка, нежели ты. Подобный сему сонъ видѣлъ я болѣе шести разъ. Одна старуха приказывала мнѣ во снѣ почти тоже; однако вѣрить оному нимало не отважился. А что приказывала тебѣ сія старуха? спрашивалъ Альбаертъ: самой вздоръ и нелѣпицу, и столь несходное съ разумомъ, что я, на то не хотѣлъ нималаго употребить вниманія; она увѣряла мѣня, продолжалъ слѣпой, что есьли хочу получить паки зреніе, котораго лишился я по случаю, то что бы ѣхалъ въ городъ Ормуцъ; что бы въ полѣмилѣ отъ онаго на морскомъ берегу спросилъ дворъ Альбаертовъ; что въ семъ домѣ есть небольшая башня стоящая на одномъ углу сада; что въ сей башнѣ

нѣ вѣ стѣнѣ зделанѣ шкафѣ, который заставленѣ написанною молодою крестьянкою, держащею одинѣ палѣцѣ на устахѣ; что вѣ семѣ шкафѣ выключая чрезмѣрнаго множества драгоцѣнныхѣ каменьевѣ и золота, найду небольшую скляночку, наполненную чудотворною водою, отѣ которой получу паки зрѣнїе, и что сїя вода составлена однимѣ великимѣ Философомѣ, багалуломѣ называемымѣ, другомѣ великаго нашего Пророка: вотѣ сколько я могу упомнить, потому что сїя старуха, какѣ я тебѣ сказывалѣ, являлась мнѣ многократно: но все сїе почиталѣ я за глупость, и никогда о томѣ нехотѣлѣ помыслить, хотя уже тому прошло болѣе года, и хотя много имѣлѣ случаевѣ вѣ Ормуцѣ ѣхать.

ВЕЧЕРЪ XV.

Продолженїе и заключенїе исторїи о Канцадѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Никто не могъ быть приведенъ въ такое удивленїе, въ которое Альбаертъ и мы пришли сїе услыша. Другъ мой сказалъ онъ слѣпому, обнимая его съ неизрѣченною радостїю, теперь то познаю я, что сонъ мой весьма справѣдливъ. Я Альбаертъ, сынъ багалуловъ, одного изъ ученѣйшихъ людей въ Персїи: сны наши между собою очень сходны, и потому въ объявленномъ тобой шкафѣ найду конечно всѣ сокровища, кои ты мнѣ описываешь, и съ моей стороны могу обѣщать помочь тебѣ чудотворною водою, которая тамъ конечно есть; потому что мой родитель вдохновенїемъ великаго нашего Пророка, имѣлъ отъ неизлѣ-

чимѣй-

чимѣйшихъ болезней средства; и я не сомнѣваюсь, что бы съ сею скляночкою не нашли мы еще толь же чудесныхъ лѣкарствъ.

Слѣпой пришелъ такъ же въ величайшѣе удивлѣніе: какъ? ты тотъ Альбаертъ, сказалъ онъ ему, ты тотъ человѣкъ, котораго почиталъ мнимымъ? ты сынъ багалуловъ? у тебя не подалеку отъ Ормуца есть домъ, въ саду котораго находится башинка, въ которой есть приставленная къ шкафу нарисованная молодая крестьянка, держащая одинъ перстъ на устахъ? да, другъ мой, сказалъ ему на то Альбаертъ, все сіе истинно, и хотя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и нескоро можно намъ въ Персію возвратиться, однако вижу, что скончаніе нашихъ злополучіи уже приближается, и мы имѣемъ причину думать, что посланникъ божій, возрѣвъ на насъ сжа-

сжалится, и тронетъ сердце того Государя, который насъ въ толь бѣдственное состоянїе приводитъ; но какъ бы то ни было однако пойдемъ съ нами, я вижу что бѣдность тебя угнѣтаетъ; будь увѣренъ, что всѣми силами старатся стану доставлять тебѣ все нужное; но прежде нежели въ Персїю возвратимся, раздѣляй съ нами всѣ наши труды и удовольствїи. Съ великою охотою, сказалъ слѣпой, я человѣкъ одинакой, ничто меня не держитъ, и съ сей же минуты я отъ васъ уже болѣе не отстану. Тогда повели мы съ собой слѣпого и пробывъ въ Хиторѣ только два дни отправились въ Камбай, гдѣ по прїѣздѣ нашемъ туда остановились въ Караванъ-Owралѣ. Сколь прискорбно что сей бѣдный человѣкъ не нашедъ насъ тамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ сихъ чертогахъ находимся,

ходимся, почтетъ насъ конечно за обманщиковъ, и смертельною печалїю терзаться будетъ, видя себя игралищемъ Альбаерта.

Гегернаца видя, что Принцесса говорить перестала, спросила ее, для чего слѣпой не ужиналъ у надзирателя надъ Караванъ-Сералемъ въ тотъ вечеръ, какъ они въ камбай прїѣхали? будучи обезпокоенъ отъ пути, а можетъ быть и чувствуя въ себѣ какой припадокъ отъ перемены пищи, отвѣтствовала Канцадея, выпросился онъ у насъ отдохнуть. Когда такъ, сказалъ Кофробъ, то онъ конечно еще въ Камбаѣ, и я прикажу перенести его немедленно въ сїи мѣста. Потомъ обратясь къ Принцессѣ, говорилъ ей такъ: добродѣтель твоя, любезная Принцесса, была неправѣдно изгоняема, и потому Пророкъ нашъ защищалъ тебя конечно во всѣхъ съ тобой приключившихся

чившихся бѣдствіяхъ, для того что онъ спомоществованіе свое посылалъ къ тебѣ всегда въ настоящее время, и я именемъ его тебѣ обьявляю, что съ Принцомъ Висапурскимъ увидишся вскорѣ, и что онъ супругомъ твоимъ будетъ. Предсказаніе сіе тебя конечно удивляетъ: оно удивляетъ и меня самого; но повинуясь внушеніямъ великаго Магомета, вижу себя принужденнымъ, обьявить тебѣ, что скончаніе твоихъ несчастій уже приближается.

Толь не ожидаемая весть, чуть было не лишила жизни отъ радости внѣ себя пришелшую Канцадею. Можетъ ли то статся, что бы по претерпѣніи толикихъ бѣдствій, могла я быть женою мужественнаго Котбедина? Ахъ! почтенный старецъ, вскричала она, конечно горесть моего рока усладить стараешся, обьявляя мнѣ толь не ожидае-

мое благополучїе? оно превосходитъ мои надежды; не раздражись же сомнѣнїемъ моимъ о точности твоихъ обѣщанїй; но лице твое являетъ мнѣ, что вѣщаетъ истинну, и уже начинаю вѣрить, что ты обмануть меня не ищешь. Нѣтъ, дарагая Принцесса, сказалъ Кофробъ, вскорѣ отдашъ ты мнѣ справѣдливость, и узнаешъ, что говоренное мною внушено мнѣ Пророкомъ.

Султанши слушали со удивлѣнїемъ обѣщанїи Имана: онѣ все воображали себѣ, что для услажденїя страсти Принцессы, обѣщевалъ онъ ей мнимое благополучїе, не видя никакихъ средствъ, которыми бы печаль ея могла окончаться вскоре. Однако согласуясь съ нимъ, возобновляли ей данные ими увѣренїи въ покровительствѣ, которое тѣмъ прїятнѣе было, что она точно была увѣрена, что Султанши ко-

нечно благодѣятельные духи, есьли все, что въ чертогахъ сихъ произходило, не сновидѣніе.

Какъ время ужинать настало, то *Султанши* изъ зала вышли, а сихъ гостей отвѣли въ ту комнату, гдѣ обыкновенно столъ для нихъ приуготовлялся. Лишь только сѣли они за столъ, какъ Принцъ Ширинъ ввелъ къ нимъ туда слѣпаго, самъ же тотчасъ вонъ вышелъ. Альбаертъ увидя его, вскочилъ изъ застола съ поспѣшностію, и побѣжалъ ему на встрѣчу: ахъ! любезный другъ, сказалъ онъ ему, я съ тобой еще увидѣлся! сколь много печали причиняла мнѣ разлука наша! слѣпой услыша голосъ Альбаертовъ, простеръ руки и обнимая его съ великою горячностію говорилъ: я думалъ, что потерялъ тебя навѣки, и проклиналъ ту минуту, въ которую съ тобой спознался, по-

тому что почиталъ тебя обманьщикомъ; теперь же вижу, сколь много я обманулся; но хотѣлъ бы только знать, для чего вы всѣ меня оставили, и гдѣ я теперь нахожусь. Надзиратель надъ Караванъ-Сералемъ старался, тому съ четверть часа, утѣшать меня въ безпокойствїяхъ моихъ о тебѣ, и мы уже сѣли за столъ, какъ въ комнату къ намъ взошедъ одинъ человѣкъ, который схватя меня за руку, и сказавъ мнѣ только, чтобъ я за нимъ шелъ, вывелъ меня за ворота, возлѣ коихъ подхватили меня четыре человѣка, и поднявъ меня на воздухъ принесли въ сїи мѣста. Когда тебѣ еще безъизвѣстно, гдѣ ты теперь находишся, сказалъ ему Альбаертъ, то знай, любезный другъ, что ты, какъ то кажется, въ Гиннистанѣ, и что въ одинъ мигъ перенесли тебя перицы въ чертоги толь же

вели-

великолѣпные, каковые Пророкъ обѣщеваетъ по смерти всѣмъ истиннымъ Музульманамъ.

Слѣпой захохоталъ, отвѣтъ сей услыша. А! а! сказалъ онъ, это еще нѣчто новое: сіи палаты построены въ городѣ Габкарѣ или Анбарабадѣ; ты видишъ, что я карту сей земли нѣсколько разумѣю. Я не знаю, отвѣчалъ Альбаертъ съ важнымъ видомъ, въ западной ли части Африки мѣсто сіе находится, какъ то нѣкоторые писатели обьявляютъ, или сіи благодѣтельные духи построили домъ сей въ другой какой части свѣта; но то конечно истинно, есьли пребываніе наше въ сихъ мѣстахъ не почитать за сонъ людей неспящихъ, что мы перенесены туда волшебствомъ, и что сдѣсь жить намъ весьма хорошо; я не смѣюсь: жаль, что по несчастію лишенъ ты зрѣнія, чтобъ видѣть

всѢ тѢ чудеса, которыхъ мы сами свидѢтели: но вскорѢ можетъ быть ощутишъ ты, такъ какъ и мы, дѣйствiи благодѢянiй добродѢтельныхъ духовъ. А что бы имѢлъ ты тому какое начало, то сядь съ нами за столъ; великолѢпiе, ни съ чемъ несравненый вкусъ Ѣствъ покажетъ тебѢ, что ты находишся въ совершенно прохладномъ мѢстѢ.

СлѢпой былъ нѢсколько времяни безмолвенъ; потомъ прервавъ молчанiе сказалъ: что мнѢ до того нужды, гдѢ я? только что бы всегда былъ съ тобою и съ твоею бѢседою, то я и доволенъ. Между тѢмъ сѢли они за столъ, который весьма весело препроводили; и какъ время пришло спать ложиться, то Принцессу и всѢхъ съ нею бывшихъ отвели по обыкновенiю въ прежнiе ихъ покои; слѢпаго же повели два невольника въ баню, гдѢ его обмыли, дабы на

другой день можно ему было предстать предъ Султаншъ; а отъ туда отвели его въ назначенную для него комнату, и положили его на великолѣпную постель.

Между тѣмъ, какъ все сіе къ немалому увеселенію Султаншъ произходило, Кофробъ сидѣлъ у Огуца, который повѣствованіемъ Канцадеи казался быть весьма доволенъ, и о несчастіяхъ ея крайнѣе изъявлялъ сожаленіе. Сколь много буду я обрадованъ, сказалъ онъ Иману, когда сія Принцесса отъ изгоненій Кацанъ-Кана освободится, и нашедъ Котбедина соединиться съ нимъ непрерывнымъ союзомъ; но сколь ни много подавалъ ей ты въ томъ надежду, однако съ великимъ трудомъ могу повѣрить, что бы все сіе произошло вскорѣ. И такъ ты, государь конечно думалъ, сказалъ на то Кофробъ смѣючись, что при обѣща-

 ніяхъ

нїяхъ моихъ Канцадѣ имѣлъ я только то намѣренїе, что бы подать ей въ печали ея нѣкоторое облегченїе? я считалъ, что ты о власти и силѣ моей былъ болѣе увѣренъ: изрядно, чтобы вывести тебя въ томъ изъ сомнѣнїя, то завтре же увидишъ удивительные сїи дѣйствїи.

Ночь сїю всѣ въ сералѣ наслаждались прїятнѣйшимъ сномъ; и какъ уже разсвѣтало, то Гуль-Эндама проснувшись хотѣла облобызать любезнаго своего Альбаерта. Но онъ вмѣсто соотвѣтствованїя на ея ласки, жизнь моя! сказалъ ей, дай мнѣ пожалуй еще заснуть; мнѣ право чрезвычайно спать хочется, потому что я только лишъ теперь прiѣхалъ изъ Ормуца. Гуль-Эндама слыша сїе не могла отъ смѣха удержаться, на которой пришла къ нимъ въ комнату и Карабага, и отдернувъ у кровати

завѣсы

завѣсы хотѣла разбудить Альбаерта; но сколь велико было ихъ удивленіе, когда онѣ увидѣли у него на шеѣ золотую цѣпь, на которой висела небольшая коробочка изъ того же металла. Что это такое, любезный супругъ? сказала тогда Гуль-Эндама, откуда взялъ ты толь драгоцѣнную вещь? это, отвѣтствовалъ Альбаертъ потягиваясь и протирая глаза, небольшая коробочка, въ которой находится порошокъ, какъ дѣлать золото, и вода, которой чудесные дѣйствіи увидѣте вы вскоре надъ нашимъ слѣпымъ; но ради бога, продолжалъ онъ, дайте мнѣ заснуть, мнѣ право чрезмѣрно спать хочется. О! сказала Карабага взявъ его за руку, говори поскорѣе, кто тебѣ сію цѣпь и коробочку подарилъ? Альбаертъ проснувшись тогда и взирая съ крайнимъ вниманіемъ на

то, что у него на шеѣ висело; о Нѣбо! вскричалъ, это несонъ: и такъ то истинная правда, что я въ сїю ночь перенесенъ былъ въ Ормуцъ; что старикъ, который въ Хиторъ приказывалъ мнѣ ѣхать, приводилъ меня въ объявленную слѣпымъ комнату, и что въ сей Коробочкѣ находятся два неоцѣненные сокровища? конечно то истинно, я не могу въ томъ болѣе сомнѣваться; не трудно здѣлать мнѣ того опытъ. Постарайтесь, сударыня матушка, продолжалъ онъ, оборотясь къ Карабагѣ, достать здѣсь жаровню, огня и кусокъ свинца: я многократно видалъ, какъ покойный родитель то дѣлывалъ, и не сомнѣваюсь нимало, что бы не показалъ вамъ очевиднаго защищенїя, которое Пророкъ мнѣ являетъ. Тогда Карабага спрашивала у одного изъ невольниковъ не можно ли достать

стать того, что сынъ ея требовалъ, въ разсужденіи чего все то принесли къ нимъ немѣдленно; и Альбаертъ отломя свинцу почти съ полфунта, и положа его въ жаровню, посыпалъ на него того порошка, которой въ коробочкѣ находился, тогда вдругъ перемѣнился свинецъ въ золото. А! вскричалъ онъ, нѣтъ болѣе никакого сомнѣнія; вотъ явный знакъ милосердія къ намъ Небесъ; и я точно въ томъ увѣренъ, что вода въ сей скляночкѣ толь же чудесна, какъ и порошокъ сей, и что она другу нашему возвратитъ зрѣніе: я хочу то испытать надъ нимъ. Въ сіе время вошла Канцадея въ комнату къ Гуль-Эндамѣ, и приведена была въ неописанное удивлѣніе, увѣдая о всемъ тамъ произходившемъ; и какъ самые необычайнѣйшіе дѣла казались ей возможными въ такомъ мѣстѣ,

въ которомъ они находились, то всему тому безъ всякаго сомнѣнія повѣрила; притомъ представляла Альбаерту, что не лутче ли будетъ здѣлать опытъ сей чудесной воды въ присутствіи тѣхъ, коимъ они столь много обязаны, и что дѣйствіе сіе надлежитъ отложить до того времяни, въ которое должно имъ будетъ итти въ залъ.

Альбаертъ склонился на мнѣніе Принцессы, и пошедъ всѣ въ покой къ слѣпому, для объявленія ему о приближающемся его излѣченіи, застали его съ двумя невольниками, которые выбривъ ему бороду и натеревъ его благовоніями, надѣвали на него новую одежду и челму, присланные къ нему отъ Султанши. Обстоятельства сна Альбаертова слушалъ онъ съ такимъ удивленіемъ, что не могъ никакъ тому повѣрить: вы

хотите

хотите надомной посмѣяться, сказалъ онъ имъ; но я не столь легкомысленъ, что бы могъ тому повѣрить, что Альбаертъ былъ въ сїю ночь точно въ Ормуцѣ, и отъ туда назадъ въ сїи мѣста возвратился; развѣ только вода, которою такъ много хвастаетъ, меня къ тому принудитъ, когда возвратитъ мнѣ зрѣнїе: не долго тебѣ того дожидаться, отвѣтствовала ему Карабага. Въ сей же вечеръ познаешъ ты, чудесное дѣйствїе сей воды, которую по справѣдливости божественною назвать можно, есьли она въ своемъ родѣ произведетъ тоже, что чудесный сей порошокъ здѣлалъ. На конецъ препроводя день въ великой радости, пошли въ вечеру въ обыкновенное время въ залъ, и какъ всѣ сѣли тамъ по мѣстамъ, то Альбаертъ разсказалъ Султаншамъ о всемъ томъ, что

въ прошедшую ночь съ нимъ случилось. Есьли онѣ увидя коробочку и свинецъ превращенный въ золото весьма чистое приведены были во удивленїе, то оное еще болѣе умножилось, когда разсмотря глаза слѣпаго, и узная точно, что онъ ничего не видитъ, одна изъ нихъ взявъ скляночку съ врачебною водою, налила ему оной на глаза нѣсколько капель, отъ чего у него въ зрачкахъ толь великая произошла перемѣна, что вмѣсто мутныхъ и темныхъ здѣлались вдругъ свѣтлыми прозрачными и ясными.

Слѣпой получа тогда паки зрѣнїе, удивляясь великолѣпїю зала, и всѣхъ тамо находящихся людей, палъ ничь на землю: ахъ! великїй Пророкъ, вскричалъ онъ, есьли бы я когда нибудь могъ о власти описываемыхъ закономъ чудесахъ твоихъ усумниться, то бы теперь не позволено

лено мнѣ болѣе было въ невѣрствіи остаться, видя толь чудесное со мной произшествіе. Признаю тебя, такъ какъ и всегда признавалъ великимъ Пророкомъ; извѣстно мнѣ, что отъ самого твоего изшествія изъ матерней утробы, никто не слыхалъ отъ тебя ничего мимоидущаго. будучи въ истиннѣ сей увѣренъ точно, приношу тебѣ искренное и усердное благодареніе за милосердіе твое со мною; заклинаю себя исполнять законъ твой съ вящшимъ прежняго раченіемъ, и признаю, что таже десница, которая за грѣхи мои наказала меня лишеніемъ зрѣнія, возвращаетъ мнѣ оное за мое чистосердечное покаяніе (а).

Такіе

(а) Читатель можетъ здѣсь видѣть, сколь великое мнѣніе имѣютъ о Магометѣ повинующіеся его закону.

Такіе рѣчи, сказалъ удивленный сими словами Альбаертъ, не до тебя касаются. Какъ? развѣ я, сказалъ зрячій слѣпой, не принужденъ былъ жить всегда подаяніемъ правовѣрныхъ; хотя сперва и самъ былъ въ состояніи, дѣлать оные. Какъ мнѣ кажется, сказала Гегернаца, что жизнь твоя наполнена странными какими приключеніями, что повѣствованіемъ оныхъ здѣлаешъ намъ конечно немалое удовольствіе. Съ великою охотою, отвѣтствовалъ слѣпой, сіе для меня ничего не стоитъ. Тогда видя, что всѣ замолчали, началъ говорить такъ.

ВЕЧЕРЪ XVI.

Исторія о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Отецъ мой былъ въ Хиторѣ очень не богатый купецъ; а какъ онъ

онъ кромѣ меня никого болѣе не имѣлъ дѣтей, и не примѣчалъ во мнѣ ни малѣйшей склонности къ купечеству, то совѣтовалъ мнѣ за такое ремѣсло взяться, посредствомъ котораго могъ бы я жить спокойно, есьли когда по несчастїю лишусь небольшаго имѣнїя, кое мнѣ послѣ него останется: мы расматривали разные состоянїи жизни, и разбирая всѣ ихъ подробно, положилъ наконецъ, обучаться врачебной наукѣ. Ремѣсло сїе сказалъ я моему отцу, весьма почтительно; выуча нѣсколько правилъ, зная болтать много и имѣя великую смѣлость, можно легко здѣлать свое счастїе; есьли въ чемъ погрѣшаютъ, то покрывается сїе землею, и вмѣсто того что одинъ человѣкъ, которой искуствомъ врача прекратилъ тѣченїе дней своихъ, побуждаетъ къ сожаленїю; тысяча такихъ найдется, которыхъ

рыхъ наслѣдники съ радостїю похороняютъ, и нетолько смертїю ихъ нимало не раздражаются, но еще всячески ту десницу прославляютъ, которая ихъ ввела въ гробницу. И такъ я началъ учится врачеванїю по обычаю восточныхъ народовъ, а имянно, читалъ нѣкоторые правила того врача, у коего я такъ сказать былъ ученикомъ, и какъ нимало о томъ не помышлялъ, что къ тому надлежало имѣть много способности, то признаюсь, что къ сей наукѣ не употреблялъ я того прилѣжанїя и вниманїя, коихъ Разъ (а) и Галїанъ отъ тѣхъ

(а) Разъ уроженецъ изъ города Реи будучи сперва хорошимъ Музыкусомъ, здѣлался наконецъ славнымъ Врачемъ своего вѣка. Галїенъ же родомъ Пергомецъ жилъ во время царствованїя Марка-Антонина Филодира: онъ былъ великой Философъ и совершенный Врачь.

тѣхъ требуютъ, которые ремѣсло сїе принять намѣрены; однако чуть только признанъ я былъ врачемъ, то вообразилъ себѣ, что почти никто не могъ въ наукѣ сей со мной сравняться. Превозносясь малою своею способностїю, поступалъ съ равными себѣ съ великою гордостїю, а съ подчиненными съ неописаннымъ презрѣнїемъ, такъ что они меня не могли терпеть ни мало; въ разсужденїи же знатныхъ и мощныхъ людей былъ я весьма низокъ и почтителенъ.

Обладая толь изящными дарованїями, думалъ, что рожденъ я для того, что бы при дворѣ въ великой быть знати; почему всячески старался сыскать себѣ тамъ защитника и покровителя: и какъ отецъ мой будучи человѣкъ доброй и весьма не дальнаго ума, вѣрилъ всѣмъ похваламъ, которыя я самъ себѣ приписывалъ,

валъ, и находилъ меня иногда при томъ очень скромнымъ; то легко согласился на мое предложенїе, что бы сыну Мамгуда любимца Хиторскаго Султана подарить двѣсти золотыхъ, дабы чрезъ то могъ онъ рекомендовать меня своему родителю. Сей молодой человѣкъ, получая отъ меня неоднократно изъ сей суммы подарки, непреставалъ превозносить меня похвалами, говорилъ о мнѣ всякую минуту столь много въ мою пользу, и приписывалъ мнѣ выдуманныя имъ толь чудесные врачеванїи, что Мамгудъ слыша безпрестанно отъ своего сына неописанныя похвалы Абуль-Асаму, [такъ я называюсь] возъимѣлъ любопытство, меня видѣть. Молодой человѣкъ къ которому я всякое утро ходилъ на поклонъ, обьявилъ мнѣ сїю вѣсть, которая въ несказанную привела меня

ня радость: онъ проводилъ меня въ кабинетъ къ Мамгуду, и я былъ столь счастливъ, что прельстилъ его своими разговорами, и ему покозался. Съ сего времени не упускалъ я ни одного случая, которымъ думалъ еще болѣе привесть себя у него въ милость. Нечаянно вылѣчилъ я нѣкоторыхъ изъ его невольниковъ, за что сынъ его превозносилъ меня неизреченными похвалами, и Мамгудъ столь много меня полюбилъ, что по смерти царскаго врача доставилъ мнѣ сїе мѣсто, хотя мнѣ еще неболѣе тридцати лѣтъ было. Признаюсь, что я видя себя на толь высокой степени незналъ себѣ мѣры; всѣхъ почиталъ за ничто въ разсужденїи себя, и вмѣсто того что бы стараться прїобрѣсть при дворѣ друзей, поступалъ я съ такою гордостїю, что не было ни одного человѣка, которой бы меня не ненавидѣлъ.

Я

Я то зналъ, но только лишь смѣялся; любимецъ Султановъ меня любилъ чрезмѣрно, и самъ Государь оказывалъ мнѣ всегда виликія милости; такъ что всѣ меня боялись; а гордость мою еще болѣе умножала подлость, есьли то сказать можно, съ которою почти всѣ придворные искали во мнѣ милости.

ВЕЧЕРЪ XVII.

Продолженіе исторіи Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

будучи первымъ медикомъ имѣлъ я надзираніе надъ всѣми въ государствѣ находящимся врачами; ни одинъ изъ нихъ не умиралъ, что бы я не имѣлъ права разсматривать ево записки, и есьли между оными находилось что любопытное, то по повелѣнію моему приносили оное въ

въ Султанскую библіотеку. Въ одинъ день будучи я у одного изъ моихъ собратій, которой отъ распустности умеръ, нашелъ между его письмами одно сочиненіе, кое еще недавно окончано было, и которое показалось мнѣ весьма хорошо, и надписано было на ономъ *о болѣзняхъ звѣрей и о лѣкарствахъ для нихъ.* Я развернулъ оное въ одномъ мѣстѣ, и читалъ толь странное и полезное, что твердое пріялъ намѣреніе, славу сего сочиненія присвоить самому себѣ; я положилъ его къ себѣ въ карманъ, и не почелъ за нужное отослать его въ Султанскую библіотеку. Переписавъ оное, какъ возможно вѣрнѣе, бросилъ оригиналъ въ огонь; а переписанное представилъ Султану, объявляя, будто оное сочинено мною; и сей государь читая то съ великимъ удовольствіемъ,

велѣлъ

велѣлъ мнѣ за труды выдать десять тысячъ золотыхъ. Толь великое награжденіе возбудило во всѣхъ желаніе видѣть сіе дорого заплаченное сочиненіе; въ разсужденіи чего велѣлъ я списать множество копій, и продавать ихъ весьма дорого. Наконецъ приписываемые мнѣ за оное похвалы такъ духъ мой возгордили, что мнѣ казалось, будто я и до земли не дотрогиваюсь: но сколь краткое время продолжалась моя пышность и знатность! я думалъ, что по Мамгудѣ никто кромѣ меня не имѣетъ права пользоваться милостію Султанскою; однако вскорѣ получилъ себѣ опаснаго соперника, который на послѣдокъ былъ причиною моей погибели; и вы не можете отгадать, кто онъ таковъ былъ? Султанская любовница, которой ты можетъ быть по несчастію не понравился,

сказалъ

сказалъ тогда Альбаертъ. Никакъ, отвѣтствовалъ Абулъ-Асамъ; напротивъ того обезьяна. Обезьяна! вскричали Султанши; да милостивыя государыни, продолжалъ онъ; но прежде нежели увѣдомлю васъ какимъ образомъ пришелъ я въ немилость, разкажу вамъ исторію о семъ звѣрѣ. Она принадлежала одному художнику, который жилъ въ концѣ хиторскаго предмѣстія, и была унего, такъ сказать вмѣстослуги. Сей человѣкъ не имѣлъ ни жены ни дѣтей; и какъ въ томъ мѣстѣ великое множество хищныхъ птицъ водилось, а притомъ трубы были весьма широкія и низкія, то онѣ чрезъ оныя влѣтали въ жильѣ, и уносили все то, что имъ пищею служитъ; въ разсужденіи чего хозяинъ обезьяны, когда ходилъ со двора, сажалъ ее подлѣ огня, для того, что бы она кушанье стерегла

отъ птицъ. Однимъ днемъ человѣкъ сей положа въ горшокъ хорошую часть баранины и пшена, пошелъ въ городъ, гдѣ пробылъ онъ долѣе, нежели думалъ: похлебка его весьма переварилась, и какъ огонь уже погасъ, то ястребъ, который въ верьху надъ трубою сидѣлъ, влетѣлъ въ избу въ то время, какъ обезьяна уставъ караулить заснула; и опрокинувъ горшокъ, унесъ мясо, которое уже почти со всѣмъ простыло: Обезьяна проснувшись отъ сего стука пришла въ отчаяніе, что такъ проглядѣла, и разсуждая въ себѣ, какъ жестоко поступитъ съ ней ея хозяинъ, старалась убѣгнуть отъ того какою хитростію, которой бы и весьма трудно было повѣрить, ежели бы то не въ самомъ дѣлѣ случилось. Для сего взирая съ печалію въ верьхъ, и увидя еще множество ястребовъ, ищущихъ новой

вой добычи, поставила она горшокъ въ пѣчь, въ которой уже огня не было, и сама стала въ него поднявъ плоскія свои заднія части въ верьхъ, въ томъ мнѣніи, что которая нибудь изъ сихъ птицъ почтетъ то за кусокъ мяса. И въ самомъ дѣлѣ одинъ коршунъ обманувшись наружностію, спустился на горшокъ, въ которое время обезьяна такъ проворно увернулась, что его поймала, завернула ему шѣю, и ощипавъ съ него перья положила его въ горшокъ вмѣсто унесеннаго у ней мяса. Художникъ возвратясь изъ города, и нашедъ въ горшкѣ вмѣсто своего кушанья птицу, смотрѣлъ на обезьяну гнѣвнымъ лицомъ, но она разъ шесть перекувырнувшись вынула ястреба изъ горшка; растолковавъ господину нѣмыми своими примѣрами, какимъ образомъ унесла у ней мясо одна птица, стала въ горшокъ

и ухватками своими показывала, какъ поимала она ястреба. Хозяинъ ея видя столь смѣшное приключенïе обезьяны, началъ хохотать, такъ что многïе изъ сосѣдей къ нему збѣжались; и какъ сïе произшествïе разнеслось по всему Хитору, то скоро дошло и до Султана, который весьма любопытствовалъ толь умную обезьяну видѣть; въ разсужденïи чего художникъ ее къ нему принесъ, и заставилъ ее дѣлать разные чудные и смѣшные дѣла и повороты; и она такъ Султану понравилась, что заплатилъ за нее хозяину столько, сколько онъ потребовалъ. Наконецъ Султанъ полюбилъ ее чрезмѣрно и безъ нее не могъ пробыть ни минуты; и есьли кто хотѣлъ пользоваться милостïю Султанскою, то необходимо должно было имѣть къ его обезьянѣ почти столько же почтенïя, сколько и

къ нему самому. Какая слабость! говорилъ я самъ въ себѣ; какъ! для сохраненія себя въ милости у государя, долженъ я ходить на поклонъ къ обезьянѣ? Нѣтъ! столь много не хочу унижаться: но разсмотря потомъ, сколь великое желаніе имѣлъ я, быть въ знатности и почтеніи, и видя, какъ и другія придворныя знатныя особы въ разсужденіи ея поступали: изрядно, говорилъ я, стану обожать сего идола, и оказывать ей столько же почтенія, сколько какой разумной твари. И такъ положа сіе намѣреніе, не было ничего такого, чего бы я для нее не дѣлалъ; и хотя въ самомъ дѣлѣ не любилъ ее нимало, однако осыпалъ ее моими ласками; но казалось, будто проклятая сія обезьяна знала, что во внутренности моего сердца я ее ненавидѣлъ; сколь ни много дружества ей оказывалъ, однако не

могъ притти у ней въ любовь: напротивъ того употребляла въ разсужденіи меня всякіе плутовства, щелкала меня по носу, драла за уши, щипала у меня бороду, и всякую минуту сбрасывала съ меня челму, что Султана такъ много веселило, что онъ иногда до слезъ смѣялся. Есьли бы все сіе произходило въ тайнѣ, то бы сносилъ оное съ большимъ терпѣніемъ; но почти всегда бывало то и въ публичныхъ собраніяхъ, и она только ко мнѣ одному приставала, что возбудило во мнѣ къ ней наичувствительнейшую ненависть, которую однако же показывать я никогда не осмѣливался, и производимыя ею надъ мной шутки при всемъ дворѣ терзали меня наичувствительнымъ образомъ.

Такія поступки сносилъ я уже болѣе года, какъ Султанъ возврашясь нѣкогда съ охоты, на кото-

которую и обезьяну всегда бирал съ собою, и на коей пробылъ онъ нѣсколько дней сряду; увидѣлъ, что пришелъ къ ней пресильной кровавой поносъ. Смущенный Султанъ собралъ тотъ часъ всѣхъ своихъ медиковъ для совѣтованія о ея болѣзни; но они раздражась, что ихъ для такого дѣла призвали, и пользуясь симъ случаемъ для изъявленія ко мнѣ своей давнохранимой ненависти: милостивой государь, сказалъ одинъ изъ нихъ, знаніе наше простирается единственно до изысканія лѣкарствъ отъ человѣческихъ болѣзней и припадковъ; Абулъ-Асамъ же, преимуществуя предъ всѣми нами, къ познаніямъ симъ присоединилъ и уврачеванія звѣрей; сочиненіе его представленное имъ Вашему Величеству доказываетъ то довольно; и такъ онъ только одинъ можетъ подать спомоществованіе обезьянѣ,

янѣ, которую вы милостивой государь съ толикою справедливостїю любите, потому что многїе изъ подданныхъ вашихъ не имѣютъ толико ума, какъ она.

Я позналъ все коварство словъ сихъ; и сїе тронуло меня тѣмъ чувствительнѣе, что за нѣсколько дней предъ симъ приключенїемъ въ одномъ собранїи ученыхъ говорили, что сочиненїе о звѣряхъ не мною здѣлано, что по видимому взялъ оное послѣ смерти кого нибудь изъ моихъ собратїй; и еще сыскался тамъ и такой человѣкъ, который увѣрялъ, что онъ нѣсколько отдѣленїй сей книги видѣлъ, и читалъ года два тому назадъ у того Медика, у коего я взялъ оное.

Султанъ, который о сей книгѣ почти со всѣмъ позабылъ, весьма обрадовался слыша такое объявленїе. Абулъ-Асамъ, говорилъ онъ мнѣ, я позабылъ, что

ты только одинъ въ состоянiи вылѣчить мою обезьяну; употреби же на то все свое старанiе; есьли хочешь сохранить себя на той стѣпени, на которую возведенъ ты мною, то покажи при семъ случаѣ все свое искусство, и доброту лѣкарствъ, кои ты въ книгѣ своей толь много похваляешъ. Потомъ не дождавшись отъ меня отвѣта, отпустилъ онъ всѣхъ медиковъ, и проводя меня въ ту комнату, гдѣ звѣрь сей находился, велѣлъ мнѣ дать двухъ невольниковъ для прислуженiя, и для исполнѣнiя во всякой скорости всего того что яниповелю.

ВЕЧЕРЪ XVIII.

Продолженiе исторiи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Никто не находился никогда въ такомъ замѣшательствѣ

 какъ

какъ я: сочиненіе о звѣриныхъ болѣзняхъ только списалъ, а прочесть онаго нимало не удостоилъ, то и не могъ знать гдѣ найти лѣкарствъ пригодныхъ для обезьяны; я пробѣжалъ оное отъ одного конца до другаго; но не нашедъ въ ономъ ничего такого, чтобы желаніе мое могло удовольствовать, вознамѣрился поступать съ сею обезьяною какъ съ маленькимъ робенкомъ; и такъ далъ ей надлежащихъ по тому лѣкарствъ; однако оные не только болѣзни ея не умалили; но еще болѣе усилили, и къ несносной для меня тогда печали она на третій день умерла; о чемъ Султанъ увѣдая, такъ на меня раздражился, что запретилъ мнѣ къ себѣ ходить. Пронзенъ будучи жесточайшею скорбію, дѣлалъ одно другаго въ жестокости превосходящіе разсужденіи. Хотя уже

въ сіе время, вскричалъ я, отдамъ себѣ должное: какіе достоинствы имѣлъ я, что бы на толь высокую стѣпень быть возвышену, и взошедъ на оную съ толикою гордостію превозносится знатностію моею? Султанскою ко мнѣ любовію и милостію долженъ я единственно Мамгуду, а не моимъ достоинствамъ; но потому и надлежало мнѣ всего того лишиться для толь малой причины, какова смерть обезьяны. Между тѣмъ какъ я такимъ образомъ разсуждалъ, возставала на меня другая буря, гораздо опаснѣйшая первой: непріятели мои внушили Султану, что я обезьяну окормилъ ядомъ, для отмщенія ей за производимыя ею надъ мной всегда насмѣшки, и что то легко узнать можно. Султанъ послушая ихъ приказалъ обезьяну анатомить, и медики нашли въ ней,

такъ какъ то они говорили, явные знаки яда; въ разсужденіи чего послали меня взять подъ караулъ, и заключа въ оковы бросили меня въ преужасную темницу. Признаюсь, что тогда вся моя твердость меня оставила; я не могъ взирать безъ ужаса на гнѣвъ Султанской, и на смерть въ которой, какъ то я видѣлъ, меня пріуготовляли; отъ темничнаго стражи получилъ я только позволеніе, отписать къ Султану, и послалъ къ нему письмо въ толь жалостныхъ выраженіяхъ, которые бы и самое жесточайшее сердце смягчили; увѣрялъ его о моей невинности, и представлялъ что обезьяна, будучи съ нимъ на охотѣ, и прыгая по деревьямъ съѣла можетъ быть какой ядовитый плодъ, есьли только она въ самомъ дѣлѣ отъ сей болѣзни умерла. Письмо мое не имѣло никакого

какого дѣйствія; все имѣніе мое было описано, и мнѣ приговорили отсѣчь голову.

Отецъ мой увѣдая о семъ моемъ заточеніи, пошелъ броситься къ ногамъ Султана; но не могъ отъ него ничего получить, и жестокосердіе сего государя столь чувствительно его пронзило, что возвратясь домой съ печали умеръ. Сіе извѣстіе и темничнымъ стражемъ обьявленіе моего приговора лишили меня чувствъ; и только тогда позналъ я, сколь нужно, когда въ знатности находишся, имѣть у себя друзей и одолженныхъ людей; только одинъ мой отецъ старался о мнѣ у Султана, всѣ же похваляли несправедливость, кою Государь сей въ разсужденіи меня дѣлалъ. Легко можно себѣ представить, какимъ образомъ препроводилъ я ночь на тотъ день, въ которой мнѣ съ

жизнїю разстаться надлежало: я находился въ жесточайшемъ смущенїи, какъ вдругъ услышалъ, что двѣри темницы моей разтворились, и увидѣлъ предъ собою лѣтъ въ семнадцать, но некраснаго лица женьщину: я дочь темничнаго стражи, сказала она мнѣ; я чувствую къ тебѣ пресильную любовь, и есьли хочешъ на мнѣ жениться, то получишъ свободу. Сколь ни безъобразна была сїя дѣвица, однако я нимало не мѣшкалъ, обѣщать ей то подъ сильнѣйшими клятвами; и такъ вышелъ съ ней изъ моей тюрмы, и пользуясь любовїю нарѣченной моей супруги, которая принесла съ собою мужское платье и двѣсти золотыхъ, вышли мы изъ города, и шедъ ночью и днемъ пѣшкомъ, а потомъ ку-

пя лошадей доѣхали до Голгонды (а).

Я началъ такъ сказать дышать паки, увидя себя внѣ областей Хиторскаго Султана: но съ сего времяни началъ я и на жену свою взирать съ нѣкоторымъ родомъ отвращенія; она скоро примѣтила, съ какимъ омерзеніемъ пріемлю ея ко мнѣ ласки, и не ожидая отъ меня такого поступка, въ разсужденіи показанной мнѣ ей услуги, и очевидной опасности, въ которую она побѣгомъ нашимъ отца своего ввергла, пришла отъ того въ толь сильную печаль и тоску,

(а) Голгонда, большій и прекрасный городъ, и мѣсто пребыванія Султана Гольгондскаго, которое государство лѣжитъ между землями великаго Могола, между Деканскимъ и Биснагарскимъ государствомъ, славенъ алмазными и другихъ дорогихъ каменьевъ рудами.

тоску, что занемогла весьма опасно; и учиня мнѣ наижесточайшїя укоризны умерла отъ отчаянїя, которое бы кромѣ меня всякаго человѣка тронуло. Сколь ни много былъ я ей обязанъ, однако печаль моя о ея смерти очень скоро миновалась, и тогда узналъ, сколь легко можно утѣшиться лишившись дурной и нелюбимой жины.

Послѣ нее осталось у меня только сто золотыхъ; я не зналъ, что со мною будетъ, когда они изойдутъ, ибо уже нимало не имѣлъ охоты, взяться опять за то же ремѣсло, которое меня въ толикую ввело опасность; какъ судьба подала мнѣ весьма странный случай, здѣлаться Гольгондскому Султану извѣстнымъ. Сей государь по обыкновенїю своему ѣжжалъ часто съ женами своими прогуливаться; нѣкогда разослалъ онъ объ-

объявить о своемъ шествiи по всѣмъ тѣмъ деревнямъ, чрезъ которыя онъ хотѣлъ ѣхать; въ разсужденiи чего всѣ отъ пути того удалились, и въ домахъ остались только однѣ женьщины; мущины же опасаясь въ разсужденiи тамошнихъ законовъ лишиться жизни удалились на милю, какъ я по несчастiю попался скороходамъ Султанскимъ; ибо я о семъ шествiи не вѣдая, прошедъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, легъ спать на своемъ коврѣ, которой всегда носилъ съ собою, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня въ коверъ завертываютъ; я тотъ часъ проснулся и вскорѣ вырвался изъ рукъ; и видя что меня хотятъ закопать живаго въ землю, зная что то въ такихъ случаяхъ нерѣдко бывало, вознамѣрился защищать жизнь мою до послѣдней капли крови; выдернулъ

дернулъ саблю и напалъ на тѣхъ трехъ человѣкъ, которые меня жизни лишить хотѣли; уже одного изъ нихъ убилъ до смерти, а другаго весьма опасно ранилъ, какъ Султанъ въ провожанїи своихъ женъ, подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ мы дрались; и мнѣ неможно было избѣгнуть отъ смерти иначе, какъ только усугубленїемъ храбрости, и какою нибудь хитростїю; въ разсужденїи чего отрубилъ однимъ махомъ голову у раненаго, а у третьяго отсѣкъ руку, при томъ вознамѣрился притвориться безумнымъ, * зная, что симъ только средствомъ могъ воспрепятствовать Султану, что бы онъ не велѣлъ изрубить меня на части. Послѣдуя сему началъ я плясать изъ всей силы и пѣть во все горло одержанную мной побѣду. Правда, что стихи мои были весьма безпорядочны:

* Безумные на востокѣ почитаютъ за святыхъ.

дочны: однако, кагда бы я и хорошей былъ Стихотворецъ, тогдашнее мое состоянїе не дозволило бы мнѣ здѣлать лутче оныхъ; и сїе то самое побудило Султана думать, что я въ самомъ дѣлѣ былъ безъ ума. И такъ вмѣсто того, что бы велѣть лишить меня жизни, приказалъ онъ мнѣ къ себѣ подойти, и спрашивалъ меня, кто я таковъ: ты зришъ предъ собой, сказалъ я ему, Мушманскаго царя славнаго (а) Дамбака, который стражами гробницы Султана Адама повелѣваетъ; тѣло его лежитъ здѣсь ковромъ симъ покрыто, и я порубилъ теперь сихъ трехъ злыхъ духовъ, кои хотѣли у меня унести оное.

Сул-

(а) Дамбакъ царствовалъ въ басненное время у восточныхъ народовъ прежде сотворенїя Адама; Мушманъ же есть одинъ изъ острововъ Мальдивскихъ.

Султанъ Гольгондскій не могъ отъ смѣха удержаться? и будучи точно увѣренъ, что я въ разумѣ совсѣмъ помѣшался, хотѣлъ мной повеселиться; великій Герой, сказалъ онъ мнѣ, поздравляю тебя съ полученною тобой толь славною побѣдою, и я не думаю, что бы впредь сыскались еще какіе дивы [злые духи,] которые бы на тебя напасть дерзнули, когда ты уже и начальниковъ ихъ порубилъ. Поди же со мной, насладись заслуженнымъ тобой покоемъ, а попеченіе стеречь у гробницы Султана Адама оставь своимъ подданнымъ. *При* моемъ же дворѣ будутъ тебѣ воздавать всякую великому Государю должную честь. Я такъ обрадовался, видя, что хитрость моя толь хорошій успѣхъ имѣла, что началъ дѣлать всякіе дурачества, дабы Государя сего подтвер-

твердить еще болѣе въ заключенномъ его о мнѣ мнѣнїи; и онъ ими такъ доволенъ быть казался, что приказавъ посадить меня на лошадь, просилъ меня, чтобъ я за нимъ ѣхалъ, повеля притомъ своимъ евнухамъ смотрѣть за мною прилѣжнее. Какъ жизнь моя единственно отъ того зависила, чтобы роль свой сыграть какъ возможно лутче; то вы легко можете разсудить, сколь много старался я убѣдить Султана, что у меня умъ со всѣмъ былъ помѣшанъ; я не притворялся быть дуракомъ, въ одномъ только родѣ; но думалъ, что легко для меня будетъ, представлять разныя дураковъ лицы, въ разсужденїи чего въ самыхъ сумозбродныхъ разговорахъ употреблялъ иногда весьма ученыя рѣчи, такъ что Султанъ почиталъ меня самымъ веселымъ и забавнымъ дуракомъ,

како-

каковаго онъ еще во всю свою жизнь не видывалъ.

Никогда не чувствовалъ я столько удовольствія, какъ въ семъ состояніи. Султанъ почитая меня за совершеннаго дурака, бралъ меня съ собой всюды, и былъ предо мною не скрытенъ: нерѣдко разговаривалъ онъ при мнѣ съ своими Визирями о самыхъ важныхъ дѣлахъ Государственныхъ. Въ одинъ день дѣлая во внутреннихъ своихъ покояхъ балъ для старшей любимой своей Султанши, думалъ, что оный совершеннымъ быть не можетъ, когда при томъ меня не будетъ; и хотя при таковыхъ случаяхъ никакой мущина находиться не долженъ, однако въ разсужденіи того, что безумные бываютъ обыкновенно въ великомъ почтеніи, не думалъ онъ ни мало погрѣшить противу сего обычая, когда прикажетъ

кажетъ и меня туда привести. Признаюсь, милостивыя государыни, что я помрачился, видя толико великолѣпія; Султанъ убранный самыми драгоценными каменьями сидѣлъ на золотомъ престолѣ подлѣ старшей своей султанши; позади у него стояли двенадцать маленькихъ евнуховъ весьма прекраснаго лица; они походили болѣе на мраморныхъ статуй, потому что стояли неподвижны, держа руки на брюхѣ, голову прямо и устремя глаза свои; за ними по одаль стояли тридцать большихъ черныхъ евнуховъ съ обнаженными золотомъ и каменьями убраными саблями; по правую у него сторону стоялъ первый его спальникъ, у котораго къ опоясью привязанъ былъ ларчикъ наполненный платками и всякими благовоніями, кои подавалъ Султану при малѣйшемъ знакѣ; по

лѣвую

лѣвую же сторону, выключая его попечителя о всякихъ увѣселѣніяхъ, стояли всѣ тѣ дѣвицы, которыя въ сералѣ отправляли тѣ же должности, кои на Султанскихъ чиновныхъ особъ налагаются, и каждая изъ нихъ отличалась по чину своему особливымъ знакомъ; а протчія Султанши сидѣли у Гольгондскаго Султана въ ногахъ, на пребогатыхъ золотомъ тканныхъ коврахъ.

Какъ скоро попечитель о увѣселѣніяхъ далъ знакъ, то загремѣла музыка, и танцовщицы начали прыгать; послѣ чего подали великолѣпнѣйшій столъ, и кушанье поставлено было въ превеликихъ фарфоровыхъ и золотыхъ сосудахъ; по окончаніи же онаго подносили Шарбетъ, и танцованіе началось паки, причемъ назначенныя къ тому дѣвицы представляли пляскою и пѣніемъ

пѣнїемъ всѣ тѣ страсти, кои любовь внушаетъ; и при томъ съ такою прїятностїю и сходностїю, что Султанъ въ знакъ своего благоволенїя далъ надзирательницѣ ихъ три тысячи золотыхъ.

Балъ сей приходилъ уже къ окончанїю, какъ старшая Султанша наклонясь къ Султану, говорила съ нимъ нѣсколько минутъ весьма тихо. Послѣ чего взглянувъ на одну молодую невольницу, которая возлѣ Султанши стояла, и которая, какъ то онъ зналъ, весьма веселаго была нрава, приказалъ ей ко мнѣ приставать; въ разсужденїи чего дѣвица сїя сошла съ своего мѣста, и подошедъ ко мнѣ взяла меня за руку. Какъ я всѣ движенїи Султанскїе примѣчалъ наиприлѣжнѣйше, то легко позналъ я его намѣренїи, и потому старался всячески его увеселить,

что для меня и весьма не трудно было, а особливо и дѣвица сія показалась мнѣ такою красавицею, что я въ нее въ туже минуту влюбился. Никакъ невозможно пересказать вамъ все то, что я говорилъ съ нею: довольно что шутка сія доведена была до того, что Султанъ желая полнымъ насладиться удовольствіемъ, вознамѣрился насъ тутъ же соединить бракомъ.

ВЕЧЕРЪ XIX.

Продолженіе исторіи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Я воображалъ себѣ, продолжалъ слѣпой, что сія дѣвица, которую Султанъ опредѣлялъ мнѣ женою, будетъ тому конечно сопротивляться, видя какого состоянія я былъ. Но житье въ Сералѣ весьма скучно и чрезмѣрно

но строго для подобныхъ ей; въ разсужденіи чего она безъ всякаго прекословія приняла предложеніе Султанши, что бы за меня выйти за мужъ. Радость мою о семъ союзѣ изъявлялъ я разными смѣшными и забавными дурачествами, и Султанъ по окончаніи бала приказалъ насъ отвѣсть въ наружное строеніе Сераля, и призвать Имана, который насъ и женилъ, послѣ чего и съ Султаншею проводилъ насъ въ ту комнату, въ которой для насъ была хорошая постѣль приготовлѣна.

Сколь ни великую страсть чувствовалъ я къ своей женѣ, и сколь ни много надлежало мнѣ имѣть старанія, показать ей мою благодарность, однако почелъ за должность, здѣлать Султану еще новое увѣселеніе. Для сего вскочилъ я благимъ матомъ съ постели, отперъ двери, и бѣжалъ

вѣ одной рубашкѣ сѣ такою скоростїю, что все мнѣ попадающееся ронялѣ: Султанѣ увѣдая тотѣ часѣ о новомѣ семѣ дурачествѣ, велѣлѣ меня остановить и привесть кѣ себѣ. Царь Мушманской, сказалѣ онѣ мнѣ, чего ты такѣ испугался? можетѣ ли это статься, что бы толь великїй герой вѣ свѣтѣ бѣжалѣ отѣ простой дѣвицы? милостивый государь, сказалѣ я тогда Султану, и ты бы такѣ же испугался, есьли бы на моемѣ былѣ мѣстѣ: давѣ мнѣ жену обѣщалѣ ты мнѣ доставить всякое удовольствїе; но я очень вѣ надеждѣ сей обманулся; я еще почти не успѣлѣ лечь сѣ моей женою, какѣ подѣ одѣяломѣ услышалѣ необычайный шумѣ, я сталѣ слушать, и мнѣ послышалось у ней вѣ брюхѣ множество звонкихѣ голосовѣ: одинѣ просилѣ рубашку, другой челму, кафтанѣ и

туфли,

туфли, третій хлѣба, пшена и мяса; а всего не сноснѣе показалось мнѣ сіе, что они говоря такимъ образомъ дрались между собою; такъ что испугавшись отъ ихъ крику, ушолъ я отъ нее, опасаясь, что бы не здѣлался отцомъ многочисленной семьи, которая уже нужды свои изъявляла, коихъ исправить мнѣ ни какъ будетъ не возможно.

Султанъ захохоталъ слыша отъ меня такой отвѣтъ. Въ семъ случаѣ онъ не такъ глупъ, какъ про него думаютъ, сказалъ онъ тогда; сколько такихъ людей, которые слѣдуя только слѣпой своей страсти, женятся не разсуждая ни мало, какіе отъ того слѣдствіи произойти могутъ; и ввергаютъ дѣтей своихъ въ бѣдность и самое несчастное состояніе? для отвращенія страховъ сего любовника, хочу я опредѣлить ему и его се-

мѣ двѣ тысячи на всякой годъ. Поди, другъ мой, продолжалъ онъ, возвратись къ своей супругѣ; не обезпокоивайся нимало, что съ дѣтьми твоими будетъ; я о нихъ стану стараться такъ какъ о своихъ собственныхъ, и напередъ тебѣ обѣщаю, что они ни въ чемъ не будутъ имѣть недостатка. Тогда началъ я приносить толь великое множество смѣшныхъ благодареній, что Султанъ тѣмъ весьма много веселился, и снявъ у себя съ руки весьма драгоценный перстень, отнеси сей подарокъ своей женѣ, сказалъ мнѣ, сїе есть начало приданаго, которое я ей дать намѣренъ.

Вы можете легко познать, что я съ радостїю пошелъ къ своей супругѣ; разсказалъ ей съ великимъ удовольствїемъ о всемъ со мной случившемся; и какъ она была неглупа, то поняла скоро,

что умъ у меня не такъ помѣшенъ, какъ я предъ Гольгондскимъ владѣтелемъ притворялся. Любезный супругъ, сказала она мнѣ меня обнимая, я была тогда въ Султанской свитѣ, какъ ты намъ попался, и съ той еще минуты почувствовала къ тебѣ пресильную склонность; не думай, что бы я въ разсужденіи тебя была столь же легковѣрна, какъ Султанъ. Когда кого любишъ, то предмѣты своей горячности расматриваешъ лутчими очами, нежели посторонніе люди. Я догадалась, что ты безумцомъ притворился единственно только для того, чтобы избѣгнуть отъ предстоящей смерти, есьлибы не употребилъ сего средства. Султанша вступилась за тебя по моей прозбѣ, и открояся ей напослѣдокъ въ моей къ тебѣ страсти, получила отъ нее обѣщаніе, чтобы уго-

ворить Султана сочетать насъ бракомъ.

Рѣчь сія, продолжалъ Абулъ-Асамъ, привела меня въ такое удивленіе, что нѣсколько времяни не могъ я ей ничего отвѣтствовать, и сіе мое молчаніе подтвердило ее еще болѣе въ ея о мнѣ мысляхъ; въ разсужденіи чего почелъ за должность, открыть ей самую истинну. Прельщаясь другъ другомъ провождали дни въ великомъ благополучіи, не стараясь при томъ вывесть Султана изъ заблужденія, что я въ умѣ помѣшанъ. Чувствовалъ безмѣрное удовольствіе отъ представленія мной разныхъ лицъ, и есьли примѣчалъ, что другіе глупостямъ моимъ смѣялись, то внутренно смѣялся тѣмъ дурачествамъ, которые видалъ повсядневно, и кои по большой части подавали мнѣ случай къ новымъ утѣхамъ и увѣселѣ-

селѣніямъ для Султана, поступая при томъ такимъ образомъ, чтобы не навлѣчь на себя непріятелей, какъ то случилось со мною въ то время, какъ я въ Хиппорѣ былъ первымъ Медикомъ: и еще на противъ того всячески старался увѣселять всѣхъ, и я разкажу вамъ о одномъ здѣланномъ мной дурачествѣ, чрезъ которое получилъ весьма хорошій подарокъ. У Султана, который весьма часто ѣжжалъ на птичью охоту, былъ бѣлый соколъ, коего онъ чрезмѣрно любилъ. Нѣкогда хотя спустить у себя съ руки сію любимую свою птицу, увидѣлъ онъ, что она очень больна. Менулонъ, сказалъ онъ тогда съ великимъ гнѣвомъ главному сокольничьему, ты знаешь, сколь много люблю я сего сокола; однако я увѣренъ, что онъ въ такомъ состояніи находится, единствено отъ того,

что за нимъ весьма худой присмотръ былъ: остерегайся, что бы съ нимъ чего не воспослѣдовало; я напередъ ему говорю что есьли кто мнѣ скажетъ что онъ умеръ, то я велю ему отрубить голову. Сокольничей въ великую пришелъ печаль, слыша таковыя угрозы; и хотя онъ всѣ свои прилагалъ силы къ спасенію сего сокола, однако ничто не помогло, и онъ спустя потомъ недѣлю умеръ, отъ чего Менулонъ въ прежесточайшую впалъ печаль. Какъ я жилъ напротивъ его двора, то услыша крикъ его служителей побѣжалъ къ нему, и состояніе ихъ господина такъ чувствительно меня тронуло, что вознамѣрился употребить всѣ свои силы, что бы его отъ предстоящей ему опасности избавить будучи принужденъ объявлять ежедневно самъ Султану при окончаніи обѣда о состо-

состоянiи его птицЪ. Успокойся, МенулонЪ, сказалЪ я ему, положись на меня : есьли СултанЪ велитЪ кого умертвить, то конечно уже не тебя. Я тотчасЪ побѣжалЪ во дворецЪ; СултанЪ садился тогда за столЪ, и казался быть весьма веселЪ. Откуда ты, Мушманской царь пришелЪ, сказалЪ онЪ мнѣ что ты такЪ смущеннымЪ кажесся? ахЪ! милостивый государь сказалЪ я ему, я имѣю разказать тебѣ весьма странное приключенiе; я пришелЪ сюда изЪ сокольни, гдѣ засталЪ Менулона сЪ мѣтлою, который вычищалЪ шага вЪ три четвероугольное мѣсто предЪ золотою рѣшеткою; по томЪ намочилЪ оное душистою водою, и разстеля тамЪ шелковой золотомЪ шитой коверЪ усѣялЪ его благовоннѣйшими цвѣтами. Послѣ чего принесЪ онЪ бѣлаго твоего сокола и обливаясь сле-

зами положилъ на спину. Соколъ лѣжалъ на коврѣ распустя крылья, носъ въ вѣрьхъ, ноги зжавъ и глаза замкнуты. Султанъ услыша сiе прервалъ вдругъ рѣчь мою. Ахъ! сказалъ онъ, мой бѣлой соколъ умеръ.

Ваше величество сказали правду, вскричалъ я тогда; но только не вели отрубить ему головы. Султанъ удивился сперьва моему отвѣту; но вспомня, какимъ образомъ грозилъ онъ Менулону, не могъ отъ смѣха удержаться, поди къ сокольничьему, сказалъ онъ мнѣ, увѣрь его, что я точно знаю, сколь много онъ старался о сохраненiи моего сокола, и что смерть его не можетъ здѣлать его несчастливымъ. Я побѣжалъ объявить Менулону толь радостную вѣсть, и разсказалъ ему какимъ образомъ я поступилъ для спасенiя его отъ погибели; онъ обнялъ меня

ня съ сердцемъ наполненнымъ благодарностію, и далъ мнѣ кошелекъ съ деньгами, въ которомъ было тысяча золотыхъ.

Поступая такимъ образомъ и имѣя такую жену, которая меня весьма много любила, ничего кажется недоставало къ моему благополучію, и я думалъ, что оно продолжится вѣчно, какъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ кончилось оно вдругъ кончиною Султана, который будучи на охотѣ упалъ съ лошади, и такъ опасно ушибся, что въ скоромъ времяни умеръ, не оставя по себѣ наслѣдника мужеска пола.

Произшедшее несогласіе, во всемъ государствѣ, не дозволяло мнѣ надѣяться, что бы тотъ, который престолъ приметъ, былъ ко мнѣ столь же милостивый; въ разсужденіи чего предложилъ я своей женѣ, отъ двора

удалиться, на что она тѣмъ съ большею охотою согласилась, что новый Султанъ далъ мнѣ знать вскоре, что я для него ненадобенъ: и такъ мы удалились въ одинъ небольшой домикъ, въ Гольгондскомъ предмѣстіи, и убравъ его порядочно и попокойнѣе, жили въ немъ довольно весело, какъ жена моя обрюхатѣла: вѣдомость сія причинила мнѣ немалую радость; но я не съ тѣмъ былъ рожденъ, чтобы долго жить въ счастіи: она родя толстаго мертваго робенка умерла вскоре.

Имѣя столь много причины хвалиться своей супругой, и видя отъ нее толико знаковъ ея ко мнѣ любови, любилъ я ее съ такою горячностію, что смерть ея чуть было не лишила меня въ самомъ дѣлѣ ума.

ВЕЧЕРЪ XX.

Продолженїе исторїи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Погруженъ будучи въ горчайшую печаль, предался единственно самому себѣ; почти цѣлую недѣлю не ѣлъ ни пилъ нехотя никакого имѣть утѣшенїя. Подлѣ меня въ сосѣдствѣ жила одна старуха, которая женѣ моей во время ея родинъ всевозможное дѣлала вспоможенїе; тронувшись моимъ несчастїемъ, не хотѣла она и меня покинуть и представленїями своими произвела во мнѣ, что я согласился не умерщвлять самого себя, какъ то сперьва положилъ намѣренїе. У ней былъ сынъ лѣтъ въ тридцать, который такъ же послѣдуя своей матери, показывалъ мнѣ столько знаковъ искреннягo дружества, что я почелъ за долгъ, возблагодарить ему за оное. Болѣе полу-

года

года жили мы не разлучно; и какъ время утолило скорбь мою, и истребило у меня изъ мыслей мое несчастіе, то я старался только подражать моему другу то есть, большую часть дня и ночи препровождать за столомъ въ пьянствѣ, въ игрѣ или съ женьщинами, въ коихъ въ Гольгондѣ нѣтъ недостатка. Вѣдя такую жизнь, увидѣлъ я вскорѣ, что у меня наличныхъ денегъ не стало, такъ же и дорогихъ каменьевъ; я полагался покрайнѣй мѣрѣ на тѣ двѣ тысячи золотыхъ, которыхъ я изъ Султановой казны требовать имѣлъ право; но я не зналъ, что владѣющій Государь уничтожилъ всѣ опредѣленные предкомъ его для бѣдныхъ денежные даяніи; и такъ видя себя принужденнымъ продавать и домашніе свои уборы, вскорѣ пришелъ я въ крайнюю бѣдность. Сынъ той старухи помогалъ мнѣ нѣсколь-

нѣсколько времяни по возможности: но видя, что я небогатой его матери былъ въ тягость, вознамѣрился здѣлаться Календеромъ, и вскоре надѣлъ на себя такое платье. Не подумайте, что бы тѣмъ здѣлался я лутче; на протпивъ того симъ способомъ старался всячески избавиться отъ бѣдности: я подговорилъ съ собою и своего товарища, и мы бродили изъ одного города въ другой, питаясь всегда на щетъ добрыхъ людей или лутче сказать простаковъ. Въ одинъ день сидѣли мы у одного изъ такихъ набожныхъ Музульмановъ, какъ невольникъ объявилъ ему, что пришло къ нему нѣсколько Персіянъ, которые столь чрезвычайные дѣла производили, какъ то они говорили, что всѣ въ домѣ его съ крайнимъ любопытствомъ видѣть то желали. Какъ я такихъ людей еще никогда не видывалъ,

валъ, что добраго своего хозяина довелъ до того, что онъ согласился повеселить тѣмъ свою семью, и велѣлъ ихъ кликнуть къ себѣ на дворъ, куда привелъ своихъ женъ и дочерей покрытыхъ предлинными фатами. Сіи чудесные въ своемъ родѣ люди начали разные выкидывать штуки съ великимъ искуствомъ, что привело въ немалое удивленіе всѣхъ тѣхъ, кои никогда ничего невидывали. Одинъ изъ нихъ сталъ на четверенки брюхомъ въ верьхъ, а подъ спину подставили ему кинжалъ остреемъ въ верьхъ, на брюхе же у него, поставя на оное небольшую наковольню, ковалъ другой горячее желѣзо; послѣ чего не переменяя сего положенія, положили ему на брюхо дыню, которую другой разрубилъ саблею на двое не дотронувшись нимало до его тѣла. Хотя сіе всѣхъ зрителей привело

вело во удивленіе, однако мнѣ показалось то нимало не чудно, потому что я представлялъ себѣ, что частое въ томъ ихъ упражненіе пріучило ихъ къ дѣйствіямъ толь опасными кажущимся; но всѣго болѣе привлекло мое вниманіе ихъ обѣщаніе, посадить при насъ сѣмичко яблоннаго дерева, которое менѣе нежели въ два часа будетъ съ цвѣтомъ и съ плодами. Вотъ какимъ образомъ они то здѣлали. Въ довольно далекомъ отъ насъ разстояніи, повесили они на писанную холстину, представляющую нѣкоторой родъ театральныхъ укражденіи. Растворя оную съ переди, взяли яблонное сѣмичко; и по нѣкоторымъ предверіемъ служащимъ рѣчамъ и баснямъ, коими легковѣрныхъ людей безъ труда могли ослѣпить, положили его въ землю, полили и затворили опять холстину;

стину; здѣлавъ сїе стали они между оною и между зрителями, и начали показывать другїя штуки съ великимъ проворствомъ и искуствомъ, потомъ поднявъ холстину показывали намъ съ великимъ восторгомъ небольшее деревцо въ палецъ толщиною, и около аршина высотою, а дабы еще болѣе обмануть зрителей, то одинъ изъ нихъ разрѣзавъ себѣ лѣвую руку полилъ сей отростокъ своей кровью, послѣ чего холстину опять опустили, и они начали показывать еще новыя кунштмы, при чемъ повторяли то дѣлать разъ пять или шесть, показывая намъ всегда, сколько дерева прибывало, и наконецъ увидѣли мы яблоню толшиною въ руку, а высотою съ небольшимъ въ два аршина, и притомъ на оной показался сперва цвѣтъ, а послѣ и плодъ.

Сколь нимного удивлялся я проворству сихъ обманщиковъ, однако ничему не вѣрилъ, зная точно, что все безъ волшебства произходило; въ разсужденіи чего разсматривалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, что напослѣдокъ увидѣлъ, что холстина была въ двое, и что когда ее закрывали, то мальчикъ лѣтъ въ двенадцать вырывалъ и всаживалъ деревья какіе намъ показывали.

Доброй мой хозяинъ, и вся его семья весьма тому дивились; однако мнѣ не хотѣлось что бы старшина сихъ обманщиковъ счелъ и меня толь же легковернымъ; въ разсужденіи чего, отвелъ я его на сторону, и сказалъ ему, что я все таинство ихъ вывѣдалъ, и онъ мнѣ въ томъ самъ признался. Чево тебѣ хочется, сказалъ онъ мнѣ смѣючись, когда можно дураковъ обманы-

манывать, такъ для чего того не дѣлать? Есть всякой хочетъ, состоянїе твое весьма съ моимъ сходно; ты живешъ только посными своими минками, а я съ проворствомъ соединенными кунштами. Я самъ былъ Календеромъ, но жизнь сїя показалась мнѣ скучною и глупою, въ разсужденїи чего оставя ее принялся за теперешнее ремѣсло, которое для меня гораздо прїятнѣе; всѣ намъ дивятся, вездѣ принимаютъ насъ хорошо, и никогда не можемъ опасаться умереть съ голоду: и я еще думаю, что тотъ, которому искуснымъ Календеромъ быть хочется, необходимо должно поучиться нѣсколько лѣтъ всякимъ уверткамъ у подобныхъ намъ людей, и я не отчаяваюсь, чтобъ достигши до нѣкоторыхъ лѣтъ, не надѣлъ я на себя опять такого плащья, кое оставилъ только

ко

ко на нѣсколько времяни; и такъ другъ мой, есьли вы съ своимъ товарищемъ хотите быть въ нашей шайкѣ, то мы примемъ васъ тѣмъ съ большею радостїю, что у насъ есть двѣ порожжїя дѣвочки, которыя конечно уживутся съ такими молодцами, коковы вы быть кажетесь.

Сїе предложенїе удивило не мало моего товарища; но мнѣ не чудно показалось. Другъ мой, сказалъ я ему, не объ чемъ намъ думать, мы съ охотою къ вамъ пристанемъ; а особливо что и послѣднїе слова сего человѣка совсемъ меня на ихъ сторону склонили. Пока не узнаю вашихъ таинствъ, продолжалъ я; могу я быть вамъ хотя нѣсколько полезенъ, я хочу представить публикѣ нѣторые чудесные лѣкарствы, кои я только одинъ умѣю дѣлать: я сперва учился медицынѣ, и бальсамами и мазьми

моими,

моими, буду производить толь удивительные врачеванїи, или покрайнѣй мѣрѣ представлять ихъ такими, что отъ меня получите не менѣе денегъ, какъ и отъ искуснѣйшихъ вашихъ штукотворцовъ; есьли же больные мои не будутъ выздоравливать, а станутъ на тотъ свѣтъ отправлятся, то всякой разъ не причтутъ то въ вину лѣкарству. Очень хорошо, отвѣтствовалъ мнѣ старшина, обнимая меня съ великою ласкою, ты конечно для нашего ремесла и рожденъ, и ученїе твое не принесло бы тебѣ пользы, когда бы ты не встрѣтился съ нами. И такъ пожалуй пристань къ намъ. Мнѣ не хочется, сказалъ я ему на то, озлобить сихъ добрыхъ хозяевъ, которые насъ такъ хорошо угощали; но завтре поутру чемъ свѣтъ, догоню васъ конечно и съ моимъ товарищемъ.

Все исполнено было какъ зговорились; мы сняли съ себя Календерскую одѣжду; на другой день по утру дали намъ по пригожей танцовщицѣ, которыя обѣщались быть намъ вѣрными, до самыхъ тѣхъ поръ, пока въ сей шайкѣ пробудемъ, и недѣли въ три обучились мы разнымъ кунштамъ такъ хорошо, что безъ всякаго труда могли дѣлать ихъ съ такимъ же проворствомъ, какъ и товарищи наши. Выключая сего новаго искусства, имѣлъ я предъ протчими то преимущество, что лѣкарства свои раздавалъ съ толь чрезмѣрными похвалами и съ такою велеречивостїю, что ни одного не нашелъ человѣка, который бы ихъ у меня не хотѣлъ купить; а особливо была у меня одна мазь, коей я великїе приписывалъ дѣйствїи, и для показанїя оныхъ выдумалъ весьма хитрую и чу-

десную шутку, которую товарищи мои такъ хорошо скрадывать умѣли, что всякой почиталъ меня чудотворцомъ. Взявъ шестилѣтняго робенка, бросалъ его въ верьхъ, отъ чего у него всѣ члены распадались, сперьва слѣды, ноги, руки а по томъ и голова; и сїи отдѣлившїяся части составлялъ я опять вмѣстѣ, помазавъ ихъ моею мазью, отъ чего робенокъ тотчасъ вставалъ, и казался быть въ прежнемъ состоянїи. Ясно видно, что сїе никакъ не можетъ быть; а состояло единственно въ проворствѣ и въ скорости дѣйствїя, которымъ непеременяя не примѣтно предмѣты, ослѣпляли очи зрителей, кои отъ насъ въ довольно далекомъ разстоянїи всегда находились, и потому рудою намазанныя изъ толстой бумаги члены, почитали за настоящаго робенка, котораго мы сперьва

ва показывали, и который опять тотъ же вставалъ.

Сiю странствующую жизнь велъ я около трехъ лѣтъ съ великимъ удовольствiемъ; мы прошли почти чрезъ всѣ Индустанскiе города; побывавъ въ Кандагарѣ (a) поѣхали въ Испаганъ, (b). Какъ сей городъ есть такое мѣсто, въ которомъ всякая роскошъ доведена до чрезмѣрности, и въ которомъ великое множество такихъ женьщинъ находится, кои добродѣтель за ни-

(a) Кандагаръ, столичной городъ Государства того же имяни; оный многократно попадался въ руки Индѣйцамъ и Персамъ, у которыхъ оный наконецъ и остался.

(b) Испаганъ городъ лѣжащiй въ Ерайской провинцiи въ Персiи, на рѣкѣ Цендеронѣ; онъ почитается однимъ изъ величайшихъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ.

что считаютъ; то весьма было бы чудно, есьли бы я довольствовался тою, которую дали мнѣ мои товарищи. Однимъ днемъ приглашенъ я былъ съ моимъ товарищемъ молодыми знатными господами на одно увѣселенїе, на которомъ согласились они итти къ одной изъ такихъ женьщинъ, которая притомъ весьма странныхъ была поступокъ; по приобрѣтенїи такимъ своимъ ремѣсломъ довольнаго достатка, положила она намѣренїе, каяться въ своихъ погрѣшенїяхъ; и для очищенїя оныхъ обѣщалась итти въ Мекку, отъ куда возвратясь купила шесть прекрасныхъ невольницъ, которыхъ отпускала ѣздить по Испагану за деньги на часъ, на день, или на недѣлю, слѣдуя Персидскому обычаю; и какъ она получаемой за то съ нихъ доходъ раздавала бѣднымъ, то думала, что вѣдя

сама

сама весьма строгую жизнь, не причиняетъ чрезъ то великому нашему Пророку нималѣйшаго озлобленія; но еще благоволеніе его заслуживаетъ. Сія женьщина будучи около тридцати пяти лѣтъ имѣла въ себѣ еще много красы; и какъ упорство возбуждаетъ наши страсти обыкновенно болѣе, то одинъ изъ сихъ господчиковъ, вмѣсто того, что бы выбрать себѣ которую нибудь изъ ея невольницъ, кои конечно гораздо моложе и прекраснее ея были, дѣлалъ ей такіе предложеніи, которыми бы всякая не толь странною набожностію тронутая женьщина прельстилась; но она ничего не хотѣла слушать, и видя что не только сей молодый человѣкъ; но и еще двое, возъимѣли къ ней такую же склонность, и сопротивленію ея ихъ желаніямъ смѣялись, схватила кинжалъ, и гро-

зила вонзить оный вЪ того, который дерзнетЪ здѢлать ей какое насилїе: какЪ дѢло имѢла она сЪ знатными особами, кои сїи доказательствы добродѢтели почитали за пустые выраженїи, то одинЪ изЪ нихЪ хотѢлЪ ея обнять; но она вЪ то самое время вонзила вЪ него кинжалЪ, отЪ котораго удара онЪ и умерЪ. Такое приключенїе привело насЪ всѢхЪ вЪ несканное удивлѢнїе; и друзья убїеннаго пришедЪ отЪ того вЪ великое сердце, обнажили свои сабли, и несчастную сїю женьщину, яко жертву толь хулы достойной набожности, изрубили вЪ мелкїя части. Невольницы видя госпожу свою вЪ такомЪ состоянїи, которое ихЪ вЪ ужасЪ приводило, подняли превеликой вопль и толь сильной крикЪ, что все сосѢдство туда сбѢжалось, и домЪ обступило: а между тѢмЪ и Кади, услыша о

томЪ

томъ пріѣхалъ туда съ своими приставами, и взялъ всѣхъ насъ подъ караулъ. Приключеніе сіе разнеслось по всему городу, и потому не обходимо надлежало наказать виновныхъ; но какъ сіи молодые господа были въ великой знати и силѣ, и судья страшился раздражать ихъ фамиліи, то они тотъ же часъ освобождены были, а меня съ моимъ товарищемъ, хотя мы со всѣмъ нашлись безвинными, отвели въ темницу.

ВЕЧЕРЪ XXI.

Продолженіе исторіи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Какъ несчастная сія женьщина была прежде невольница, и потому въ Испаганѣ не имѣла такихъ сродниковъ, которые бы отмщенія смерти ея требовали, то

по Персидскому закону надлежало насъ освободить, тѣмъ наипаче, что мы по объявленiю ея служанокъ никакого участiя въ семъ смертоубивствѣ не имѣли: но Кади не столько для отмщенiя онаго, сколько для примѣра другимъ, и для воздержанiя молодыхъ вертопраховъ, кои ежедневно всякiе безпорядки у такихъ женьщинъ производили, приговорилъ новымъ уставомъ высѣчь насъ у воротъ двора умерщвленной, тщетно старался старшина нашей шайки избавить насъ отъ сего наказанiя; потому что судьѣ подарилъ онъ по видимому не весьма много, почему и не могли никакой получить милости, и отведены были на мѣсто нашей пытки. Женьщины, которыхъ дали намъ наши товарищи, видя, что прозьбы нашего старшины нимало не помогали, старались покрайнѣй мѣрѣ уменьшить же-

стокость наказанія; въ разсужденіи чего пошли къ Кадіеву слугѣ, которому оное исполнить поручено было, и давъ ему четыре золотыхъ, получили отъ него обѣщаніе, что бы онъ пощадилъ хотя нѣсколько у насъ спины: но сей злодѣй будучи тольже неправодушенъ, какъ и его господинъ, поступалъ съ нами толь немилосердо, и билъ насъ съ такимъ безчеловѣчіемъ, что кровь текла съ насъ потоками; а потомъ не смотря ни на слезы ни на крикъ нашъ намоча разбитое наше тѣло уксусомъ съ солью, опасаясь что бы оно не загнило, отдалъ намъ наше платье; и насмѣхаясь надъ нами, сказалъ намъ, что бы онъ насъ добрымъ мастерствомъ отпотчивалъ, есьли бы не дали ему четырехъ золотыхъ.

Претѣрпя толь безвиннымъ образомъ сіе наказаніе не разсу-

дилъ я заблаго жить долѣе въ Испаганѣ, и въ тотъ же день отстали мы оба отъ нашихъ товарищей, проклиная Кадія и всѣхъ его помощниковъ, и положа твердое намѣреніе, отмстить ему за оное. Посчастію было изъ насъ у каждаго по пятидесятъ золотыхъ, почему променяя свое платье у Жидовъ на календерское, пошли мы въ Ширацъ. Часовъ чрезъ пять или чрезъ шесть прибыли мы въ одно большее сѣло, гдѣ Караванъ-Сераля не было; въ разсужденіи чего спрашивали у одного старика, которой у двора своего сидѣлъ у воротъ, гдѣ бы можно было намъ пристать. Хотя онъ простой и небогатой былъ плотникъ, однако просилъ насъ къ себѣ въ домъ, на что мы согласясь охотно дали ему одинъ золотой съ тѣмъ, чтобы насъ накормилъ хорошенько, и онъ взявъ оной пошелъ самъ достаВать

вать у сосѣдей чего полутче; но прежде своего отшествія ввелъ насъ въ одну поземную избу, въ которой первой предмѣтъ очамъ нашимъ представившейся былъ Кадіевъ слуга, поступившій съ нами съ толикою жестокостію. Какъ онъ въ разсужденіи нашей одѣжды, никакъ не могъ насъ узнать, а особливо видя насъ только одинъ разъ во время нашего наказанія; и плотникъ принесши намъ кушанья, сказалъ, что сей человѣкъ ему такъ же не знакомъ, какъ и мы, и что не могъ отказать ему у себя въ ночлѣгѣ; то мы сего нашего палача и хозяина пригласили съ собой отъужинать: и столъ препроводили довольно весело, и подгуляли очень порядочно, послѣ чего легли спать всѣ въ одной избѣ. Я легъ съ товарищемъ своимъ на одномъ тюфякѣ; и до тѣхъ поръ не заснули, пока не изыскали сред-

ства къ отмщенію Кадіеву слугѣ, который спалъ подлѣ хозяина.

Какъ скоро разсвѣтало, то хозяинъ пошелъ на роботу, я же вставъ и одѣвшись наскоро пошелъ купить метлу, которую принесъ туда подъ полою, и раздѣлилъ ее на три части. Потомъ товарищъ мой и я взявши по хорошей связкѣ прутьевъ, и снявъ съ себя платьѣ и рубашки до поясу, разбудили нашаго полача, у котораго хмѣль изъ головы еще не вышелъ; и разодравъ у него рубашку начали сѣчь его изъ всей мочи. Сей плутъ чрезвычайно удивился, когда мы ему о себѣ знать дали; тщетно бросался онъ къ ногамъ нашимъ для полученія отъ насъ прощенія, прозьбы и крикъ его трогали насъ столь же мало, сколько жалости имѣлъ онъ прежде съ нами, и въ короткое время привели мы его въ такое состоя-

нїе, которое бы всякаго человѣка побудило къ жалости; но мы наполнены будучи пресильнымъ желанїемъ ненасытнаго мщенїя, оной не чувствовали. Я уже почти двѣ связки изломалъ о его спину, кровь тѣкла изъ него ручьями, и онъ такъ сильно кричалъ, что плотникъ прибѣжавъ туда, со всѣми своими сосѣдами думалъ что мы другъ друга давимъ: а какъ мы двѣрь заперли, и кричали столь же сильно, какъ и нашъ палачь, то дверь принуждены были выломить; и зрители пришли въ неописанное удивленїе, видя всѣхъ насъ троихъ въ такомъ состоянїи: это ничего, друзья мои говорилъ я имъ, въ которое время товарищъ мой бить его не преставалъ, это ничего, сей безумецъ говорилъ намъ, что и онъ Календеромъ здѣлаться хочетъ; и хотя мы ему и пред-

 ста-

ставляли, что начало вступленія въ сей чинъ покажется ему жестокимъ, потому что терпѣнія ищущихъ испытываютъ, всегда нѣсколько суровыми поступками; однако онъ тому смѣялся, и что бы доказать намъ, что онъ человѣкъ неустрашимой, предложилъ намъ, сѣчь другъ друга; онъ началъ надъ нами, и вы видѣте, въ какомъ состояніи мы отъ того находимся; но притомъ скажу, что мы несли все безъ всякаго крика, когда же дошла и до него очередь, то крикомъ своимъ думаетъ избыть отъ того, какимъ образомъ онъ поступилъ съ нами; но упустить ему было бы весьма несправедливо, а притомъ не можемъ нимало надѣяться, что бы онъ былъ хорошей Календеръ; легко же могло бы статься что бы онъ вездѣ началъ хвастать, что удалось

ему такъ насъ отпотчивать, какъ спины наши вамъ то показываютъ. Слуга хотѣлъ было изъясниться и насъ обличить въ обманѣ; однако до того мы его не допустили; и какъ зрители похвалили нашъ поступокъ, и предлагали намъ свою помощъ, есьли то нужно; то мы начали опять несчастнаго сего слугу сѣчь съ такою жестокостію, что оставили его почти безъ чувства; и отнявъ у него данные ему для пощаженія нашего четыре золотые, пошли мы въ путь, не помышляя о томъ нимало, что съ симъ несчастнымъ полачемъ возпослѣдуетъ. Вы можете разсудить, что мы отъ сего мѣста весьма поспѣшно удалились, опасаясь, что бы о истиннѣ дѣла сего не узнали. Мы болѣе полутора года бродили по всѣмъ городамъ Персіи, препровождая весьма разпустную жизнь,

но

но показывая весьма постную и благоговенную наружность.

Какъ я несправедливаго Кадія не могъ истребить у себя изъ памяти, то видя, что я совсѣмъ уже перемѣнился, положилъ намѣреніе, итти опять въ тотъ городъ; и хотя товарищъ мой и представлялъ мнѣ, въ какія опасности могли мы тѣмъ себя ввергнуть, однако ни что не въ состояніи было, отвратить меня отъ моего предпріятія, и онъ будучи не столь отваженъ какъ я, разстался со мною. И такъ я возвратился въ Испаганъ, гдѣ узналъ я, что слуга, котораго мы столь хорошо подчивали, отъ тоговскоре умеръ: сіе причинило мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, потому что онъ могъ бы меня узнать, и неприминулъ бы конечно искать отмщенія. Такимъ образомъ не имѣя съ сей стороны ни

ни какого страха, ходилъ я въ присудственное мѣсто сего Кадія болѣе года съ такою точностію, что всякой тому крайнѣ удивлялся; всѣ увѣрены были, что я имѣя честное и справедливое сердце слушалъ съ такимъ вниманіемъ всѣ рѣшеніи сего судьи, который весьма искусным почитался; и что будучи въ разсужденіи моего сана обязанъ подавать ежедневно совѣты для споспѣшествованія мира между людьми, какимъ особливымъ интересомъ ссорющихся, старался всячески узнать какъ о естественномъ и писанномъ правѣ, такъ и о государственныхъ законахъ. Сіе казалось тѣмъ страннее, что другіе Календеры не тщились въ то ни мало; и сіе самое привело меня въ Испаганѣ въ такую славу, что большая часть ремѣслениковъ избирали меня посредникомъ

никомъ въ произходящихъ между ими ссорахъ: наконецъ дождался я того дня, въ которой желаніе свое могъ удовольствовать. Въ одинъ день здѣлалъ Кадій въ разсужденіи одного сироты весьма несправедливый приговоръ, которымъ лишалъ его наслѣдства, принадлежащаго ему по всѣмъ закономъ. И какъ соперники его хвастались тѣмъ при мнѣ прежде еще объявленія такого рѣшенія, то я увѣдая о томъ, по приходѣ моемъ въ судное то мѣсто подошелъ къ Кадію, и показывая ему, будто хочу говорить съ нимъ въ тайнѣ: познай, сказалъ я ему, того, котораго ты толь немилосердымъ и несправѣдливымъ образомъ велѣлъ наказать, тому уже около трехъ лѣтъ, и прими за то достойное воздояніе; тогда не давъ ему время мнѣ отвѣтствовать, вонзилъ ему въ грудь кинжалъ,

жалъ, столкнулъ его состула; самъ же сѣлъ на его мѣсто весьма спокойнымъ духомъ: сей злосердый, сказалъ я пришедшимъ въ удивленіе всѣмъ при томъ бывшимъ, указывая на убиеннаго Кадія, учинилъ такой приговоръ, который нарушаетъ всѣ правы справедливости, и всѣ законы; и уже давно примѣтилъ я, что онъ вмѣсто того, что бы быть защитникомъ вдовъ и сиротъ, искалъ ихъ притѣснять и угнѣтать, и что въ очахъ его только тотъ правъ бывалъ, который ему богатые давалъ подарки: я уничтожаю его рѣшеніе, и повелѣваю, оставить сироту во владѣніи своимъ имѣніемъ, а соперникамъ его дать по сту ударовъ дубиною по пятамъ.

ВЕЧЕРЪ XXII.

Продолженїе исторїи о Абулъ-Асамѣ, слѣпомъ изъ Хитора.

Кадїй былъ даже и невольниками своими такъ ненавидимъ въ разсужденїи его жестокости и ненасытной жадности къ богатству, а меня напротивъ того столь много въ Испаганѣ почитали, что не только никто не хотѣлъ отмстить смерть Кадїя, но еще всякой похвалялъ мою неустрашимость, и учиненой мной приговоръ исполненъ былъ безъ всякаго мѣдленїя. Всего страннѣе притомъ показалось мнѣ, что похвалялъ сїе и Испаганской Губернаторъ, который призвавъ меня къ себѣ предлагалъ мнѣ мѣсто Кадїево; но я просилъ его, уволить меня отъ толь важной должности, при отправленїи которой почти ни какъ невозможно, не учинить какой

кой несправедливости, или не навлеча на себя великаго множества непріятелей: милостивый государь, сказалъ я ему, тотъ, который за поступками другихъ смотреть обязанъ, имея въ рукахъ вески къ верному изследованію оныхъ, долженъ не только правое иметь сердце, но обладать отменными качествами и разумомъ, и управлять и собственными своими поступками. Когда находится за престоломъ правосудія, то долженъ почитать себя человекомъ, который цугъ сердитыхъ и ярыхъ лошадей самыми тонкими поводами управляетъ, и который отъ малейшаго потрясенія можетъ упасть, въ своей колесницы. Сіи то разсужденіи побуждаютъ меня отречись отъ той чести, которую ты мне делаешъ: пускай другой обладая большею смелостію нестрашится сихъ

опа-

опасностей. Сей отказъ удивилъ немало Губернатора; цѣломудріе мое не могло его удержать отъ того, и онъ давъ мнѣ сто золотыхъ, позволилъ итти, куда похочу.

Толь прибыточное мѣсто не принялъ я не изъ честности; но сверьхъ того, что опасался, дабы не узнали когда нибуть, что я въ семъ городѣ былъ сѣченъ, страшился я и того, что бы сродники Кадія не велѣли меня тайнымъ образомъ умертвить; и такъ немѣшкая нимало оставилъ Испаганъ, и вознамѣрился посмотреть древній Персеполь, и славный храмъ построенный тамъ Соломономъ. Въ книгѣ называемой чудеса пророковъ читалъ я, что сей Султанъ вступя въ идолопоклонство прелѣстями и обманомъ царицы его супруги, дщери Фаруина, которая была закону

Гебровъ * и не смѣя посрамить Іудейскаго храма постановленіемъ въ ономъ какого Монумента идоламъ посвященнаго, повелѣлъ не чистымъ духамъ для удовольствованія царицы построить великолѣпный дворецъ, въ которомъ бы такое находилось мѣсто, гдѣ можно бы ей было исполнять все посвоему закону, притомъ здѣлать тамъ такъ же гробницы для нее и для ея потомковъ. Но нечистые духи трудясь надъ симъ зданіемъ около девяти лѣтъ, оставили свою работу, потому что царица скончалась, и государь сей запретилъ имъ продолжать болѣе, довольствуясь только тѣмъ, что въ сіи гробницы велѣлъ положить всѣ свои богатствы и сокровищи.

* Гебрами называются Древніе персы поклонявшіяся огню.

Такіе чудеса возбудили вомнѣ не малое любопытство, и потому въ Персеполь поспѣшалъ съ вели-

великою нетерпеливостїю. Разсматривая со удивленїемъ развалины сего зданїя, которое дѣйствительно не могло сооружено быть человѣческими руками, и къ описанїю котораго весьма много времени потребно, вошелъ въ подземные чертоги, изъ коихъ съ великимъ трудомъ надобно было итти до гробницъ, которые теми же духами стрегомы, коихъ Соломонъ употреблялъ къ сооруженїю оныхъ; потомъ пошелъ къ находящейся на два дни ѣздою отъ туда славной горѣ, состоящей изъ одного только превеликаго камня со всѣхъ сторонъ неприступнаго. Гора сїя имѣетъ въ окружности около полумили; вѣршины оной не можно никакъ видѣть, и въ ней находится множество окошекъ, такъ какъ бы то былъ какой замокъ: но въ оной ни какого не видно хода; и сїе удивительное зданїе

нїе называемое Кала а диве сефидъ * почитается гробницею Исполина Рустема. Обыватели окрестъ сей горы увѣряли меня, что въ семъ замкѣ находится большая часть сокровищъ Соломоновыхъ; и я нѣсколько разъ обходилъ оную, въ той надеждѣ, не могули найти какого въ оную входа; но труды мои были напрасны, и я уже хотѣлъ въ ближайшую деревню удалится, какъ вдругъ ночь меня застигла, и я принужденъ былъ лѣчь подлѣ дерева и ожидать тамо дня. Имя сей горы меня очень безпокоило, и я немогъ сомкнуть глазъ. Однако напослѣдокъ началъ я дремать, какъ вдругъ подлѣ самой подошвы горы увидѣлъ весьма ясной свѣтъ. Я тотъ часъ вскочилъ, и сколь ни много приключенїе сїе меня устрашало, однако я побѣжалъ на оной, и ободрился не мало, увидя, что оный произ-

* То есп замокъ б лаго дїав ла.

ходилъ отъ факала, которой несъ не большой человѣкъ, идущей въ одну пещеру, коей я днемъ не могъ никакъ примѣтить. Онъ далъ мнѣ знакъ, чтобъ я занимъ шелъ, и я имѣлъ столько мужества, что безпрекословно ему повиновался. Нѣсколько времяни сходили мы отъ часу ниже въ сей горѣ, потомъ шедъ съ четверть часа чрезъ одну длинную галлерею убранную чернымъ мраморомъ, толь гладко выполированнымъ, что оный казался настоящимъ зеркаломъ; пришли мы въ залу, въ которой увидѣлъ я трехъ человѣкъ, кои казались чрезвычайно печальными; они сидѣли другъ противъ друга за треугольнымъ столомъ, на коемъ лежала превеликая чернымъ бархатомъ покрытая и пребогатыми золотыми бляхами и запирками украшенная книга, на которой находились сїи слова *да никто*

никто прикоснется книги сея, аще не очищенъ есть (а). Не большой человѣкъ, которой глубокое наблюдалъ молчаніе, сказалъ мнѣ, что бы я сѣлъ подлѣ сихъ трехъ человѣкъ, на коихъ взиралъ я съ немалымъ удивленіемъ; я его послушался, и сѣвъ сказалъ имъ да будетъ миръ съ вами... миръ изгнанъ изъ сихъ плачевныхъ мѣстъ, отвѣтствовалъ мнѣ съ суровымъ видомъ самый старшій изъ нихъ. Въ сихъ мѣстахъ, вскрычалъ я, миръ не царствуетъ! кто же вы такіе? и что вы здѣсь дѣлаете? мы ожидаемъ, продолжалъ онъ, съ смертельнымъ ужасомъ, въ семъ родѣ могилы, праведнаго суда божія.

(а) Сіи слова находятся почти на всѣхъ алькоранахъ, и въ оныхъ есть и такія главы, которыхъ читать непозволяется не омывъ сперва своего тѣла.

жїя. развѣ вы, примолвилъ я, какїе великїе грешники? Увы! сказалъ мнѣ другой, безпрестанно терзаясь напоминовенїемъ худыхъ дѣлъ нашихъ, приведены мы въ сїе состоянїе, въ которомъ насъ видишъ. Тогда растѣгнувъ свои камзолы, увидѣлъ я унихъ сквозъ кожу, которая толь же проницательна, какъ хрусталь казалось, что сердца ихъ окружены были огнемъ, которой жегъ ихъ безпрестанно, но не могъ притомъ ихъ со всемъ сжечь; и я позналъ тогда, отъ чего происходили разные движенїи ярости и отчаянїя, кои на лицахъ ихъ изображались попремѣнно. Я немогъ взирать безъ ужаса на сей родъ казни; и вождь мой видя меня жалостїю тронувшагося, сказалъ мнѣ: ты зришъ ихъ наказанїе, но не знаешъ ихъ преступленїй, открой сїю завѣсу, то познаешъ о всемъ вскоре.

ВЕ-

ВЕЧЕРЪ XXIII.

Продолженїе и конецъ исторїи о Абулъ-Ассамѣ слѣпомъ изъ Хитора.

Чуть только открылъ я завѣсу, какъ за оною увидѣлъ я картину, накоторой представленные лицы казались мнѣ оживотворенными. Сїи три человѣка были изображены на оной такъ, какъ они безчисленное множество злодѣйствъ производили, какъ то грабѣжи, смертоубивства, пожары и тому подобные преступленїи, коихъ ни какъ подробно описать не въ состоянїи. Они увидя сїю картину не только не были ни малѣйшимъ раскаянїемъ тронуты, но еще на лицахъ своихъ изъявляли нѣкоторую веселость, изъ коей я заключилъ, что бы опять къ мерзостнымъ своимъ дѣламъ приступили, есьли бы то въ волѣ

ихъ состояло. Симъ поступкомъ будучи чрезмѣрно тронутъ, не могъ ни какъ отъ сердца удержаться: несчастные! вскричалъ я, хотя жизнь ваша наполнена неистовствомъ, грабительствомъ, хищенїемъ и самыми гнуснѣйшими пороками; однако вы вмѣсто того, что бы видя изображенїе всѣхъ мерскихъ дѣлъ вашихъ почувствовали въ себѣ стыдъ и печаль, изъявляете свою радость и удовольствїе.

Для чего ругаесся ты нами, сказалъ мнѣ на то тотъ изъ трехъ человѣкъ, который еще не говорилъ? взгляни на другую сторону сей картины: тогда ударивъ по ней рукою, и оборотя ея, пришелъ я въ не описанное удивленїе, увидя тамъ самые сокровенные обстоятельства своей жизни: глупая моя гордосить во время бытїя моего верховнымъ врачемъ у Хипорскаго Султана, наказа-

казанїе за то полученное, разные чины мной отправляемые; словомъ всѣ мои неистовства изображены были на оной порядочно. На ней усмотрелъ я Кадїева слугу, разсѣкаемаго ударами, при смерти, наконецъ испускающа послѣднїе вздохи, и самого обогреннаго кровїю Кадїя поверженнаго мной на землю въ грудь кинжаломъ пораженна.

Никто неможетъ притти въ таковый стыдъ, какъ я; болѣе четверти часа не смѣлъ я проговорить ни слова; но наконецъ собравшись вдругъ съ силами, великїй Пророкъ! вскричалъ я, ты, власть коего предѣловъ не имѣетъ, ты, который планетами повелѣваешъ, который перстомъ своимъ, раздѣляя (а) луну на

(а) Магометъ, что бы идолопоклоняющихся Кораистовъ увѣрить, что онъ посланникъ Божїй, поднялъ

на двое, исполнилъ страхомъ божїимъ невѣрные сердца, яко племеннымъ мечемъ, и которому богъ ни въ чемъ отказать не хощетъ, есьли искреннее разкаянїе въ моихъ преступленїяхъ можетъ тебя тронуть, испроси мнѣ въ оныхъ прощенїе, коего чистымъ и не лицемернымъ сердцемъ требую. Повинуясь претерпѣвать на землѣ всякое наказанїе, котораго я достоинъ, избавь меня отъ жестокаго наказанїя предбудущїя жизни, которое меня устрашаетъ; и сотвори, что бы съ Гурїями твоими насладился не нару-

---

руку, какъ то послѣдователи его обьявляютъ, и двумя перстами перерезалъ луну на двѣ части, изъ коихъ одна сошла тихо на землю, прошла мимо рукъ сего лжепророка, и возвратилась паки къ другой половинѣ. Отъ туда установили они празникъ, называемой Шекъ-Фель-Камаръ, то есть, разрезанїе луны.

нарушаемымъ ничемъ благополучїемъ для истинныхъ правовѣрныхъ.

Чуть только произнесъ я сїи слова, проливая великїе слезъ потоки, какъ Карла ударивъ меня своимъ зажженнымъ факаломъ по лицу: кайся, сказалъ онъ мнѣ въ преступленїяхъ твоихъ цѣлые семь лѣтъ, безъ всякаго роптанїя, и ожидай отъ милосердїя божїя прощенїя въ оныхъ. Тогда ударилъ пресильной громъ, и такъ долго раздавался, что я совершеннаго опроверженїя естества чаялъ. Сїе привело меня въ такой ужасъ, что всѣхъ чувствъ лишился, и изъ сего состоянїя, къ которомъ незнаю какъ долго пробылъ, вышелъ крикомъ, который показалось мнѣ будто производили съ Минаретскихъ башенъ для созыванїя на молитву. Великїй боже! вскричалъ я тогда, гдѣ я? и какою окруженъ я мглою?

дружокъ, сказалъ мнѣ одинъ мимохожей, конечно лишился ты зрѣнія, когда не видишъ, что находишся у вратъ Хиторской соборной мечети. Хиторской мечети! отвѣтствовалъ я со удивленіемъ, тому съ минуту, какъ я въ Персеполѣ находился. Мимохожей началъ смѣятся, и я слышалъ, что говорилъ другому, сей слѣпой былъ вчера конечно подъ хмѣлькомъ, отъ чего еще и теперь не очень трезвъ, или онъ конечно въ умѣ помѣшанъ. Какіе разсужденіи вступили тогда въ умъ мой! какъ! сказалъ я самъ себѣ, не уже ли то правда, что въ горѣ бѣсовъ со мною приключилось? увы! продолжалъ я, то все збылось со мною; чувствую, что приключившееся со мной не сонъ, и что лишенъ я зрѣнія. Великій Пророкъ! когда ты милосердымъ окомъ на меня возреть хочешъ, то съ благодар-

ностію

ностію пріемлю все, что небо ни повелитъ съ моей судьбою.

Скоро увѣрился я въ сей истиннѣ. Все что я ни слышалъ отъ входящихъ въ мечеть, удостовѣрило меня, что я въ Хиторѣ; и какъ многіе человѣколюбивые люди подавали мнѣ милостыню, то могъ понять, что выключая лишенія зренія, Пророкъ хотѣлъ меня и унизить до того, что бы пропитаніе свое имѣлъ единственно отъ подаянія истинныхъ правовѣрныхъ въ томъ городѣ, гдѣ спустя тому лѣтъ пять или шесть предпочиталъ себѣ только Султана и Визиря Мамгуда. Избѣгнувъ той опасности, въ какой тогда въ семъ мѣстѣ находился, не хотѣлъ я при семъ случаѣ о себѣ обьявить, и нанявъ себѣ въ предмѣстіи одну горинку, не пропускалъ ни одного дня, чрезъ цѣлые семь лѣтъ, повинуяся гла-

су посланника божія. Всякое утро ходилъ ко вратамъ мечети, и тамъ пробылъ бы я всю жизнь мою, не взирая на сны, въ которыхъ для полученія паки зрѣнія возвѣщалось мнѣ итти въ Ормуцъ, есьли бы Альбаертъ тѣмъ же внушеніемъ упоенный не пришелъ изторгнуть меня изъ злополучнаго моего состоянія, и не показалъ мнѣ, возвратя мнѣ чувство зрѣнія, что великій нашъ Пророкъ уже примирился со мною.

Приключеніи Абулъ-Ассама увеселили весьма много Султаншъ; но и Султанъ Гузаратскій чуствовалъ такъ же не менѣе удовольствія. Всѣ удивлялись они различности произшествій жизни сего слѣпаго, и чудесамъ съ нимъ збывшимся, какъ надзиратель Караванъ-Сераля пришелъ къ Ширину съ объявленіемъ, что вчерашняго дня пріѣхали два человѣка весьма прекраснаго

красного вида, одѣтые въ купеческое платье, и казались быть весьма великой дружбѣ; въ разсужденіи чего получилъ повелѣніе привести ихъ во дворецъ какъ возможно скорее. Я того недожидался, милостивый государь, сказалъ онъ ему, что бы вы мнѣ то приказали; я напоилъ ихъ буенгомъ, и они уже скоро проснутся, а теперь лѣжатъ здѣсь за дверьми. Принцъ пересказавъ Султаншамъ, что ему объявилъ Заадій, возбудилъ въ нихъ великую нетерпеливость, чтобы сіи два новые пришельца опамятовались. Какъ скоро увидѣли, что они пробужаются, то немѣдленно отдернули завѣсу; и есьли Султанши удивлялись красотѣ сихъ двухъ человѣкъ, которые другъ на друга взирали, что бы узнать какимъ образомъ зашли они въ толь великолѣпные чертоги; то

удивленіе ихъ здѣлалось еще болѣе, когда онѣ примѣтили, что они оба вдругъ вскочили, и поднявъ превеликій радостный крикъ побѣжали къ Персидской Принцессѣ, и къ ногамъ ея бросились.

Никакъ невозможно изобразить то состояніе, въ которое приведена была Канцадея, увидя въ сихъ двухъ пришельцахъ, Принца Висапурскаго и Султана Ормуцкаго. Есьли присутствіе перваго внушало въ нее наичувствительнѣйшую радость, то взоръ другаго причинялъ ей толь сильный страхъ, что къ Карабагѣ пала безчувственна въ руки. Сіе тронуло Султаншъ, и онѣ всѣ силы свои употребляли, чтобы привести ее въ чувство. Какъ скоро пришла она въ себя, то Кацанъ-Канъ началъ ей говорить такъ: не страшись ничего болѣе такой страсти, которой единое напо-

миноваnіе

миговенїе приводитъ меня теперь въ смятенїе и стыдъ; только какимъ нибудь чудомъ, дражайшая сестра, могла она изъ сердца моего изчезнуть; и сей братъ, на котораго до сихъ поръ должна ты была взирать съ омерзенїемъ, въ разсужденїи чувствуемой имъ къ тебѣ мерской любови, достоинъ теперь единственно твоего сожалѢнїя. Прости же ему, прекрасная Канцадея, что толико несчастїй и бедствїй отъ него претерпѢла. Я не стыжусь нимало признаться здѢсь въ моихъ преступленїяхъ; они послужили только къ тому, что бы доказать мнѢ всю злобу человѢческаго сердца. благодарю великаго нашего Пророка, что въ очахъ твоихъ недолженъ я болѢе быть тѢмъ ужаснымъ любовникомъ, которой толико разъ приводилъ тебя въ трепѢтъ; ты въ немъ увидишъ

увидишъ теперь почтительнаго брата. А что бы доказать тебѣ самымъ дѣломъ, что я избавился совсемъ отъ такой любви, кой единое напоминовенїе приводитъ меня въ ужасъ, то соглашаюсь, что бы Висапурскїй Принцъ сочетался съ тобой бракомъ, есьли то возможно, безъ всякаго замѣдленїя.

Канцадея не могла себѣ представить, что все то истинно было. Она имѣла причину думать, что перицы, въ чертогахъ коихъ она быть мнила, могли для удовольствїя ея, показать очамъ ея такихъ духовъ, которые вскорѣ изчезнутъ; и все происходившее казалось ей тѣмъ труднѣе, что зная о смертныхъ измѣнахъ и толь явной неблагодарности Кацанъ-Кана, не могла увѣриться, что бы онъ въ разсужденїи ея перемѣнился. Есьли что могло отвратить ее отъ

сихъ мыслей, то сїе было согласїе, которое между ея любовникомъ и между братомъ ея быть казалось; но Котбединъ скончалъ всѣ ея сомнѣнїи, поцѣловавъ у ней руку съ нѣжнѣйшимъ восхищенїемъ. Да, божественная Канцадея, сказалъ онъ ей, сего Принца, твоего брата, не должно намъ болѣе почитать врагомъ нашимъ; не только соглашается онъ съ радостїю на благополучїе мое съ тобою; но мы ищемъ тебя вмѣстѣ тому уже болѣе трехъ мѣсяцовъ, да бы скончать всѣ твои напасти: и мы уже начинали въ томъ отчаяваться, какъ непонятнымъ для насъ приключенїемъ тебя находимъ, не зная какимъ способомъ, въ такихъ чертогахъ, великолѣпїе коихъ превосходитъ все то, что мы величественнаго, славнаго и удивительнаго въ свѣтѣ видѣли, и кои сооружены

кажут-

кажутся только для того, что бы представить истинное понятїе обѣщаемаго нашимъ Пророкомъ Рая тѣмъ, которые законъ его исполняшъ съ точностїю.

Канцадея вышедъ изъ сего удивленїя, подняла своего любовника и своего брата, и обнимая послѣдняго съ горячностїю: увы! государь, сказала она ему, то въ самомъ дѣлѣ истинно, что обретаю въ тебѣ брата и защитника, и что безъ сожалѣнїя соглашаешся, чтобы я Висапурскому Принцу досталась? да, дражайшая Канцадея, отвѣтствовалъ Кацанъ-Канъ, положа мою руку въ Котбединову; я не только на то согласенъ, и даю тебѣ храбрѣйшаго и великодушнѣйшаго на свѣтѣ человѣка; но могу тебя увѣрить, что на союзъ сей съ неизреченною радостїю взирать буду.

Кофробъ, которой глубокое наблюдалъ молчанїе, зачалъ тогда

говоритъ: Султанъ Ормуцкій, сказалъ онъ ему, ты долженъ прославлять Небеса, что изъ сердца твоего такую страсть изтребили, которая бы во всю твою жизнь приносила тебѣ срамъ и безчестіе; и которой никакія адскія муки не могли бы посмерти твоей очистить, есьли бы бѣдственные свои намѣренія исполнилъ; завѣса очи твои закрывающая, съ тебя спала; великій нашъ Пророкъ показалъ на тебѣ довольно безконечную щедроту и милосердіе всѣсильнаго; онъ тебя любитъ, защищенія своего показалъ тебѣ явные знаки; я не хочу толковать тебѣ о томъ яснѣе, ты все подробно о томъ знаешъ: скончай же тобой начатое, и для лишенія Принцессы всякаго безпокойствія, дозволь, что бы въ сію же минуту соединилъ я ее съ Висапурскимъ Принцемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Султанъ Ормуцкій полюбилъ Канцадею, никто не старался отвращать его отъ онаго; посмотря присталько на Имана, побѣжалъ пасть къ его ногамъ: почтенный старецъ, сказалъ онъ ему, человѣкъ ли ты или духъ, ибо безъизвѣстно мнѣ куда тебя причислить; сколь великою благодарностію я тебѣ обязанъ? понеже ты только одинъ излѣчилъ меня отъ поносной любви, которая меня ослѣпляла, и въ бездну пороковъ ввергала; соверши милость свою, и есьли сіи дамы позволятъ, не отлагай болѣе такое благополучіе, кое я столь долгое нарушалъ время. Я отвѣтствую въ ихъ на то соизволеніи, продолжалъ Кофробъ; онѣ весьма великое удовольствіе чувствуютъ, видя скончаніе злополучій Канцадеи, и потому въ толь полезномъ для нее дѣлѣ всевозможное

можное участіе пріемлютъ: тогда приближась къ Котбедину и къ Принцессѣ, сочеталъ ихъ въ ту же минуту. Все сіе произходило съ такою скоростію, что Султанъ и Принцъ Висапурскій почти не имѣли времяни помыслить о пренесеніи своемъ въ сіи чертоги. По протеченіи первыхъ минутъ спрашивали они у Канцадеи, гдѣ они находятся; но сія Принцесса разказала имъ о томъ согласно съ понятіями, кои она о томъ имѣла; и какъ они въ древнихъ Ромагъ о разныхъ сему подобныхъ приключеніяхъ довольно читывали, то почли за весма возможное дѣло, что тѣ же силы, которыя въ сіи мѣста завели Принцессу, принесли туда также и ихъ для скончанія тамъ ихъ несчастій; и Султанъ Ормуцкій имѣлъ причину вѣрить тому тѣмъ наиболѣе, что изъ сказаннаго имъ Иману показывало,

ло, что онъ великаго сего человѣка не въ первый разъ видитъ.

Султанши, которыя до сей минуты были зрительницами всего произходящаго, возъимѣли крайнее любопытство знать какимъ образомъ Принцъ Висапурскій сошелся съ Ормуцкимъ Султаномъ, и какимъ случаемъ сей государь могъ побѣдить ненависть свою къ Котбедину, и любовь свою къ Канцадѣ; Гегернаца показывала, сколь великое удовольствіе примитъ имъ сіе повѣствованіе! и Султанъ началъ приключеніи свои разказывать такимъ образомъ.

ИСТОРІЯ

О Кацанъ-Канѣ Султанѣ Ормуцкомъ.

Безполезно бы было, милостивыя государыни, есьли бы началъ разказы-

разказывать вамъ о первыхъ приключенiяхъ моей жизни ; оные вамъ конечно не безъизвѣстны , потому что Принцесса безъ сомнѣнiя васъ о нихъ увѣдомила: что касается до того, что случилось со мной съ тѣхъ поръ, какъ Принцъ Котбединъ разлученъ былъ съ Канцадеею; то оное вамъ, думаю, также неменѣе извѣстно, есьли вы изъ числа благодѣтельныхъ духовъ, какъ то думать я долженъ; но кто бы вы таковы ни были , однако не откажу вамъ въ такомъ повѣствованiи, которое должно оправдать меня въ чрезмѣрной страсти, кою чувствовалъ я къ сестрѣ моей; и въ крайней моей неблагодарности въ разсужденiи Висапурскаго Принца.

Съ самого ослушанiя Султана Адама, раждаемся мы всѣ съ склонностями болѣе или менѣе сильными ко удаленiю отъ долж-

жно-

жностей своихъ; хорошее воспитаніе исправляетъ иногда сіи наши къ злу склонности; но часто бываютъ онѣ насъ самихъ сильнѣе; и наказанія налагаемые на насъ въ младенчествѣ не всегда способными бываютъ средствами къ отвращенію насъ отъ злыхъ нашихъ склонностей: что испыталъ я на самомъ себѣ. Рожденъ будучи отъ премудраго и добродѣтельнаго отца, написано было на доскѣ свѣта, что я чудовище буду въ омерзеніе всего міра, потому что поносная страсть, кою возъимѣлъ я къ сестрѣ, потушила въ душѣ моей всѣ чувства истинныя вѣры, честности и человѣчества: позволь те, милостивыя государыни, умолчать мнѣ о томъ времяни, въ кое я былъ въ ослѣпленіи; а приступить къ тому, въ которое обрѣлъ паки употребленіе моего разсудка.

ВЕ-

ВЕЧЕРЪ XXIV.

Продолженіе исторіи о Кацанъ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Видя, что еще обязанъ я былъ вольностію Котбедину; понеже убивъ самъ бальзорскаго Султана, жестокаго моего непріятеля, возвелъ меня паки на престолъ; что не взирая на оказанную мной ему чувствительную неблагодарность, сей воинъ не хотѣлъ оставить меня въ рукахъ злосердаго моего рока, и согласиться на толь полезные для него отъ Абдармона предложеніи; трепеталъ я отъ ярости, зря себя принужденнымъ показать ему за то благодарность; и сердцемъ моимъ обладавшая мерзостная зависть внушала въ меня наипоснѣйшія мысли, такъ что твердое положилъ намѣреніе погубить сего Принца подъ видомъ искреннѣйшаго дружества; я объ-

обѣщалъ ему Канцадею въ супружество, я ее ему и отдалъ съ тѣмъ, что бы онъ отвезъ ее въ Висапуръ, и сочетался бы съ ней не прежде, какъ по прибытіи ихъ въ земли его родителя; а между тѣмъ не упустилъ я ничего къ возпрепятствованію исполненія сихъ обѣщаній: повелѣлъ корабельному его капитану, бросить Котбедина въ море въ назначенномъ ему отъ меня мѣстѣ, а Принцессу ко мнѣ назадъ привести, надѣясь, что по смерти ея любовника найду ее не столь упорною, мнѣ повиноваться. *Видя что то время*, въ которое послѣ толь жестокосердаго исполненія Канцадѣ надлежало возвратиться, прошло; почувствовалъ въ себѣ не описанное безпокойство, не имѣя о томъ никакого извѣстія; и какъ страсть моя къ сей Принцессѣ тревожила меня безпрестанно, что

то приказалъ вооружить четыре корабля, и вознамѣрился пуститься по всѣмъ морямъ, чрезъ кои ей должно было ѣхать, дабы увѣдать, что съ ней случилось. Проѣхавъ чрезъ нѣсколько мѣстъ, не могши притомъ узнать желаемаго мною, приказалъ я пуститься къ Дабулу; и намѣренiе мое было такое, чтобы отъ туда послать въ Висапуръ освѣдомиться, не прiѣхалъ ли туда Принцъ, не взирая на мои повеленiи, какъ вдругъ вѣтръ переменился такъ, что загнаны мы были въ самое море. буря здѣлалась столь сильная, что цѣлые восемь дней ежеминутно ожидали смерти; покрайнѣй мѣрѣ мой корабль который былъ лутчей; ибо протчiе три можетъ быть поглощены морскими волнами. Наконецъ утихла непогода, и мы начали приходить въ себя нѣсколько, какъ устрашенный корм-

чїй кликнувъ меня, милостивый Государь! сказалъ мнѣ, мы занесены въ Оманкое море, и сколько ни прилагалъ я силы, однако корабль съ крайнею скоростїю плыветъ къ острову Рамаку, который обитаемъ одними чрезвычайно суровыми дикими. Они безъ всякаго милосердїя пожираютъ своихъ враговъ, или тѣхъ, кои на острова ихъ заносятся бурею; стремленїе морское влечетъ насъ туда, и намъ нѣтъ никакой надежды того избѣгнуть: правда они иногда щадятъ тѣхъ, которые знаютъ какое художество, и могутъ ихъ тому научить, и такихъ они не умерщвляютъ, потому что они весьма трудолюбивы и къ ремесламъ чрезмѣрно склонны. Случается, что такимъ людямъ по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ даютъ они свободу, о чемъ мнѣ точно знать можно, потому

му что по несчастію я уже однажды у нихъ былъ, и отъ смерти спасса только тѣмъ, что былъ у нихъ корабельщикомъ, понеже еще съ молода въ корабельномъ художествѣ упражнялся; и я ихъ научилъ суда строить. Чуть только престалъ кормчій говорить, какъ увидѣли себя окруженными болѣе нежели шестьюдесятью судами наполненными *дикими*, которые вскочили къ намъ на корабль прежде, нежели мы въ оборонительное состояніе стали: отъ претерпѣнныхъ нами отъ бури трудовъ устали мы такъ много, что никто не былъ въ силахъ, держать оружія; въ разсужденіи чего дикія взяли насъ безъ всякаго труда, перевязали насъ веревками, и отвели нашъ корабль въ похожее на гавань мѣсто, гдѣ высадили насъ на берегъ, и поса-

дили въ превеликой изъ досокъ здѣланной сарай.

Знатнѣйшіе между сими островскими жителями, числомъ восемь, отличались отъ прочихъ по своимъ шапкамъ съ крашенными перьями; насъ было около ста человѣкъ; они раздѣлили насъ на три части, изъ коихъ одну умертвили, а другія двѣ розданы были по дикимъ. Я съ кормчимъ достались по счастію одному изъ осьми знатнѣйшихъ, и какъ у него запасено было множество всякаго мяса, то мы по счастію избѣгли того безчеловѣчія, съ которымъ поступили съ нашими товарищами, изъ коихъ шестерыхъ задавили, зажарили и при насъ сѣли.

Не безъ ужаса взиралъ я на сіе исполненіе. Какъ кормчей будучи на семъ острову два года невольникомъ, имѣлъ время научиться ихъ языку, то уговаривалъ

ривалъ я его, предложить нашему хозяину, что бы онъ взялъ за насъ выкупу; онъ началъ тому смѣяться; какой выкупъ хотите, Ваше Величество, дать симъ дикимъ? сказалъ онъ мнѣ; ни злато ни драгоцѣнные каменья ни всѣ богатствы Персіи не въ состояніи поколѣбать сіи варварскіе сердца; звѣриная и рыбная ловли состовляютъ все ихъ упражненіе и удовольствіе; изъ всѣхъ страстей извѣстны имъ только дружба и ненависть, пребывая до послѣдняго издыханія другъ другу и союзникамъ своимъ вѣрными; получаютъ ли какое озлобленіе отъ своихъ враговъ? то для отмщенія имъ нажесточайшимъ образомъ на все отваживаются, и величайшее свое неудовольствіе полагаютъ въ томъ, что бы на павъ на нихъ нечаянно всѣхъ ихъ побить и съѣсть. Отвѣтъ сей опечалилъ

лилъ

лилЪ меня чрезвычайно; сЪ какимЪ ужасомЪ взиралЪ я на тотЪ родЪ смерти, кЪ которому я опредѣлялся; но кормчій мой старался всячески меня утѣшить, и говорилЪ мнѣ такЪ: милостивый Государь! только одно средство знаю я кЪ спасенію вашей жизни; вчера видѣли вы дочь нашего господина, ей не болѣе пятнадцати лѣтЪ, я доведу ее до того, что она васЪ полюбитЪ; и есьли вы будете такЪ счастливы, что ей понравитесь, и она замолвитЪ за васЪ у своего отца хотя слова два, то онЪ приметЪ васЪ вЪ свою семью зятемЪ; но вамЪ необходимо будетЪ должно жить согласно сЪ нравами сего острова, не помышлять уже болѣе о возвращеніи вЪ Персію, есьли вы не хотите умереть отЪ ужаснѣйшихЪ мученій; я знаю, чего сіе будетЪ Вашему Величеству стоить;

ить; но чего не дѣлают для избѣжанія отъ смерти, когда она въ толь свирѣпомъ видѣ очамъ нашимъ представляется?

Предложеніе Вагіединово (такъ назывался мой кормчій) привело меня въ такое удивленіе, что не могъ ему ничего на то отвѣтствовать. Молчаніе мое почелъ онъ за сомнительное на то согласіе, и оставилъ меня одного. Рѣчь его произвела во мнѣ толь чувствительную скорбь, что я не примѣтилъ, что уже со мной его не было, и видя себя одного предался горчайшимъ размышленіямъ. Какъ! сказалъ я тогда самъ въ себѣ, презирая всегда самыми славнѣйшими красавицами всего востока, принужденъ я теперь для спасенія своей жизни припадать къ стопамъ дочери дикаго, такой твари, которая отъ звѣря почти только языкомъ и подо-

ѣіемъ отличается? можно ли найти что нибудь ея безобразнѣе и гаже! праведное небо! къ чему осуждаешь ты меня? увы! умру; къ чему въ томъ колѣбатся! къ чему ожидать того времяни, когда надлежитъ быть жертвою жестокосердаго начальника, или предмѣтомъ мерзостныхъ желаній его дочери? но не должноли мнѣ, продолжалъ я, почитать сіе мое состояніе справедливымъ наказаніемъ, посланнымъ на меня небесами, которые я теперь на помощь призываю. Преступя послѣдніе повелѣніи родителя, которому обѣщалъ оставить совсѣмъ намѣреніе, на сестрѣ жениться; изгоняя беспрестанно добродѣтельную сію Принцессу, и будучи толь мерзостнымъ образомъ неблагодаренъ такому Принцу, которому долженъ жизнію, свободою и бывшимъ моимъ престоломъ; не достоинъ

стоинъ ли я еще строжайшаго наказанія? не сія ли то богопротивная любовь завела меня на сей ужасомъ исполненный островъ? конечно и великій нашъ Пророкъ привелъ меня сюда единственно для очищенія такого преступленія, въ коемъ не имѣю силъ раскаяться довольно.

Я еще не окончалъ сихъ печальныхъ разсужденій, какъ Вагіединъ ко мнѣ возвратился: я принесъ къ вамъ, милостивый Государь, сказалъ онъ мнѣ, хорошія вѣсти; вы молодой нашей госпожѣ не неполюбились; изъ теперишняго моего съ ней разговора можно надѣяться, что она о жизни вашей старается, и какъ скоро она о томъ отцу своему хотя что нибудь скажетъ, то вы избѣгните конечно судьбины товарищей нашихъ. Ахъ! другъ мой вскричалъ я тогда, въ какую крайность приведенъ я? какъ

Ормуцкїй Султанъ принужденъ будетъ на чудовищѣ жениться! нѣтъ, я хочу лутче претерпеть сто смертей. Кормчей удивился моему отвѣту: милостивый государь, примолвилъ онъ, когда Ваше Величество столь много печалитесь, то конечно не знаете, какимъ образомъ дѣлается бракъ на семъ острову, и какїя церемонїи при томъ наблюдаются; есьли о нихъ вамъ разскажу, то увидѣте, что къ полученїю вольности нѣтъ лутчаго способа. То чего вы столь много страшитесь, то есть, жениться на Агарїатѣ [такъ называется единородная дочь Михайуна нашего господина]; не такъ скоро здѣлается. Въ сихъ мѣстахъ находится немало весьма странныхъ обрядовъ прежде нежели дойдетъ до совершенїя брака, и оные подадутъ намъ можетъ быть случай, изъ сего острова

выйти. Рѣчь Вагїединова успокоила меня нѣсколько, я началъ дышать паки, когда онъ мнѣ объявилъ, что на семъ островѣ бракъ не съ такими предосторожностями и церемонїями производится, какъ въ Персїи, и что времяни на то остается мнѣ еще очень много. И такъ по совѣту сего человѣка, который уже предъупредилъ Нишапуя въ склонности дочери его ко мнѣ, пошелъ я на другой день при наступленїи ночи къ Агарїатѣ въ шалашъ, дернулъ ее три раза за носъ, что бы разбудить; потому что безъ сей церемонїи никакъ нельзя тамъ обойтиться. Сїя прекрасная дѣвица не сказала мнѣ на то ни слова, а только глядѣла на меня съ усмѣшкою, что могъ я примѣтить потому, что въ рукѣ у меня была не большая свѣчка; и какъ все сїе происходило съ великою пре-

 досто-

достороженостію, а еще болѣе съ благопристойностію, то послѣ того возвратился отъ ней весьма довольнымъ цѣломудріемъ молодой моей госпожи; и сію церемонію принужденъ я былъ повторять цѣлые два мѣсяца всякую ночь. Какъ во время теченія сихъ ночныхъ любовныхъ свиданій, увидѣлъ я, что въ Мишапуевой семьѣ пріуготовляются умертвить на сѣденіе двухъ изъ моихъ подданныхъ, то положилъ намѣреніе, говорить о томъ съ моей невѣстой. Прекрасная Агаріата, сказалъ я ей чрезъ моего кормчаго, всѣ тѣ люди, которые со мной невольниками взяты, мои, а потому и твои дѣти: я въ землѣ моей ихъ Государь; что здѣлали они твоему отцу, что съ ними съ такою жестокостію поступаютъ? есьли ты хотя нѣсколько меня любишъ, то здѣлай,

что бы имъ жизнь даровали і симъ только средствомъ можетъ и моя жизнь сохранится. Между тѣмъ, какъ Вагіелинъ переводилъ ей мои слова, проливалъ я слезы, они смягчили Агаріату, и она обѣщалась усладить горесть несчастной ихъ доли; и съ тѣхъ поръ Мишапу не велѣлъ изъ нихъ никого умерщвлять, и еще и другихъ своихъ единоземцовъ уговорилъ, поступать съ подданными моими съ таковымъ же человѣколюбіемъ.

Въ сколь нижалостномъ состояніи я находился, и какіе размышленіи ни дѣлалъ я о зловредной моей страсти; однако не могъ позабыть Канцадеи: и жестокость моя къ Принцу, ея любовнику умножалась отъ часу болѣе, когда представлялъ себѣ, что безъ него, сестра моя можетъ быть согласилась бы на бракъ сомною, и что только онъ

одинъ

одинъ былъ причиною, что я оставя Ормуцъ, прибитъ былъ къ сему острову.

Въ одну ночь утомясь отъ дальной ѣзды на звѣриную ловлю, и исполня въ разсужденіи Агаріаты обыкновенныя должности, заснухъ я весьма крѣпко на мѣдвѣжьей кожѣ; всѣ мои злополучіи начертались въ умѣ моемъ тѣмъ съ большею живостію, что мнѣ показалось, бутто сестра моя держала Котбедина за руку, и взирая на него съ величайшею горячностію, клялась ему вѣчною любовію. Пришедъ отъ того въ сильное движеніе, выхватилъ я свою саблю, и хотѣлъ было обѣихъ ихъ принесть ненависти и мщенію моему на жертву; какъ одинъ человѣкъ, который на почтеннаго старца, соединившаго теперь Котбедина съ Канцадеею, во всемъ походитъ; удержалъ мою руку.

ВЕЧЕРЪ XXV.

Продолженїе исторїи о Кацанъ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Постой! сказалъ мнѣ сей человѣкъ съ величественнымъ и повелительнымъ видомъ; Принцъ, котораго хочешъ ты лишить жизни, не долженъ отъ тебя погибнуть. Сколь ни великою неблагодарностїю посрамилъ ты себя въ разсужденїи его; однако я увѣдомилъ его, въ какомъ плачевномъ состоянїи ты находишся; онъ только одинъ можетъ свободить тебя отъ онаго, и онъ съ радостїю желаетъ, пренебречь еще разъ своею жизнїю за такого измѣнника, который покушался лишить его оной самымъ подлымъ образомъ; великодушїе его не имѣетъ примѣра, и я хочу наградить его за то, и противу твоего желанїя изторгнуть изъ твоего сердца то злое сѣмя, которое

рое есть началомъ всѣхъ пороковъ, коимъ человѣкъ предается, и кои произходятъ отъ Султана Адама съ самого его ослушанія. Тогда сей почтенный старецъ приближась ко мнѣ, и ударивъ меня въ лѣвой бокъ двулезейнымъ ножемъ, разрѣзалъ оный, вынялъ оттуда небольшее съ горошину зернышко, и бросилъ его въ огонь, который въ шелашѣ у меня горѣлъ. Отъ сего дѣйствія, кое не болѣе секунды продолжалось, почувствовалъ я столь сыльную боль, что преужасный крикъ поднялъ. Вагіединъ услыша оный, тотчасъ проснулся, засвѣтилъ свѣчу, подбѣжалъ ко мнѣ, и нашедъ меня въ пресильномъ движеніи, разсудилъ заблаго, меня разбудить. Что вамъ, милостивый Государь, здѣлалось? сказалъ онъ мнѣ; какой ужасный сонъ васъ терзаетъ? ахъ! не сонъ тому причиною, отвѣчалъ я ему; я смер-

тельно

тельно раненЪ. КакЪ руку держалЪ я у сердца, что онЪ освящая то мѣсто пришелЪ вЪ равное моему удивленіе, увидя тамЪ вЪ палецЪ продолговатый рубецЪ, и который казалась еще несовсѣмЪ затянуло; но всегда болѣе удивленіе мое умножалось тѣмЪ, что послѣ чувствуемой мною чрезмѣрной боли, зловредная страсть моя кЪ Канцадеѣ погасла вЪ моемЪ сердцѣ; а вмѣсто оной вступила вЪ оное чистѣйшая и не порочнѣйшая любовь, и смущаясь притомЪ, что столь безсовѣстно поступалЪ сЪ Висапурскимъ ПринцомЪ, почувствовалЪ кЪ нему вдругЪ достойное почтеніе и сильнѣйшую благодарность, такЪ что весьма много терзался, видя себя вЪ несостояніи, изъявить оную безЪ умѣдлѣнія, давЪ ему Принцессу, сестру мою, супругою.

Я помышлялъ безпрестанно о толь странномъ произшествіи; и полагаясь несомнѣнно на обѣщаніи сего премудраго старца, жилъ питаясь пріятною надеждою, что рабство мое скончается вскорѣ, какъ въ одну ночь сей же человѣкъ привидѣлся мнѣ еще, и подавая мнѣ портретъ одной молодой дѣвицы совершенной красы, вотъ, сказалъ мнѣ, та, которая тебѣ опредѣлена супругою. Она то истребитъ совсѣмъ изъ мыслей твоихъ Канцадею, которой она въ достоинствахъ не уступаетъ. На портретъ сей взиралъ я не безъ удивленія, и дѣйствительно съ самого того дня немогъ я безъ ужаса вспомнить о той страсти, кою имѣлъ къ Принцѣссѣ, сестрѣ моей. Я находился въ семъ состояніи, какъ два мѣсяца церемоніала, браку моему предшествующаго, прошли, и Вагїединъ объявилъ

мнѣ,

мнѣ, что надлежитъ мнѣ съ Мишапуемъ изъясниться.

Слѣдуя его совѣту пошли мы ночью къ нему въ шалашъ; я его разбудилъ, подалъ ему раскуренную трубку, которую онъ принялъ, и кормчей мой прося его отъ меня, принять меня въ свою семью, и дать мнѣ въ супруги прекрасную Агаріату, получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ сообщитъ о томъ своей роднѣ; послѣ чего далъ намъ знакъ, что бы мы отъ него вонъ вышли.

Я не могъ сокрыть печали моей отъ Кормчаго; хотя онъ и растолковалъ, что не учиня сей поступки, навлекъ бы на себя и на всѣхъ моихъ подданныхъ гнѣвъ нашего господина; однако горчайшею скорбію терзался. И такъ, сказалъ я ему, необходимо должно мнѣ на Агаріатѣ жениться? сколь я несчастливъ! для чего недопустилъ ты меня погибнуть

гибнуть съ начала невольничества нашего? смерть была бы для меня востократъ пріятнѣе такого союза, къ которому я только единое *омерзеніе* чувствую. Милостивый Государь, сказалъ на то Вагїединъ, положимъ, что въ непродолжительномъ времяни сочетаетесь вы съ сею дѣвицею; но развѣ вы *позабыли*, что *для того не принуждены* вы жить съ ней такъ, какъ мужъ съ женою? престанте безпокоиться, и вспомните о томъ, что уже я вамъ не единожды говаривалъ, что здѣсь совсемъ иначе, нежели въ *Персїи думаютъ*. Весьма трудно повѣрить, сколь далеко простираютъ на семъ острову воздержаніе. Хотя по тамошнимъ законамъ женатый человѣкъ и можетъ пользоваться правами своими спустя четыре дни послѣ свадьбы; однако тамъ въ обыкновеніи такъ же,

не сходится съ женою прежде шести мѣсяцовъ или и болѣе; воздержаніе сіе почитаютъ здѣсь явнымъ знакомъ къ ней почтенія; да когда и по прошествіи сего времяни новобрачные живутъ въ одномъ шалашѣ, то они и тогда почти не говорятъ ничего между собою, или говорятъ все съ сердцемъ и съ бранью; потому что они думаютъ, что цѣломудріе требуетъ сей благопристойности; взаимную же любовь начинаютъ они оказывать уже въ исходѣ года.

Таковые увѣреніи о обрядахъ островскихъ жителей нашихъ успокоили меня нѣсколько; и какъ родственники Мишапуевы удостоили меня принятіемъ въ свое родство, то необходимо надлежало мнѣ на Агаріатѣ женится. Я не упоминаю о пріятномъ описаніи сей церемоніи, которая бы вамъ конечно навела скуку;

стран-

страннаго же при томъ было только то, что у новобрачной волоса намазаны были медвежьимъ саломъ, и что измазали у меня лице и тѣло такъ, что бы я ужасного виду казался.

Все сказанное мнѣ кормчимъ было истинно; неласковасть мою къ молодой моей супругѣ почли за весьма велико, и за особливой знакъ истиннаго почитанія той семьи, въ которую я вступалъ: и сіе привело меня у дикихъ въ великое почтеніе, и по моему примѣру всѣ мои подданные были приняты въ разныя семьи.

Спустя недѣли съ двѣ послѣ моего брака, одинъ изъ начальниковъ сего народа созвалъ всѣхъ знатнѣйшихъ особъ между онымъ, къ себѣ на пирушку, на которую и я съ Мишапуемъ приглашенъ былъ, тамъ объявилъ онъ намъ, что онъ увѣдомился, что другой дикій народъ находится

дится въ походѣ для нападенія на нихъ, и что въ разсужденіи того надлежитъ симъ врагамъ итти на встрѣчу, и стараться напасть на нихъ нечаянно. Сіи народы какъ то уже сказывалъ мнѣ Вагіединъ, любили войну смертельно, и понеже они иной страсти не имѣютъ, какъ только что бы огню и мечу предать все у тѣхъ, кои ихъ озлобили, то легко разсудить можно, что предложеніе сіе принято было съ чрезмерною радостію. Положили выйти въ полѣ на другой же день: и какъ Мишапу привелъ меня въ сіе собраніе вмѣстѣ съ Вагіединомъ, то я чрезъ сего моего Толмача, просилъ ихъ о позволеніи, за ними слѣдовать въ семъ походѣ, и что бы подданные мои, которыхъ числомъ было около тридцати человѣкъ, сражались съ ихъ непріятелями подъ моимъ предводительст-

 вомъ.

вомъ. Они на требованіе мое согласились; отдали намъ наше оружіе, которое во время нашего рабства было у насъ отнято; я ихъ уговорилъ такъ же взять сабли тѣхъ Персовъ, кои на острову у нихъ погибли, и простясь съ Агаріатою отправился съ островскими жителями, которыхъ числомъ до пяти сотъ было.

По шестидневномъ походѣ, увѣдомились мы отъ своихъ гонцовъ, что они въ прошедшую ночь весьма великое движеніе въ небольшемъ лѣсу слышали, и что въ округъ онаго видѣли они огонь; извѣстіе сіе побудило насъ остановиться. Собрали совѣтъ, и какъ между нами и нашими непріятелями была весьма дурная дорога, то я чрезъ Вагіедина предлагалъ имъ, чтобы непріятелей допустить зайти въ сей уской проходъ, чрезъ который имъ

имъ не обходимо итти надлежало; что бы войско наше раздѣлить на двѣ части, взойти на находящїяся въ томъ мѣстѣ пригорки, лѣжать тихо, а потомъ напасть на нихъ со всѣхъ сторонъ. Предложенїе мое было принято и съ такимъ успѣхомъ исполнено, что изъ осьми сотъ на насъ нападающихъ спаслось не болѣе пятидесяти человѣкъ. Правда, что пришедъ въ удивленїе, видя дѣйствїе нашихъ саблей, и какое кровопролитїе произвели мы въ толь короткое время, оробели они тотъ часъ, и послѣ легко было намъ управляться съ устрашившимися людьми, которые видя себя со всѣхъ сторонъ окруженными, лишились надежды отъ жестокости враговъ своихъ избѣгнуть.

Какъ подданные мои, коими я предводительствовалъ, производили великїе чудеса храбрости,

и дикіе наши почитали ихъ первыми начальниками одержанной ими совершенной побѣды, то истощали они на насъ всѣ свои ласки, и удивленіе. Сей благополучной день праздновали мы пѣніемъ и плясками, и взявъ съ собой полученную отъ непріятелей добычу, возвратились къ нашему жилищу. Пришедъ къ небольшему лѣсу, вознамѣрились препроводить тамъ ночь, и находясь въ совершенной безопасности, предались тамъ въ объятіи спокойнаго сна. Я спалъ довольно покойно; и кормчей мой лѣжалъ подлѣ меня, какъ вдругъ почувствовали мы оба, что насъ схватили за руки и за ноги; насъ потащили и унесли, такъ, что никто изъ товарищей нашихъ того неслыхалъ; несли же насъ съ чрезвычайною скоростію. Я незналъ, что думать о таковомъ приключеніи; какъ на разсвѣтѣ увидѣлъ

увидѣлъ себя въ рукахъ у непрїятелей нашихъ, и я узналъ что двенадцать человѣкъ изъ нихъ предпрїяли и исполнили толь отважное и дерское намѣренїе.

❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖

ВЕЧЕРЪ XXVI.

Продолженїе исторїи о Кацамъ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Легко можно познать о нашей скорби, и орадости, которую сїи дикїе чувствовали, видя насъ въ своихъ рукахъ; они связали насъ претолстыми веревками, и потащили насъ съ того мѣста съ великою скоростїю. Такимъ образомъ препроводили мы въ пути четверы сутки, по прошествїи которыхъ не подалеку отъ ихъ жилища послали одного дикаго о объявленїи тамъ о несчастномъ своемъ возвращенїи, и дожидались,

чтобы всѣ ихъ одноземцы вышли къ нимъ навстречу. Легко можно понять, въ какомъ состоянїи мы съ Вагїединомъ находились; но страхъ мой еще болѣе умножился, когда увидѣлъ я, что всѣ тамошнїе дикїе сбѣжались къ намъ съ преужасньмъ крикомъ, и жены и дѣти держали въ рукахъ каменья въ томъ намѣренїи, чтобъ насъ побить оными. Уже подняли они руки; какъ старѣйшїй изъ приведшихъ насъ далъ имъ знакъ рукою, чтобъ они отъ того удержались. Посмотрите хорошенько на сихъ двухъ человѣкъ, сказалъ онъ имъ; они на насъ почти нимало не походятъ; совсѣмъ тѣмъ мужества ихъ не можно никакъ описать: съ небольшимъ числомъ подобныхъ имъ людей преклонили они побѣду на свою сторону, погубили вашихъ родителей, мужей, братьевъ, дѣтей; и мы никогда

когда не могли бы имѣть ихъ у себя въ рукахъ, есьлибы не употребили хитрости и не схватили ихъ нечаяннымъ образомъ. На нихъ только однихъ должно отмщевать вамъ смерть толикаго числа славныхъ людей, которые единственно отъ ихъ ударовъ погибли; и такъ утушите на нѣсколько дней печаль свою, дабы наказать ихъ достойнымъ по причиненному намъ ими озлобленію образомъ. Рѣчь сія смягчила ярость дикихъ, и избавила насъ отъ смерти; они нетолько не здѣлали намъ ничего худаго; но еще насъ развязали, отвели насъ въ одинъ шалашъ, которой отдали намъ на жительство, но приставлено къ намъ было нѣсколько человѣкъ для караулу, и всякой день подвожды приносили къ намъ сухой рыбы.

Примѣтя въ Вагіединѣ великую печаль спрашивалъ я его о причинѣ оной: милостивый Государь, сказалъ онъ мнѣ, съ сего дня должны мы почитать себя несчастными жертвами опредѣленными на закланіе; непріятели наши не знаютъ никакого милосердія, и мщеніе ихъ насыщается только кровію тѣхъ несчастныхъ, которыхъ они жесточайшими мученіями умерщвляютъ. Тогда пересказавъ мнѣ говоренную дикимъ рѣчь, не думайте милостивый Государь, продолжалъ онъ, чтобы мы еще долго жизнію наслаждались; мы опредѣлены къ претерпѣнію казней, изысканныхъ толь ухищреннымъ варварствомъ, что ни чего ужаснѣе оныхъ выдумать не можно; вся моя твердость меня оставляетъ; когда о томъ помышляю, то трепещу отъ ужаса, а особливо бывъ нѣсколь-

ко разъ свидѣтелемъ оныхъ, въ то время, какъ въ первой разъ у прежнихъ нашихъ дикихъ въ плѣну находился.

Хотя рѣчь моего кормчаго и потревожила меня немало; однако скоро собрался съ силами. Вагїединъ, сказалъ я ему, ободрись, мы конечно не умремъ у сихъ варваровъ; великїй нашъ Пророкъ увѣрилъ меня въ томъ точно: защищенїя его ношу на сердцѣ моемъ явный знакъ: исторгнувъ изъ души моей ту мерзостную страсть, которая всѣхъ бѣдствїй моихъ причиною, объявилъ онъ мнѣ, что еще разъ буду обязанъ жизнїю Висапурскому Принцу; и хотя мнѣ и безъизвѣстно, какимъ образомъ можетъ послѣдовать толь чрезмѣрное вспомоществованїе; однако нимало не долженъ я сомнѣваться возчувствовать вскоре дѣйствїи онаго.

Не взирая на пятно, которое у меня надъ сердцемъ было, и на которое Вагїединъ съ крайнимъ взиралъ удивленїемъ; вѣрилъ онъ чуду сему столь мало, что предавался часто горчайшей скорби. Наконецъ по прошествїи около двухъ недѣль пребыванїя нашего у сихъ варваровъ, объявили намъ, что вскоре станутъ насъ жарить. Сїе увѣдали мы слѣдующимъ образомъ: на канунѣ того дня, въ которой казнь наша долженствовала произходить, пришли къ намъ въ шалашъ, и взявъ насъ отъ туда, навязали намъ на шею предлинную изъ хлопчатой бумаги здѣланную веревку, раздѣли насъ до нага; и нѣсколько женьщинъ разрисовавъ у насъ тѣло, и навѣся на насъ разноцвѣтныя украшенїи, подняли преужасный крикъ, пѣнїе и пляску; онѣ объявляли намъ, что на завтрещней

трешней день будемъ мы служить имъ вмѣсто пищи, ичтобы потому приуготовлялись мы къ смерти со всѣю тою твердостiю, каковую подобные намъ мужественные люди должны показывать. Признаюсь, милостивыя государыни, что не безъ крайняго прискорбiя взиралъ я на приближенiе своего конца, и начиналъ уже въ покровительствѣ Пророка нашего нѣсколько сомнѣваться. Всю ту ночь стерегли насъ накрѣпко; безпокойство Вагiединово усугубляло еще болѣе мои скорби; однако старался всячески его утѣшать и увѣщевалъ его, предаться со всѣмъ всѣсильному провидѣнiю, которое насъ до сихъ поръ еще непокидало, какъ нечаянно взглянувъ на его одѣжду, которую дикiе подлѣ насъ положили, увидѣлъ въ карманѣ книгу. Не знаю по какой причинѣ я ее вынялъ; но

усмотря, что то былъ морской его атласъ, въ которомъ, выключая картъ, находились разные Астрономическіе примѣчанія; началъ пересматривать оный, властно какъ бутто какимъ внушеніемъ съ выше; и нашедъ въ примѣчаніяхъ, что въ томъ мѣсяцѣ, въ которой нещастіе наше съ нами происходило, надлежало быть затмѣнію почти всѣго Солнца, спрашивалъ я кормчаго, не знаетъ ли онъ, которое число тогда было. Знаю, милостивой Государь сказалъ онъ мнѣ: я опасаясь въ томъ обмануться, замѣчалъ то всякой день; тогда разсмотря подробно сіе примѣчаніе, дошли по изчисленію, что сіе затмѣніе должно возпослѣдовать на завтрешней дѣнь около двухъ часовъ по полудни. Сіе привело меня въ несказанную радость; я увѣрился точно, что сіе открыто для меня

меня не тщетно, и изъясня мысли мои Вагїедину, научилъ его, какимъ образомъ употребить то себѣ въ пользу.

Чуть только стало разсвѣтать, какъ дикїе пришедъ къ намъ въ шалашъ, и выведя насъ изъ онаго, оный раззорили, сняли унасъ съ шей веревки, обвязали насъ оною въ кругъ пояса, и по нѣскольку человѣкъ изъ сихъ варваровъ держа ихъ за концы вели насъ бѣгучи даже до морскаго берега, подлѣ котораго остановились на одной большей площади, на коей весь тотъ народъ насъ съ нетерпѣливостїю дожидался, привязали насъ къ столбу, и въ пятидесяти шагахъ отъ насъ зажгли огонь, которой показалось мнѣ представлялъ то божество, коему они насъ на жертву приносили. Тогда одинъ изъ дикихъ вооруженный палицею держащею

имъ на плѣчѣ, говорилъ намъ такъ: вы ли тѣ, которыхъ унесли отъ враговъ нашихъ, и которые толико родителей и дѣтей нашихъ порубили? въ томъ не можете вы никакъ запираться. А понеже нынѣ находитесь вы въ рукахъ нашихъ, то пріуготовляйтесь къ заслуженнымъ вами мученіямъ. Члены ваши будутъ жарены по частямъ, и мы поѣдимъ ихъ и съ косточками. Сколь ни устрашился Вагїединъ толь жестокосердымъ угроженіемъ, однако по даннымъ мной ему наставленіямъ, отвѣтствовалъ имъ слѣдующимъ образомъ: есьли вы украли насъ у вашихъ непріятелей, то изъ того еще не слѣдуетъ, что бы и мы были ваши непріятели. будучи принуждены сражаться за тѣхъ, съ которыми мы были, надлежало намъ не обходимо или отъ палицъ ихъ погибнуть, или обра-

тить на васъ оружїе наше. И такъ не намъ должны вы приписывать смерть вашихъ братьевъ; и весьма несправедливо бы было отмщевать оную надъ нами; въ томъ свидѣтельствуюсь я тѣмъ солнцемъ, которое васъ освѣщаетъ, и которое вамъ дало огонь, коему вы кажется поклоняетесь; есьли же вы будете упорствовать въ погубленїи насъ, то его имянемъ вамъ объявляю, что вскоре почувствуете весь гнѣвъ его, и что блѣстящее сїе свѣтило, дабы доказать вамъ, какое участїе прїемлетъ оно въ спасенїи нашей жизни, покроетъ вскоре всю сїю страну претемнымъ мракомъ; отложите же казнь нашу дотѣхъ поръ, пока не совершитъ оно двухъ третей обыкновеннаго своего пути, и есьли я вамъ не истинну объявляю, то умножте прїуготовляемыя вами намъ мученїи, когда же сей

отецъ

отецъ свѣта защититъ невинность нашу толь видимымъ образомъ, то страшитесь величайшихъ несчастій, каковые только приключиться могутъ, есьли не возвратите намъ свободу.

Рѣчь Вагїединова удивила крайнѣ дикихъ: увѣрительный видъ, съ которымъ онъ сіи слова произносилъ, привелъ ихъ въ страхъ, они удалились отъ насъ на нѣсколько минутъ; и по окончаніи своего совѣта, старейшина ихъ подошедъ къ намъ сказалъ Вагїедину: твоя и товарища твоего казнь отложена до того часа, въ который объявляемое тобой должно воспослѣдовать; но есьли ты насъ обмануть хочешъ, то ожидайте оба еще жесточайшихъ мученій. Тогда оставя насъ въ томъ же состояніи въ какомъ мы находились, начали они плясать, пѣть и пиршествовать, причемъ хмѣльные напитки не щажены

были.

были. Наконецъ уже предсказанное время приближалось, какъ дикїе лишась всякаго терпѣнїя отвязали насъ отъ столба, обвиняли Вагїедина лжесвидѣтельствомъ, и взведя насъ на навѣсъ здѣланный надъ огнемъ зазженнымъ ими еще съ утра, привязали насъ тамъ за руки къ шесту, и обернули насъ березовою коркою, съ тѣмъ чтобъ зажечь, и нескоростїю огня предать насъ крайне томной и жестокой смерти. Уже плачевный сей мигъ наступалъ, и начальникъ ихъ держа въ рукѣ зажженную кожу хотѣлъ приступить къ жертвоприношенїю, какъ Вагїединъ закричалъ ему весьма страшнымъ голосомъ: смотри, несчастный невѣрный, смотри, уже богъ, отмститель невинныхъ, прїуготовился поразить весь народъ твой, возри на Небо, и познай осужденїе твое. Дикїе взглянувъ тогда на солнце,

ще, пришли въ неизреченный ужасъ, видя, что по предсказанїю кормчаго Небо нечувствительно затмѣвается, и что земля ужаснѣйшимъ покрывается мракомъ.

ВЕЧЕРЪ XXVII.

Конецъ исторїи о Кацанъ-Канѣ, Султанѣ Ормуцкомъ.

Во время затмѣнїя, которое болѣе трехъ часовъ продолжалось, всѣ дикїе лѣжали на земли безъ малѣйшаго движенїя. Сколь велико было ихъ удивлѣнїе, когда они по прошествїи мрака вставъ увидѣли вдругъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ, которые на нихъ совсѣмъ не были похожи, и которые напали на нихъ съ мечемъ въ рукахъ. Почитая непрїятелей сихъ посланными отъ дневнаго свѣтила, кое они по мнѣнїю ихъ въ разсужденїи насъ весьма много озло-

озлобили, не старались они защищаться; но попустили порубать себя безпрекословно.

Вагіединъ взиралъ на второе сіе произшествіе почти съ толь же великимъ удивленіемъ, какъ и дикіе: что же до меня касается, то я наполненъ будучи обѣщаніями великаго нашего Пророка, удивлялся тому не столь много. Сими пришедшими ко мнѣ на помощь храбрыми воинами предводительствовалъ Котбединъ, который повелѣлъ отвязать меня отъ шеста, приказалъ учинить тоже и съ кормчимъ: князь, сказалъ я ему, познай въ семъ плачевномъ состояніи неблагодарнаго Государя, котораго ты нетолько ненавидѣть имѣешъ право; но коего смерть кажется для тебя нужною для удовлѣтворенія раздраженной твоей любви. Султанъ Ормуцкій, отвѣтствовалъ мнѣ Висапурскій Принцъ,

Принцъ, обнимая меня съ горячностію, я позналь тебя тотъ часъ, и единственно для освобожденія тебя отъ предстоящей тебѣ опасности присталъ къ берегамъ симъ; весьма много времяни потребно было бы для изтолкованія тебѣ сего приключенія; но теперь то излишно: удалимся на корабль мой, дабы ты хотя нѣсколько могъ собрать силы, въ которыхъ истощенное твое тѣло толикую необходимость чувствуетъ. Мы пошли къ берегу, какъ Вагіединъ увидя, что жены дикихъ и ихъ дѣти, которые солдатами порублены не были, лѣжали еще на земле. Несчастныя, кричалъ онъ имъ „ встаньте, и возвратитесь въ свои шалаши: не позабудьте претѣрпеннаго вами теперь наказанія; воспитайте дѣтей своихъ по правиламъ человѣколюбія, и ужасомъ наполненными жестокостями не

озло-

озлобляйте болѣе то всевышнее существо, которое отмстило вамъ за насъ, за то мученіе, къ коему вы насъ пріуготовляли. Рѣчь сія ободрила нѣсколько сихъ смущенныхъ бѣдныхъ женъ; онѣ встали съ трепѣтомъ и побѣжали къ своему жилищу, а мы между тѣмъ дошли до того мѣста, гдѣ Котбединовъ корабль насъ дожидался. Но прежде нежели вступилъ я съ Вагіединомъ на оный омылись мы отъ оскверненія, потому что жены дикихъ вымазали намъ все тѣло разными красками; послѣ чего Принцъ далъ намъ пристойную одежду, и мы взошли на корабль, на которомъ нашли все то, что къ прохлажденію нашему потребно было.

Я не буду пересказывать вамъ, милостивыя государыни, о той благодарности, которую Котбедину старался я показать, ниже

же о увѣреніи его, что страсть моя къ Канцадеѣ со всѣмъ погасла; но скажу вамъ только то, что переѣхавъ съ немалою скоростію чрезъ безъизвестные намъ моря, вошли въ Аравійское, и благополучнымъ вѣтромъ доѣхали до самаго Камбая, гдѣ вознамѣрились объявить себя купцами, и только съ шестью невольниками пристали въ Караванъ-Сераль сего города. Начальникъ онаго далъ намъ преизрядную комнату, и пригласилъ насъ съ собою отъужинать; мы не хотѣли ему въ томъ отказать: столъ препроводили весьма весело, и пили весьма хорошіе вины, отъ которыхъ мы можетъ быть опьянели, или во снѣ нашемъ есть нѣчто сверхъ-естественное, потому что въ сіи великолѣпные чертоги перенесены мы безъизвѣстнымъ намъ образомъ, и по счастію нашему обрѣтаемъ въ

оныхъ скончанія бѣдствій нашихъ.

Султанши были весьма много тронуты плачевными обстоятельствами, въ которыхъ Персидскій Султанъ находился: радость ихъ была такъ же чрезмѣрна, видя, что Котбединъ заведенъ въ жилище ихъ для скончанія сердечныхъ мученій Канцадеи. Иногда разсуждали онѣ о данныхъ ей Кофробомъ увѣреніяхъ, что она конецъ своихъ злополучій увидитъ вскоре; воспоминали онѣ о завѣденіи Альбаерта въ Ормуцъ, о возвращеніи зрѣнія Абулъ-Ассаму; и хотя слова Персидскаго Султана вразумляли имъ, что престарелый Иманъ споспѣшествовалъ выздоровленію духа и сердца Кацанъ-Кана; однако не могли того себѣ представить, что бы сей старецъ приводилъ все къ окончанію, глубокимъ знаніемъ самихъ

мих вышних наук, и тою властію, которую он над духами всякаго рода имѣл.

Уже наступала полночь; и сколь ни великое желаніе имѣли Султанши знать, каким средством Висапурскій Принц вышел из рук морских разбойников, и каким образом мог он спомоществовать Султану в толь удобное время; однако принуждены были отложить то до другаго дня; в разсужденіи чего всѣ разошлись, и ночь препроводили в великом спокойствіи, выключая Кацан-Кана. Портрет показанный ему во снѣ во время бытности его у диких, впечатлѣлся в сердцѣ его столь сильно, что оный ни на минуту не выходил у него из мыслей; и ему показалось, что образ, с котораго оный был списан, видѣл в сих чертогах, взглянув на одну молодую дѣвицу, кото-

которая покрыта была фатою, коя при окончанiи исторiи Султановой съ нее спала: онъ былъ вдругъ толь прельщенъ красотою прелѣстной Аку, дочери Огуцовой и Гегернациной; (ибо она показана была Принцу сему во снѣ) что онъ воспоминая о ней пребывалъ въ глубочайшемъ изумлѣнiи.

Какъ Кацанъ-Какъ не былъ точно увѣренъ, смертная ли то, или изъ числа тѣхъ духовъ, которые иногда являются людямъ, то всю ночь въ пресильномъ препроводилъ волнованiи. И такъ для обьясненiя своихъ сомнѣнiй, далъ знать приставленнымъ къ нему невольникамъ, что онъ нетерпѣливно желаетъ говорить съ тѣмъ почтеннымъ старцемъ, котораго онъ въ чертогахъ всякой день видѣлъ. Кофробъ увѣдая о намѣренiяхъ Султановыхъ, пришелъ къ нему не мѣдленно:

милостивый государь, сказалъ ему Принцъ обнимая его колѣна, не думай что бы почиталъ я тебя простымъ человѣкомъ. Чудесные приключенiи, которые со мной происходили. И въ коихъ ты наибольшее имѣешъ участiе, заставляютъ меня почитать тебя благодѣтельнымъ духомъ или такимъ мудрецомъ, коему во всемъ естествѣ нѣтъ ничего не возможнаго. И такъ по неописанымъ тобой мнѣ оказаннымъ милостямъ небезъизвѣстно тебѣ конечно, что въ сердцѣ моемъ происходитъ? Султанъ Ормуцкiй, сказалъ Кофробъ съ важнымъ видомъ, обнимая Кацанъ-Кана; все что ни казалось тебѣ сномъ, есть самая истинна. Конечно я изторгъ изъ сердца твоего то мерское сѣмя, которое въ людяхъ только лишъ поносныя раждаетъ страсти; моимъ представительствомъ позволилъ нашъ великiй

ликій Пророкъ, чтобы ты началъ слѣдовать здравому разсудку, и по его позволенію показалъ я тебѣ портретъ той прекрасной особы, которая нынѣ всѣхъ безпокойствъ твоихъ причина. Есьли взоръ ея сразилъ тебя жестоко, то знай, что и твой образъ произвелъ въ ней не менѣе смятенія. Она будетъ твоя супруга, сіе только могу тебѣ сказать теперь; а ты старайся почтительными взглядами своими показать ей чувства твоего сердца. Впротчемъ не отягощай своего ума узнать, гдѣ ты находишся, и кто въ мѣстахъ сихъ обитаетъ; все то узнаешъ ты, когда придетъ время; и та минута, въ которую долженъ быть союзъ сей, коего ты съ толикою нетерпѣливостію желаешъ, уже приближится весьма скоро.

По семъ Иманъ отъ него возвратился, не дождавшись отъ него

го благодаренія; и Кацанъ-Канъ приведенъ былъ сими обѣщаніями въ такую радость, что побѣжалъ въ покой къ Висапурскому Принцу, для объявленія ему сей толь пріятной вѣсти. Котбединъ и Канцадея принимали въ удовольствіи его всевозможное участіе; и радость упоя сердца всѣхъ сихъ сотоварищей, наполнила для нихъ весь тотъ день неописанными утѣхами. А какъ часъ къ собранію наступилъ, то всѣ въ опредѣленную сошлись залу, и Султанши просили Висапурскаго Принца, чтобы онъ разсказалъ имъ о всемъ приключившемся съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ попался къ морскимъ разбойникамъ въ руки; въ разсужденіи чего началъ онъ говорить такъ.

ВЕЧЕРЪ XXVIII.

Исторїя о Висапурскомъ Принцѣ.

По претерпѣнныхъ мной трудахъ въ сраженїи, которое по неволѣ принужденъ я былъ имѣть съ корабельнымъ Капитаномъ и съ его подкомандующими кои повелѣнїю Ормуцкаго Султана неотмѣнно хотѣли повиноваться; и на которомъ погибъ бы я несомнѣнно, есьли бы не получилъ неожидаемаго вспомоществованїя, не чаялъ я по продолжающемся болѣе полусутокъ моемъ снѣ, чтобы, такъ сказать, въ оковахъ находился. Сїе терзало меня тѣмъ наипаче, что разлученъ будучи отъ дражайшей Канцадеи, увѣдалъ, что она по раздѣлу досталась самому свирѣпому изъ всѣхъ тѣхъ морскихъ разбойниковъ. Не могу, милостивыя государыни, изъяснить вамъ, сколь

велико отчаяніе мое было: однимЪ словомЪ я впалЪ отЪ того вЪ такую задумчивость, что всѣ сЪ часу на часЪ смерти моей ожидали. Корабельный нашЪ начальникЪ, который АхабаертомЪ назывался, увѣдая о моей породѣ и о любови отЪ подданныхЪ КацанЪ-КановыхЪ, попавшихся вЪ полонЪ со мной вмѣстѣ; прилагалЪ всѣ свои стараніи, чтобы мнѣ ни вЪ чемЪ не было недостатка; онЪ не упускалЪ ни единаго случая, которымЪ хотя нѣсколько утѣшить меня чаялЪ: милостивый Государь, сказалЪ онЪ мнѣ, вы сЪ сей минуты свободны, и естьли вамЪ угодно, то всевозможныя употреблю силы, чтобы догнать того разбойника, который увесЪ у васЪ Канцадею; я принужу отдать ея вамЪ, или самЪ погибну, вЪ чемЪ всѣмЪ святѣйшимЪ вЪ свѣтѣ заклинаюсь. Великодушный АхабаертЪ, сказалЪ я ему, какою

какою благодарностїю обяжешъ ты меня себѣ на вѣки? ахъ! есьли толь великую окажешъ мнѣ услугу, то знай, что ничего для тебя непожалѣю. Не станемъ же терять болѣе время, каждая минута для меня весьма драгоценна, и малѣйшее медлѣнїе ввергаетъ меня въ жестокое мученїе. И такъ не мѣшкая оборотили корабль къ той сторонѣ, въ которую разбойникъ поѣхалъ; и плавая нѣсколько дней съ великою скоростїю, увидѣли одно судно, которое на насъ шло прямо , и которое въ самомъ дѣлѣ то самое было , за коимъ мы погнались: мы тотчасъ къ нему приближились, и не нашедъ на ономъ Принцессы , уже прїуготовлялись броситься съ печали въ море , какъ къ величайшему удовольствїю увѣдалъ, какимъ образомъ Альбаертъ убивъ разбойника, присталъ съ Принцессою въ

Дабулъ, заплатя тамъ корабельщикамъ восемьдесятъ тысячь золотыхъ выкупу за Канцадею и за всю ея свиту.

Тогда отправились мы немѣдленно въ Дабулъ, и уже не болѣе, какъ на шездесятъ миль отъ мѣста сего отдалены были, какъ вдругъ востала пресильная буря, загнала насъ въ море, и нося корабль нашъ дней съ пять по волнамъ, бросила его на камень, о которой онъ и разбился. Всѣ на кораблѣ бывшіе погибли, только я съ Ахабаертомъ спаслись, схватясь за доску, на которой мы верстъ за десять отъ того мѣста прибиты были къ одному острову, куды пришли почти при смерти, отъ голода и усталости. Прошедъ хотя и съ великимъ трудомъ на нѣсколько внутрѣ острова, увидѣли мы, что на ономъ никакого нѣтъ жилья, и нашли тамъ только

только великое множество пчелъ и козъ, кои довольно ручными казались. Перьвыя въ тотъ же день подали намъ пищу, отъ которой желудокъ нашъ хотя нѣсколько оправился; другія же, выключая молока, коимъ онѣ насъ въ изобиліи снабдевали, довели насъ до одного самою свежею и чистою водою наполненнаго источника, потому что оный изтекалъ изъ подъ камня лежащаго на самой крутизнѣ горы Сѣверному вѣтру подверженной.

Сіе служило намъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что покрайнѣй мѣрѣ нашли, чемъ питаться въ толь дикомъ мѣстѣ, и препроводя ночь подлѣ сей горы, начали предаваться во власть провидѣнія, какъ наступающій день казалось вдругъ померкъ. Сіе преобращеніе привело насъ въ немалый ужасъ; но оный умножился еще болѣе отъ такого крика, кого

его никакъ не могу описать, и мы находились въ неизрѣченномъ изумленіи видя, что оный происходилъ отъ полѣта одной птицы, которая болѣе слона была; что сіе чудовище сѣло отъ насъ шаговъ за сто, и схватя въ кохти свои по козѣ полѣтело опять прочь чрезъ море и вскоре скрылось у насъ изъ виду.

Ахабаертъ не могъ ни одного слова промолвить; что же до меня касается, то сіе удивляло меня нестоль много, почитая, что сія ужасная птица есть та, которую Рокгою называютъ, и прокоторую слыхалъ я очень часто; однако считалъ ее въ одномъ токмо воображеніи нашихъ писателей романовъ: почему смотрѣлъ на нее съ крайнимъ вниманіемъ. Какъ мы на семъ острову жили почти цѣлой мѣсяцъ, и Рокгъ всякіе два дни таскалъ обыкновеннымъ образомъ козъ, то сіе

сїе внушило въ меня странную мысль, которую я открылъ Ахабаерту, и которую онъ такъ же похвалилъ, хотя отъ оной и великїя опасности могли возпослѣдовать. Слѣдуя моему предложенїю, изрезали мы холстъ съ нашихъ челмъ и верхнее наше платье въ ремни, которыми бы свободно могли привязать себя крѣпко къ козѣ. Отогнавъ ихъ однимъ вечеромъ отъ того мѣста, гдѣ Рокгъ обыкновенно саживался, оставили тамъ только двѣ, къ которымъ привязали себя накрѣпко, и въ такомъ состоянїи ожидали птицы съ нетерпѣливостїю смѣшенною съ страхомъ: она въ обыкновенный часъ прилѣтела, и подхватила насъ съ нашими козами, власно какъ бы несетъ только двухъ воробьевъ. Какою неустрашимостїю при томъ не вооружался; однако признаюсь, что не безъ

крайняго ужаса взирали мы на возвышенїе наше почти до самыхъ облаковъ, и на пролѣтенїе чрезъ толь великое пространство водъ; напослѣдокъ около вечера спустилась она на одну гору, и положила тамъ козъ, которыхъ она въ когтяхъ своихъ задавила. Какъ сїя птица положа ихъ пошла сама повидимому искать своихъ дѣтенковъ, то мы пользуясь симъ случаемъ, разпутали покромки, которыми къ козамъ привязались, и удалились отъ сего мѣста; послѣ чего поѣвъ меду, котораго мы съ собой взять не позабыли, спрятались за горку для препровожденїя тамъ ночи. Ужѐ прїуготовлялись насладиться сномъ, въ коемъ великую имѣли мы нужду, какъ выдергивая вкругъ себя небольшїя деревцы, которые мѣшали мнѣ лѣжать покойно, увидѣлъ нѣчто блѣстящее; я туда

подо-

подошелъ, и посредствомъ луннаго сіянія примѣтилъ, что то было золотое кольцо ввернутое въ лѣжачую дверь; я ее поднялъ, и увидя подъ оной лѣсенку освященною хрустальными лампадами наполненными благовоннымъ масломъ, пошли мы оба безъ всякой остановки въ низъ: но чуть только переступили нѣсколько ступенекъ, то въ немалое приведены были безпокойство, услыша, что дверь съ великимъ стремленіемъ за нами прихлопнула. Однако послѣдуя предпріятому нами намѣренію, пришли мы въ залу удивленія достойнаго великолѣпія, для украшенія которой всякіе драгоцѣнные каменья обильно истощены были; на четырехъ пребольшихъ изъ самого чистаго золота подсвѣшникахъ поставлены были лампады, отъ которыхъ толь великій свѣтъ про-

исходилъ, что самый ясный день представляло; а въ одномъ углу сей залы здѣланъ былъ великолепный кабинетъ, въ коемъ стояли двѣ постели изъ унизаннаго жемчугомъ бархата. Какъ мы весьма утомились, то легъ на оныя, заснули весьма крѣпко, и пробудились уже на самомъ разсвѣтѣ отъ пѣнія множества птицъ посаженныхъ въ одномъ великолѣпномъ птичникѣ. Перья на нихъ были столь различны и прекрасны, что не могли смотрѣть на нихъ безъ удивленія; какъ отъ пріятнаго сего позорища отвращены мы были разговоромъ двухъ человѣкъ, которыхъ я не видалъ: конечно, милостивый государь, произносилъ одинъ изъ сихъ голосовъ, Султанъ Ормуцкій находится на островѣ Рамакѣ. Мнѣ то извѣстно, отвѣчалъ другой гласъ, преступленіе его про-

противу небесъ и не благодарность его къ великодушному Принцу завели его въ ужасныя сіи мѣста для того, что бы достойное получить себѣ за то наказаніе; но разкаяніе его и прозбы великаго Пророка Магомета премѣнили учиненной на него приговоръ, есьли только сыщется такой неустрашимой человѣкъ, который отважится изторгнуть его изъ рукъ жестокосердыхъ тѣхъ островскихъ жителей, кои намѣряются жарить его по частямъ. Чуть только услышалъ я послѣдніе сіи слова, то не размышляя нимало: я хочу, вскричалъ я, отважиться на сіе предпріятіе, сколь бы ни трудно и не опасно оно было: но удостойте покрайнѣй мѣрѣ наставить меня, какимъ образомъ притомъ поступить должно. Великодушный Котбединъ, продолжалъ вторый гласъ, му-

жество

жество твое подавало мнѣ сїю надежду; послѣдуй великодушному своему намѣренїю: отдохнувъ въ сихъ мѣстахъ, испытай приключенїе Согамово, взойди на корабль, который найдешъ въ гавани, и поѣжжай на немъ для произведенїя предпрїятаго тобой въ дѣйство. Какъ скоро гласъ сей сталъ неслышенъ, то Ахабаертъ и я вышли изъ сего кабинета съ тѣмъ, чтобы вступить въ великолѣпный садъ, который прошедъ вступили въ другую великолѣпную залу, гдѣ поставленъ былъ столъ съ разными самыми вкуснѣйшими ѣствами, послѣ кушанья вышли мы на дорогу, которая привела насъ къ наполненной кораблями гавани. Тамъ спрашивали у матроза въ какомъ мѣстѣ мы были: милостивые государи! сказалъ онъ намъ, вы находитесь на островѣ Даремѣ, который всегда басно-

словнымъ

словнымъ почитался въ разсужденіи тѣхъ трудностей кои преодолѣть должно для приближенія къ оному. Самъ-Суваръ, сынъ Кагермановъ, полководца Феридунова, одного изъ царей первой области Персидской, былъ первый, которому позволилось въ сіи мѣста пристать: они наполнены были чудовищами толь страшными, что ни одинъ смертный прежде его не отважился вступить въ оные; однако сей герой, коему ничто невозможнымъ не казалось, осмѣлился пристать къ сему острову: сражался тамъ съ большею частію сихъ чудовищъ; и укротя тамъ самое свирепѣйшее, которое Согамомъ называлось, въ разсужденіи того что оно было цвѣту и свойства железнаго; здѣлалъ оное ручнымъ такъ, что употреблялъ оное на баталіяхъ вмѣсто лошади, и помощію онаго

онаго здѣлалъ Перицовъ властителями тѣхъ чертоговъ, изъ коихъ вы вышли, изгнавъ оттуда дивовъ, яко главныхъ ихъ непрiятелей. Потомъ, оставя на землѣ знаки чревычайной храбрости, исполнилъ въ сихъ мѣстахъ долгъ всѣхъ смертныхъ, и умирая оставилъ ѣздалище свое подъ смотрѣнiе Шакаруну, который уже нѣсколько вѣковъ ожидаетъ сюда Героя, толь же неустрашимаго, какъ и Самъ-Суваръ. Какую пользу, сказалъ я ему тогда, можетъ мудрый сей старецъ получить отъ прибытiя ожидаемаго имъ столь долго сего человѣка?

Семендунъ, продолжалъ матрозъ, есть весьма мерскiй духъ, проимянованный Гецаръ-Екъ-Дестъ, потому что съ Исполинскимъ ростомъ имѣетъ онъ силу тысячи человѣкъ. Онъ живетъ неподалеку отъ сего острова,

рова, и приходитъ туда часто для разграбленія, которое Шакаруна безмѣрно смущаетъ; и сего чудовища можемъ мы усмирять только поносную для насъ данію, которая навлекаетъ намъ неописанное безчестіе, и кою платимъ ему уже лѣтъ съ десять. Никто еще до сихъ поръ не могъ избавить насъ отъ толь безпокойнаго непріятеля, причиною тому то, что онъ побѣжденъ долженъ быть только однимъ смертнымъ; которой бы отважился сесть на Согама Самъ-Суварова; и сей звѣрь, толь же ужасный, какъ и Семендунъ, долженъ быть укрощенъ только тѣмъ, который можетъ надѣть на него золотую узду, кою Самъ-Суваръ употреблялъ всегда, есьли на него сажался. Какъ онъ растерзалъ уже нѣсколько кавалеровъ осмѣлившихся къ нему подступить, то сіе произвело въ дру-

тихъ такое отвращеніе, что тому уже болѣе шестидесяти лѣтъ, что никто не хотѣлъ на то отважиться. Я читалъ нѣкоторую часть сей исторіи, продолжалъ Висапурскій Принцъ; однако не хотѣлъ оной нимало вѣрить: со всѣмъ тѣмъ странное мое пришествіе на островъ Даремъ побудило меня думать, что то можетъ быть и правда. Я спрашивалъ матроза, можноли сего ужаснаго звѣря видѣть: можно, милостивый государь, отвѣтствовалъ матрозъ, онъ стоитъ въ одной бѣседкѣ въ саду, изъ котораго вы теперь вышли, подъ кармазиннымъ навѣсомъ; Шакарунъ смотритъ за нимъ весьма рачительно, и онъ не откажетъ вамъ его показать, такъ же и узду, которая заперта у него въ одномъ особливомъ покоѣ. Я просилъ матроза проводить насъ къ сему старцу: онъ принялъ

нялъ насъ весьма хорошо; и какъ я сказалъ ему, что я намѣренъ отвѣдать взнуздать Согама, то онъ повелъ насъ въ то мѣсто, гдѣ свирепый сей звѣрь находился. Признаюсь, что увидя его почуствовалъ въ себѣ немалое движенїе, однако положа твердое намѣренїе лутче умереть, нежели оставить сїе предпрїятїе, просилъ я сего мудреца, что бы онъ меня наставилъ, какимъ образомъ поступить мнѣ притомъ должно. Государь мой, сказалъ онъ мнѣ, ты видишъ, что сей ужасный звѣрь изъ многихъ свойствъ составленъ: у него голова барсова, вразсуженїи чего онъ жестокость и скорость онаго имѣетъ; тѣло его покрыто самою крѣпкою чешуею, которая у него на спинѣ составляетъ нѣкоторый родъ сѣдла и по сему походитъ онъ на Носорога, и имѣетъ его силу; а крылья его и ноги

ноги вооруженные разрезывающими и раздирающими все когтями, дѣлаютъ его столь же смелымъ, какъ Грифъ; на сего то толь страннаго звѣря ты долженъ взложить златую узду. Есьли такое приключенїе сохранено для другаго, а не для тебя, то сколь бы ни остра была сабля, которую я тебѣ даю; однако Сотамъ растерзаетъ тебя на мелкїя части прежде нежели дашъ ему малѣйшую рану: есьли напротивъ того определенъ ты къ скончанїю сего рода волшебства, то чудовище сїе найдешъ столь же смирнымъ, какъ самую лутчую выѣзженную лошадь; оно дастъ надѣть на себя узду, и допуститъ сѣсть на себя безъ всякаго затрудненїя, и по всемъ нашимъ предсказанїямъ будешъ ты побѣдитель Семендуновъ.

ВЕЧЕРЪ XXIX.

Конецъ исторiи Висапурскаго Принца.

Шакарунъ говоря со мной, примѣчалъ, не перемѣнюсь ли я въ лицѣ, и видя, что не взирая на всѣ объявляемыя имъ мнѣ опасности пребывалъ я въ намѣренiи моемъ твердо: милостивый государь, продолжалъ онъ подавая мнѣ золотую узду въ руки, есьли ты столь счасливъ, что Согама усмирить можешъ, то воспомни, что надлежитъ тебѣ еще сражаться съ ужаснымъ исполиномъ, который обыкновенно ѣздитъ на Рокгѣ, на коей вы вчера на ту неприступную занесены гору, которая островъ сей отъ людей скрываетъ. Сверьхъ великой силы, коею онъ обладаетъ, надлежитъ тебѣ сказать еще и то, что сей Исполинъ есть изъ числа злыхъ ду-

ховъ, которые имѣютъ власть принимать на себя разные виды; онъ конечно превратится въ какое чудовище, какъ скоро увидитъ себя безсильна, или ранена на предпрїемлемомъ тобой съ нимъ сраженїи. Но какой бы ни принималъ онъ на себя образъ, однако ты не оставляй его дотѣхъ поръ, пока не отнимешъ у него жизнь; не страшись и сойти съ Согама; ты найдешъ его, какъ скоро надобенъ тебѣ онъ будетъ, и есьли на столь странномъ сраженїи получишъ побѣду, то знай что освобождая насъ отъ несноснаго мучительства, изторгнешъ и Султана Ормуцкаго изъ рукъ жестокой смерти, кою ему прїуготовляютъ, и что въ немъ найдешъ такого человѣка, который терзается не снослѣйшимъ мученїемъ, что толико несправедливостей тебѣ всегда оказывалъ. Одинъ изъ нашихъ

шихъ мудрецовъ изтребя изъ сердца его поносную страсть его къ Принцессѣ Канцадеѣ, отверзъ ему очи и показалъ твое достоинство: будь только побѣдителемъ врага нашего, то уже въ страсти своей къ сестрѣ Ормуцкаго Султана не найдешъ болѣе нималѣйшаго препятствія.

Послѣднія сіи обѣщаніи, продолжалъ Принцъ Висапурскій, усугубили во мнѣ желаніе и ревность къ сраженію, и Шакарунъ отворилъ мнѣ дверь въ ту залу, гдѣ стоялъ Согамъ: я вошелъ туда не останавливаясь, держа въ лѣвой рукѣ золотую узду, а въ правой саблю, данную мнѣ симъ мудрецомъ. Какъ я не надѣялся имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, то уже совсѣмъ предался смерти, и проговоря одну молитву великому нашему Пророку, приуготовлялся къ защищенію себя отъ нападенія

чудовища; но вдругъ увидѣлъ, что оный палъ предомной на колени и протянулъ свою голову, что бы надѣть на него принесенную мной узду. Сіе привело меня въ толикую радость, что съ великимъ восторгомъ надѣвалъ на него оную, и сѣвъ смѣло къ нему на спину, чувствовалъ себя на немъ стольже твердо сидяща, какъ на самолутчей лошади.

Шакарунъ павъ отъ того ницъ на землю: да прославится всѣмогущій богъ и великій Пророкъ, вскричалъ онъ, смерть врага нашего уже приближается. Поѣжжай, неустрашимый воинъ, Согамъ будетъ вождь твой; но что бы Семендунъ не имѣлъ предъ тобою преимущества, то въ сей день пользуйся даромъ превращенія, и помни, что въ живыхъ оставлять его не должно. Что касается до твоего товарища, то я въ отсудствіи твоемъ буду

ду за нимъ смотрѣть самъ со всевозможнымъ раченїемъ.

Какъ скоро Шакарунъ скончалъ рѣчь сїю, то кровля той залы, въ которой Согамъ стоялъ подъ намѣтомъ, растворилась въ срединѣ, и сей чудесный звѣрь полѣтелъ на воздухъ, и унесъ меня на себѣ. Онъ лѣтѣлъ надъ моремъ, какъ вдругъ увидѣлъ я Исполина Семендуна лѣтящаго ко мнѣ на Рокгѣ съ непонятною скоростїю. Чрезмѣру великой его ростъ удивилъ меня сперва не мало; но ободренъ будучи словами Шакаруновыми стремился я на него прямо, намѣрясь твердо не щадить его ни мало. Онъ вооруженъ былъ мѣдною съ преострыми шипами палицею, и замахнулся на меня столь сильно, что бы поразилъ меня конечно, есьли бы Согамъ не схватилъ оную своей лапой, которая гораздо крѣпче железа. Меж-

ду тѣмъ какъ Исполинъ старался вырвать свое оружїе, ударилъ я его саблею столь сильно, что кровь потекла изъ него ручьями, и какъ всѣ мои удары дѣйствительны были, и до самыхъ костей его пронимали, то поднялъ онъ толь ужасный ревъ, что и я устрашился. Видя, что палицы своей не можетъ онъ возвратить изъ лапъ Согамовыхъ, разсудилъ онъ ее оставить, и схватить меня, есьли то возможно будетъ, по перегъ тѣла. Но я примѣтя сїе его намѣренїе, хотѣлъ отрубить ему саблею руку; однако въ то время Рокгъ новернулся, и сабля моя задела его по шеѣ, и онъ почувствуя отъ сей раны чрезвычайную боль, сжалъ крылья, и упалъ въ море, надъ которымъ мы сражались. Какъ Исполинъ полѣтелъ такъ же съ нимъ вмѣстѣ, а Шакарунъ приказывалъ мнѣ не выпу-

скать

скать его изъ вида, то я опасаясь, что Согамъ такъ скоро опуститься въ низъ не можетъ, схватилъ Семендуна за руку, ударивъ его сперва саблею по головѣ, соскочилъ съ моего ѣздалища, и повергся за нимъ въ море. Какъ скоро дотронулись мы до сей стихiи, то приведенъ будучи въ удивленiе, не нашедъ предъ собой ни Рокга ни Исполина, увидѣлъ вмѣсто его морское чудовище престрашнаго вида и величины чрезмѣрной, которое разверзя свою пасть наполненную преострыми зубами, стремилось меня поглотить: но я вспомня о своемъ новомъ дарованiи, превратился тотъ часъ въ рыбу посредственной величины, и вскоча съ разбѣгу въ пасть чудовища, добрался до сердца, которое зубами оторвалъ, и чудовище тотъ часъ изчезло. Онъ принялъ на себя пре-

жнїй свой образъ, и я плылъ на мертвомъ тѣлѣ Исполина. Хотя я отъ берега и не весьма отдаленъ былъ, и на ономъ всѣ жители острова Дарема находились; однако я опасался, что бы волнующееся тогда море не унесло меня съ тѣломъ Семендуновымъ прежде, нежели подадутъ мнѣ спомоществованїе, какъ Согамъ бросясь въ воду зацѣпилъ своими поводами Исполина за шею, и притащилъ обѣихъ насъ къ пристани.

Всѣ жители сего острова приняли меня съ тѣмъ наибольшею радостїю, что смертїю своего врага увидѣли себя освобожденными отъ такой дани, которая имъ неизреченную скорбь причиняла: сїе чудовище требовало отъ нихъ всякой годъ въ положенный день десять самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвъ острова, такъ что досихъ поръ никто не могъ

найти

найти къ отвращенію того средства, и уже дочь Шакарунова опредѣлялась въ число сихъ жертвъ, какъ я прибылъ на островъ. И такъ легко познать можно сколь искренне радовались всѣ сіи жители. А особливо сей премудрый старецъ. Онъ велѣлъ зажечь превеликій костеръ, и бросить на оный тѣло Исполиново, которое тотъ часъ и сгорело; послѣ чего Согамъ поднявшись на воздухъ, пропалъ у насъ изъ виду, а на морѣ показалось большое судно, которое на всѣхъ парусахъ бѣжало въ гавань. Оно пришло туда въ скоромъ времяни, и удовольствіе жителей Даремскихъ было чрезмѣрно, когда увидѣли, что на суднѣ находились всѣ тѣ дѣвы, которыя отдаваемы были Семендуну. Какъ скоро сіе чудовище привозило ихъ въ свое жилище, то одна перица, защища-

ющая ихъ отъ злыхъ его намѣреній, уносила ихъ у него по превосходящей своей предъ нимъ власти, и держала ихъ въ своемъ домѣ; но какъ ей не дозволено было, возвратить ихъ родителямъ ихъ прежде смерти Семендуновой, то въ Даремъ не могла ихъ прежде сего времяни отправить.

Послѣ торжествованія побѣды моей великолепнѣйшимъ образомъ, и по оказаніи мнѣ наичувствительнѣйшей благодарности, Шакарунъ проводилъ меня съ Ахабаертомъ къ гавани, и посадя насъ на корабль, на которомъ болѣе двусотъ человѣкъ одѣтыхъ по Персидски находилось, приказалъ Капитану онаго ѣхать къ тѣмъ берегамъ, на коихъ Султанъ Ормуцкій ожидалъ своей погибели.

Казалось, что вѣтры повиновались повелѣніямъ сего мудре-

ца: мы плыли съ такою скоростїю, что въ два дни прибыли къ тому мѣсту, гдѣ Кацанъ-Канъ уже зрѣлъ приближающуюся мучительную смерть. Вамъ милостивыя государыни, не безъизвѣстно, какимъ образомъ поступили мы съ сими безчеловѣчными островскими обитателями, которые погубить его прїуготовлялись. Послѣ сей учиненной ему помощи, которая нималѣйшей опасности насъ неподвергала, потому что они почли насъ такими людьми, кои посланы были съ небесъ, и противу коихъ всякая оборона безполезна, взошли мы на нашъ корабль, и съ такоюже скоростїю проѣхавъ чрезъ многїе безъизвестные намъ моря, вступили въ Дабулъ, гдѣ Ахабаерта наградилъ достойнымъ по заслугамъ его образомъ. Что касается до протчаго, то все вамъ небезъиз-

вѣстно, понеже вы были свидѣтелями согласiя Кацанъ-Канова на мое благополучiе. Сколь много были бы мы благополучны, есьли сей Государь по предвѣщанiямъ мудреца излѣчившаго его отъ страсти къ Канцадѣ, найдетъ въ божественномъ семъ жилищѣ скончанiе своихъ бѣдствiй, и начало такого благополучiя, которое до самой послѣдней минуты его жизни да продолжится.

Принцесса Аксу внимала послѣднимъ словамъ Висапурскаго Принца съ немалымъ смятенiемъ. Приключенiи Ормуцкаго Султана тронули ее чрезмѣрно; она не могла отъ слезъ удержаться, слыша, въ какой опасности находился онъ у островскихъ жителей; и внутренне похваляла себя, что отверзла ему толь пространный путь въ свое сердце, будучи увѣрена,

что Пророкъ на страсть ее соизволяетъ. Есьли сія младая Принцесса последовала движеніямъ своего сердца, то и Кацанъ Канъ не менѣе чувствовалъ въ себѣ стремленія къ такой любви, которую виделъ онъ и премудрымъ Кофробомъ похваляему, и которую думалъ взорами своими, уже показалъ довольно сей прекрасной Принцессѣ, съ коей онъ не отвращалъ глазъ своихъ ни на минуту, какъ скоро въ залѣ находились вмѣстѣ.

Огуцъ взиралъ со удовольствіемъ на совершеніе такого брака, коего слѣдствіи не могли ему быть непріятны; союзъ Ормуцкаго Султана былъ для него полезенъ, и сей Принцъ, выключая тѣхъ мерзостныхъ чувствій, которые онъ имѣлъ къ своей сестрѣ, и отъ коихъ онъ уже излѣчился, обладалъ всѣми совершенствами. И такъ Гуза-

ратскій Султанъ показывалъ Иману, сколь нетерпѣливно желаетъ онъ заключенія сего брака, на что ему Кофробъ отвѣтствовалъ сими словами: милостивый Государь! время сіе уже удалено не на долго; но прежде всего надлежитъ вамъ познать сердце Султаншъ вашихъ. Мнѣ кажется, что ихъ уже нѣсколько познавать начинаю, продолжалъ Огуцъ; Невбагара, Шабгерака и Геанзуца были мнимою моей кончиной чувствительно тронуты; но въ горести жить весьма скоро прискучитъ, и мнѣ кажется, что печаль ихъ нѣкоторымъ образомъ уменьшилась. Что же касается до Гуль-Сабы, то кончина моя смущала ее единственно по причинѣ ея сына, въ которомъ я всѣ признаки злаго нрава предвижу: разговоры его о мнѣ съ своей матерью подтверждаютъ меня въ сей мысли до-

вольно. Только одна Гегернаца питалась безпрестанно настоящею горестїю и печалїю, такъ что еще и по сихъ поръ ничто не могло отвратить ее отъ сихъ печальныхъ мыслей ; я свидѣтель ея плача , и есьли иногда кажется забываетъ она свою скорбь внимая повѣствованїю странныхъ разказываемыхъ приключенїй, то наединѣ начинаетъ паки упражняться въ чувствительнѣйшей печали, и съ Принцессою Аксу разговариваетъ только о томъ , сколь она несчастлива, что меня лишилась. Но толь слабымъ опытомъ я еще недоволенъ; ты любезный Кофробъ обѣщалъ здѣлать для меня нѣчто болѣе. Ты будешъ доволенъ , милостивый Государь, продолжалъ Иманъ , время къ обясненїю сего еще не пришло; надлежитъ дожидаться онаго съ терпѣнїемъ.

На другой день по семъ разговорѣ, Султанши пришедъ въ залу съ обыкновенною своею свитою, увидѣли тамъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ имѣя величественный видъ казался быть начальникомъ другаго; онъ былъ крайне слабъ, и казалось отъ долговремянной болѣзни началъ оправляться; глубокая печаль изображалась у него на лицѣ и во всѣхъ его поступкахъ, и сколь много невольникъ его оказывалъ удивленія, видя себя въ толь великолѣпныхъ чертогахъ, столь много другій оказывалъ равнодушія находясь въ такомъ состояніи. Нечувствительность сія привела Султаншъ во удивленіе; и одна изъ нихъ оборотясь къ нему сказала: государь мой! ты кажется нимало не удивляешся находясь въ сихъ мѣстахъ; сіе возбуждаетъ въ насъ немалое любопытство; удостой же насъ повѣство-

вѣствованіемъ причины своего прискорбія; можетъ быть обьявя намъ оную найдешъ здѣсь нѣкоторое облегченіе, или посредствомъ нашихъ совѣтовъ или зависимымъ отъ насъ спомоществованіемъ. Ахъ! молостивая государыня, сказалъ онъ ей на то печальнымъ образомъ, я не знаю, сплю ли я или нѣтъ; но въ какомъ бы состояніи я ни находился, однако несчастіи мои таковы, что никакого облегченія имѣть немогутъ, и повѣствованіи оныхъ умножитъ еще болѣе снѣдающую меня печаль, и разтравитъ рану, отъ которой я еще не излѣчился. И такъ сжальтесь надомной, свободите меня отъ разказыванія вамъ приключеній такой жизни, которая меня обременяетъ: есьли же знать ихъ желаете не терпѣливно то позвольте чтобъ сей человѣкъ вамъ разказалъ оные, а меня прикажите

те отвести въ такое мѣсто, гдѣ бы могъ имѣть нѣкоторое спокойствіе, когда то возможно.

Султанши тронувшись слезами, кои почтенный сей человѣкъ проливалъ, повелѣли отвести его въ особливый покой, и Кофробъ проводя его туда самъ, велѣлъ подать ему шарбету, въ который влилъ нѣсколько капель лѣчебнаго для ранъ его элексиру: послѣ чего положилъ на постель, на которой заснулъ онъ тѣмъ спокойнѣе, что скорбь чувствуемая имъ отъ ранъ престала, какъ скоро выпилъ онъ шарбета. Иманъ оставилъ его одного, и какъ скоро пришелъ онъ съ другимъ незнакомцомъ въ залъ, то Султанши объявили ему, сколь великое желаніе имѣютъ онѣ знать приключеніи его господина; въ разсужденіи чего онъ началъ говорить такъ:

❀

Исторія о Цемъ-Алцаманѣ Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Я не буду описывать вамъ милостивыя государыни, положенія и состоянія Касгарскаго государства; потому что оное вамъ конечно извѣстно: намѣренъ же расказать вамъ только странныя дѣла Принца Цемъ-Алцамана, единороднаго сына Султана Фрайдуна, который государствомъ симъ управляетъ. Сей государь имѣлъ кровопролитную войну съ Самаркандскимъ Султаномъ, которая нѣсколько времени ни на ту ни на другую сторону не склонялась; но наконецъ сей послѣдній попавшись во власть Фрайдунову, былъ имъ убитъ на одномъ весьма жестокомъ сраженіи, которое на границахъ государства его происходило.

ло. По полученіи толь совершенной побѣды Касгарскій Султанъ, могъ бы разпространить завоеваніи свои даже и во внутренности Мавaральнагарскаго царства; но довольствуясь единственно прогнаніемъ войскъ Самаркандскаго Государя, который напалъ на него несправедливымъ образомъ, и почитая завеликое бесчестіе вступать войною на земли своихъ сосѣдей, согласился съ охотою на миръ, коего супруга покойнаго его непріятеля у него просила; и царствовалъ надъ областями своими съ кротостію и тишиною, производя притомъ подданнымъ всякое правосудіе и награжденіе.

Самаркандскій Государь оставилъ по кончинѣ своей только одну супругу имянемъ Аль-Альму. И какъ сія Султанша при всякомъ случаѣ показывала великую премудрость и неустрашимость,

шимость, то послѣ смерти сего Государя, у котораго была только одна дочь, подданные его, имѣя къ сей государынѣ отмѣнную довѣренность, возложили на нее корону, не взирая на то, что на Востокѣ сїе не въ употребленїи.

Хотя она и точно знала ту несправедливость, по которой ея супругъ обьявилъ Фрайдуну войну, и состоянїе дѣлъ ея государства требовало просить у него мира; однако уронъ своего супруга терзалъ ея беспрестанно; и она только лишь мщенїя искала, и утешенїе свое находила только въ Принцессѣ Цендегрудѣ свой дочери, которая будучи тогда шести лѣтъ обладала толь совершенною красотою, что заставляла думать, что она чудомъ естества будетъ; и Аль-Альма ласкалась посредствомъ своей дочери здѣлать, такъ сказать, всѣхъ соседствен-

седственныхъ государей своими невольниками и врагами Фрайдуновыми. Въ сей надеждѣ воспитывала младую Принцессу совсевозможнымъ попеченіемъ, вложа въ нее гордость львицы, внушила въ нее непреоборимую ненависть къ Касгарскому Султану, и пріучила ея слышать о его имяни съ произнесеніемъ всякихъ проклинаній.

Какъ Принцесса сія была мужественнаго и крѣпкаго сложенія, то Аль-Альма велѣла обучать ея всякимъ наитруднѣйшимъ тѣлеснымъ упражненіямъ; обучила ее ѣздить верьхомъ, и она съ лукомъ и стрѣлами ѣжжала часто на звѣриную ловлю. Словомъ матери ея хотѣлось здѣлать изъ нее Амазонку, или покрайнѣй мѣрѣ, что бы она на славныхъ сихъ женъ походила, въ разсужденіи ихъ мужества, которымъ онѣ даже до времянъ великаго Искендера

дера (Александра) во всей Азіи толикую пріобрели себѣ славу.

❁❁❁❁❁❁❁❁❁❁❁❁❁❁❁

ВЕЧЕРЪ XXX.

Продолженіе Исторіи о Цемъ-Алцаманѣ Принцѣ Касгаркскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Принцъ Цемъ-Алцаманъ препроводя ту ночь въ סералѣ, наслаждался почти совершеннымъ здравіемъ, и пришелъ въ залъ въ назначенной часъ совсѣми тамъ бывшими, которые ему великія ласки оказывали. Какъ скоро Султанши объявили ему, что онѣ желаютъ знать продолженія его приключеній; то онъ далъ знакъ своему невольнику, чтобъ онъ продолжалъ начатое имъ повѣствованіе, и сей послѣдней говорилъ такъ.

Ценде-

Цендегруда успѣвала вовсемъ по желанiямъ Султанши, своей матери. Чемъ болѣе умножался ея разумъ, тѣмъ болѣе и краса ея получала прелѣстей отъ преподаваемаго ей хорошаго воспитанiя, причемъ и ея тѣло прiобыкло къ наинесноснѣйшимъ трудамъ воинскимъ. Когда Аль-Альма усмотрѣла, сколь много Принцесса старанiямъ ея соотвѣтствуетъ, то не скрывала болѣе своего намѣренiя, и представя ея всѣмъ сосѣдственнымъ своимъ владѣльцамъ награжденiемъ за отмщенiе, коего она издавна искала, опредѣлила ее супругою тому, которой подастъ ей болѣе средствъ къ низложенiю ея врага.

Между тѣмъ какъ Цендегруда прирастала въ лѣтахъ и въ совершенствѣ, Султанъ Казгарской, мой Государь, имѣя у себя только одного Цемъ-Альцамана,

которой Принцессы Самаркандской былъ четырьмя годами старѣе; прилагалъ всѣ свои старанія, чтобъ здѣлать изъ него совершеннаго Принца; и Цемъ-Альцаманъ подкрѣплялъ намеренія Султана, своего родителя, съ толикимъ успѣхомъ, что въ осьмнадцать лѣтъ нетолько пріобрѣлъ весьма хорошее познаніе въ наукахъ, и вовсѣхъ состоянію его приличныхъ упражненіяхъ, но здѣлался неустрашимѣйшимъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ подданныхъ своего родителя.

Какъ скоро достигъ онъ до сего возраста, то Фрайдунъ принужденный выступить въ полѣ для отторженія нѣкоторыхъ Султановъ, своихъ соседѣй, которыхъ Аль-Альма тайно возмутила итти на него войною, препоручилъ ему команду надъ нѣкоторою частію своей арміи, и сей Принцъ произ-

производилъ толь невѣроятные храбрые дѣла, что нетолько привелъ себя въ почтенїе у своихъ подчиненныхъ, но и привелъ въ страхъ и ужасъ своихъ непрїятелей, у которыхъ трехъ начальниковъ убилъ своею рукою.

Толь удивительное начало возвело славу младаго Касгарскаго Принца на высочайшую степѣнь, и слухъ о оной достигши до Самаркандїи произвелъ въ сердцѣ Султанщиномъ толь сильную печаль, что чуть отъ ярости непрекратила дней своихъ, и похвалы приписываемыя сему Принцу возбудили противъ него въ матери и въ дочери толикую же ненависть, каковую онѣ къ Султану, его родителю, чувствовали. Фрайдунъ смущаясь тайными военными прїуготовленїями Самаркандской Султанши и зная, что она Принцовъ его соседей на него возбуждала, чувствовалъ неопи-

неописанную радость, увѣдомясь о производимыхъ Цемъ-Альцамамомъ дѣлахъ. Тогда нетолько не страшился онъ нимало спомоществованій, которыхъ Аль-Альма отъ Принцессы своей дочери ожидала; но и почиталъ за нужное только укротить благородное желаніе, которое Принцъ имѣлъ, чтобы Султаншѣ упредить войною, пославъ войски свои въ ея земли. Любезный сынъ, говорилъ ему сей правдивый Государь, справѣдливость должна завсегда провождать всѣ дѣла наши. Хотя ненависть Султанши и невесьма справѣдлива; однако не могу осудить ее въ оной: Султанъ супругъ ея объявилъ мнѣ войну несправѣдливо; но онъ погибъ отъ руки моей; вотъ источникъ ея ненависти. Можетъ быть я и въ силахъ привесть себя въ безопасность отъ нападеній непримиримой не-

пріятельницы, стараясь ея истребить до конца; но какую славу могу получить отъ воеванія съ женьщиною и еще въ такое время, когда Султанъ боторскій приуготовляется къ нападенію на ея Государство? младый Принцъ радовался чрезмѣрно толь великодушнымъ разсужденіямъ своего родителя; и какъ послѣднимъ своимъ сраженіемъ возстановилъ онъ твердый миръ въ земляхъ своего Государя, то просилъ родителя своего о уволненіи его на нѣкоторое время въ чужія земли: Султанъ не могъ отказать ему въ томъ, и онъ не мѣшкая отправился только съ двенадцатью человѣками. По прошествіи мѣсяца почувствуя въ себѣ отъ путешествія нѣкоторое ослабленіе, послалъ десятерыхъ изъ нихъ съ письмомъ къ своему родителю, что онъ намѣренъ ѣздить

дить скрытно, и сложа съ себя все свое величество, обѣщаясь ему притомъ отъ земель своихъ такъ далеко не отъѣжжать, чтобы при случаѣ непріятельскаго нападенія не можно ему было возвратиться вскоре. Сколь ни великую печаль произвело письмо сіе въ Фрайдунѣ; однако принужденъ былъ сносить отсудствіе сына своего терпѣливно, и полагаясь на его обѣщаніи, ожидалъ возвращенія его съ спокойнымъ духомъ.

Имя Цемъ-Альцама было уже вездѣ весьма громко; почему Принцъ не хотѣлъ называться онымъ; и оставя при себѣ только одного невольника и меня, запретилъ намъ не называть его иначе, какъ Эдрисомъ, и прошедъ подъ симъ имянемъ нѣкоторую часть Туркистана, вознамѣрился отправиться въ земли Самаркандской Султанши, будучи по

видимому побужденЪ кЪ тому желанїемЪ познать ея силы, или любопытствомЪ увѣдать, столь ли велика была красота Ценде-груды, которую мать ея толь страшною для Фрайдуна почитала.

ПринцЪ вступя вЪ Маваральнагару увѣдомился, что ПринцЪ КобадЪ, братЪ Аль-Альмы, разсполагался итти противЪ боккорскаго Султана; вЪ разсужденїи чего для лучшаго познанїя искуства его вЪ войнѣ вознамѣрился онЪ предложить ему свои услуги. КобадЪ прельщенный прїятнымЪ видомЪ ЦемЪ-Альцамана, который явился ему подЪ имянемЪ Эдриса, принялЪ его сЪ крайнимЪ удовольствїемЪ; и сей юный ПринцЪ производилЪ на сраженїи КобадовомЪ сЪ СултаномЪ столь чудные храбрые дѣла, что во всей армїи только о неустрашимомЪ Эдри-

сѢ

сѢ говорили, который вЪ тотЪ день спасЪ Кобада два раза отЪ смерти, и былЪ причиною совершеннѢйшей побѢды.

Аль-Альма увѢдая отЪ гонца, присланнаго кЪ ней отЪ брата, о чрезмѢрной храбрости моего Государя, почитала его посланнымЪ сЪ небесЪ человѢкомЪ нетокмо для свобожденія ея отЪ злыхЪ предпріятій бокарскаго Султана; но и орудіемЪ способнымЪ кЪ низложенію Казгарскаго Султана, и кЪ пораженію ЦемЪ-Альцамана сына его. ИтакЪ питаясь единымЪ отмщеніемЪ, писала кЪ своему брату, чтобы онЪ ничего не упускалЪ кЪ побужденію Эдриса притти вЪ СамаркандЪ для полученія достойнаго по заслугамЪ его награжденія. Предложеніе сіе смутило нѢсколько Принца; однако показывая великую скромность, не хотѢлЪ обѣщать ничего положитель-

жительнаго, и увѣрялъ только Кобада, что онъ изъ областей Султанши конечно не выѣдетъ, не увѣря ея самолично какое почтеніе онъ къ ней имѣетъ.

Цемъ - Альцаманъ, котораго впредь буду называть Эдрисомъ, открылъ намъ свое смущеніе; но разсудя, что его при дворѣ семъ конечно не знаютъ, прошедъ чрезъ нѣкоторые Маваральнагарскіе города, вознамѣрился ѣхать въ Самаркандъ. Приближаясь къ одному лѣсу, который отъ сего города не болѣе какъ мили на двѣ отдаленъ былъ, положилъ онъ чувствуя въ себѣ отъ путешествія нѣкоторую слабость, остановиться подлѣ онаго для отдохновенія нѣсколько времяни; въ разсужденіи чего съѣхалъ съ дороги, и высматривая уединеннаго мѣстечка, услышалъ шумъ небольшаго ручейка, который протекалъ чрезъ камешки; онъ поѣхалъ

ѣхалъ до источника онаго, и шаговъ за сто увидѣлъ боевой ключь: мѣсто сїе показалось ему чрезмѣрно прїятно, и онъ разположился препроводить тамъ нѣсколько часовъ; слесъ съ лошади и повеля намъ отъ него удалиться, легъ на траву и заснулъ очень скоро.

Между тѣмъ какъ Принцъ въ объятїяхъ спокойнаго сна находился, Цендегруда, которая, какъ я уже объявилъ; въ звѣриной ловлѣ главнѣйшее свое удовольствїе поставляла; ѣздила по тому лѣсу на прекрасной Арабской лошади. Гоняясь за сѣрною, удалилась она отъ своихъ охотниковъ такъ, что того и примѣтить не могла, пока не пронзила звѣря своимъ копьемъ. Тогда помышляла она о своемъ возвращенїи: но увидя себя не подалеку отъ сего ключа, вознамѣрилась утолить въ ономъ свою жажду: она слезла съ лошади, привязала ее къ дере-

ву, и пошла по тропинкѣ. Прошедъ не болѣе пятидесяти шаговъ, первый предмѣтъ глазамъ ея предсталъ Принцъ Касгарской, который спалъ такъ крѣпко, что не могъ пробудиться отъ шума произведеннаго ея приближенїемъ. Хотя Цендегруда сперьва и смутилась отъ толь нечаянной встрѣчи; однако имѣя предъ поломъ своимъ многїе превосходства, страхъ ея миновался вскорѣ; сверьхъ того нѣкая тайная склонность удерживая ея въ сихъ мѣстахъ, побудила ее расмотрѣть Принца, что напослѣдокъ произвело въ ней великое движенїе. Тогда было ему не болѣе двадцати лѣтъ, и какъ претерпенные имъ военные труды не уменьшили красоты его, то Принцесса не могла не признаться, что она еще никогда ничего толь совершеннаго не видывала; но потомъ отвращая свои взоры отъ такого пред-

предмѣта, который оные стремилъ на себя насильно, воздыхала, и почувствуя къ сему прекрасному незнакомцу великую склонность, желала только того, чтобъ покрайнѣй мѣрѣ была я ему обязана благодарностію за погубленіе Касгарскаго Султана и его сына, и что бы небомъ опредѣленъ онъ былъ къ произведенію такого отмщенія, коего она столь ненасытно искала. Въ сихъ размышленіяхъ она остановилась, какъ Принцъ проснувшись смутился вдругъ, увидя Принцессу такъ, что не мѣшкая вставъ и бросясь къ ея ногамъ, простите, милостивая государыня, сказалъ ей, дерзость такого иностранца, который еще не вѣдалъ, что вы сіи мѣста присудствіемъ своимъ удостоиваете; зная всѣ правила достодолжнаго полу вашему почтенія, не осмѣлился бы никогда, предстать

предъ васъ такимъ образомъ. Встрѣча такого человѣка, отвѣтствовала ему Цендегруда, служитъ благополучнымъ для меня предвѣщанїемъ, и потому не раздражаетъ меня сїе нимало: встань, драгой иностранецъ, Самаркандская Принцесса проситъ тебя о томъ.

ВЕЧЕРЪ XXXI.

Продолженїе исторїи о Цемъ-Альцаманѣ принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Не можно довольно изобразить, въ какое удивленїе и радость приведенъ былъ Принцъ въ сїю минуту. Вы божественная Цендегруда? говорилъ онъ съ возхищенїемъ: ахъ! милостивая государыня! сколь много я собой доволенъ, что оружїе свое обращалъ противу

враговъ вашихъ! сколь счастливъ былъ бы я, есьли нѣкоторыми услугами, кои я вамъ оказать старался, имя Эдрисово до васъ достигло. Цендегруда слыша имя Эдрисово перемѣнилась въ лицѣ; отступила назадъ, и не могла взирать не почувствуя неописанной радасти, что тотъ, котораго пріятность подвергла ея владычеству любви, былъ счастія сего достоинъ нестолько своею красотою, сколько своимъ мужествомъ; однако старалась скрыть свое смущеніе, и говорила ему такъ: я вѣрю тебѣ безъ всякаго затрудненія, что ты въ самомъ дѣлѣ храбрый Эдрисъ; описаніе, которое я о тебѣ имѣю, уменьшаетъ еще весьма многое, что я въ тебѣ вижу . . . въ то время какъ Принцъ и Принцесса такимъ образомъ разговаривали, охотники къ нимъ приближались, и Кобадъ,

который такъ же на ловлѣ находился, узная Эдриса, соскочилъ съ лошади, и бросясь къ нему съ разпростертыми руками, лобызалъ его стократно, и повелѣлъ воздавать ему достодолжную честь и почтеніе; причемъ просилъ его, что бы онъ поѣхалъ съ ними въ Самаркандъ, въ разсужденіи чего Принцъ сѣлъ на свою лошадь, которую я ему подвелъ, и ѣхалъ подлѣ Принцессы, разговаривая съ нею во всю дорогу.

Аль-Альма желая чрезмерно съ симъ Героемъ видѣться, надѣясь побудить его воевать противу Касгарскаго Султана, приняла Эдриса съ великою радостію и почтеніемъ, достойнымъ величайшаго въ свѣтѣ Государя; и старалась показать ему чувствительную свою благодарность за всѣ его къ ней услуги; словомъ онъ пришелъ у ней въ весьма

на короткое время въ такую милость, что ни какой любимецъ не имѣлъ никогда такой силы у своего Государя. Принцъ будучи ласковъ и услужливъ, привелъ себя вскоре у всѣхъ подданныхъ ея въ любовь; и счастїю его завидовали только нѣкоторые Принцы, кои старались получить Цендегруду, опасались, чтобы Султанша любя слѣпо сего незнакомца, не предпочла его всѣмъ имъ. Страхъ ихъ былъ тѣмъ справедливѣе, что гордая сїя Принцесса, которая никогда не удостоила ихъ такимъ взоромъ, отъ коего бы они могли какую возъимѣть надежду, казалось находила крайнѣе удовольствїе въ бѣседѣ Эдрисовой; но онъ еще не осмелился открыть страсть свою Цендегрудѣ, какъ однимъ вечеромъ прогуливаясь она съ нимъ въ придворномъ своемъ саду, приказала

ла ему сѣсть подлѣ себя; и какъ невольницы ея отступили отъ нее изъ почтенія на нѣсколько шаговъ, то она указывая ему на ключь, который подлѣ того мѣста былъ, сказала ему: сіе напоминаетъ мнѣ то прекрасное мѣсто, въ которомъ я въ первой разъ Эдриса увидѣла. Примолвте еще, милостивая государыня, сказалъ Принцъ, что насемъ то мѣстѣ положилъ онъ свободу свою предъ ноги божественной Принцессы Самаркандской, и заключилъ себя въ преславные оковы, кои до самой смерти носить не престанетъ. Хотя объявленіе сіе и нераздражило Принцессу, однако она закраснѣлась, потупила прекрасные свои очи въ землю, и не смѣла смотрѣть на Эдриса, который премѣчая всѣ ея движеніи увидѣлъ, что она болѣе целомудрія, нежели гордости и гнѣ-

ва

ва являетъ, отъ чего почувствовалъ въ себѣ еще болѣе смѣлости: прекрасная Цендегруда, сказалъ онъ ей, есьли я васъ озлобилъ, то прикажите какой смертїю долженъ я за то претерпѣть наказанїе; но только будте увѣрены, что сей Эдрисъ, который будучи извѣстенъ единственно мечемъ своимъ, дерзнулъ устремить взоры свои на Самаркандскую Принцессу, не недостоинъ называться ея обожателемъ. Ниодному изъ пришедшихъ сюда Принцовъ не уступаю я породою; но простите, есьли теперь не могу объявить вамъ о томъ подробно; скрывать оную имѣю я весьма справѣдливыя причины.

Эдрисъ, сказала на то Принцесса, мы должны тебѣ столь много, что всего болѣе желали бы познать отъ тебя сїе таинство; но есьли объявленное

тобой

тобой истинно, то знай, что Цендегруда кромѣ тебя никому принадлежать не будетъ. Послѣднiи сiи слова смутили Принцессу такъ много, что долго немогла ни чего проговорить; однако собравшись съ силами продолжала такъ: ахъ! Эдрисъ, что я тебѣ открыла? какъ могла я позабыть, что недолжна располагать своимъ сердцемъ, и что оно, какъ и рука моя, опредѣлено тому, который къ ногамъ моей родительницы принесетъ главу Касгарскаго Султана?

Сiи послѣднiе слова потревожили Эдриса не мало; однако преодолевъ себя, и стараясь скрыть отъ Принцессы свое прискорбiе сказалъ ей: милостивая государыня! мнѣ не безъизвѣстны были обязательствы, которымъ подвергаются тѣ, кои стараются о прiобрѣтенiи той славы,

чтобы

чтобы обладать вами; и хотя рѣчи мои кажутся гордостїю исполнены; однако обѣщаюсь вамъ, что божественной Цендегруды до тѣхъ поръ не дерзну требовать, пока не возложу ей на главу Касгарскую Корону.

Хотя Принцесса и не поняла истиннаго смысла обѣщанїй Принцовыхъ; однако твердость, съ которую онъ говорилъ съ нею, удостовѣряли ее въ высокой его породѣ; и приводя себѣ на мысль имена сильнѣйшихъ государей на востокѣ, изъ числа коихъ она Цемъ-Альцамана по ненависти своей къ нему изключала, не могла она себѣ вообразить того, чтобы Эдрисъ и онъ одного человѣка составляли. Наконецъ Цендегруда приведена будучи разговоромъ симъ въ смятенїе, встала съ своего мѣста, и приближась къ своимъ прислужницамъ возвратилась въ свои покои,

гдѣ

гдѣ всю ночь въ великомъ безпокойствѣ препроводила.

Чуть только наступилъ день, какъ Аль-Альма желая воздать пророку благодаренїе за прибытїе Эдрисово въ ея земли, вознамѣрилась для сего итти въ соборную Самаркандскую мечеть. Она пошла туда съ обыкновенною своею свитою, и приближаясь къ оной увидѣла у вратъ великую толпу народа, которой смотрѣлъ на одну престарѣлую женьщину производящую великїй крикъ. Она велѣла народъ розогнать, и подошедъ къ сей старухѣ, спрашивала ея о причинѣ ея скорби. Ахъ! милостивая государыня, отвѣтствовала ей старуха проливая слезъ потоки, у меня только одинъ сынъ и былъ; но и тотъ погибъ теперь отъ своего упрямства. Одинъ престарелый Календеръ, котораго я сею ночью на ночлегъ пустила,

стила, видя, что онъ пріуготовлялся верьхомъ ѣхать гулять съ своими пріятелями, старался всячески уговорить его, чтобы онъ остался дома. Ты сей день, говорилъ онъ ему, угрожаемъ великимъ несчастіемъ; но можешъ его избегнуть, когда со двора не поѣдешъ: отложи гулянье свое до другаго дня, и будь увѣренъ, что послѣдуя моему совѣту проживешъ долго и благополучно, и что злой рокъ, который тебя въ Самаркандскихъ улицахъ ожидаетъ, отъ тебя удалится. Сынъ только лишъ смеялся сему увѣщанію; почелъ Календера сумозброднымъ, и сѣвъ верьхомъ выѣхалъ изъ дома, не внимая ни моему плачу ни моимъ прозьбамъ, и скакавъ во весь опоръ наѣжалъ на сіи врата, отъ чего лошадь его спотткнувшись упала на него и переломила ему шею.

Ценде-

Цендегруда удивляясь сему предвѣщанїю, старалась несчастную сїю мать утѣшать всякими способы. Повелѣла умершаго ея сына отнести къ ней въ домъ, и послала одного изъ своихъ невольниковъ къ сему Календеру съ тѣмъ, чтобъ уговорилъ его съ ней повидаться; въ разсужденїи чего невольникъ исполнилъ повелѣнїе сїе такъ хорошо, что она возвратясь въ свои чертоги, нашла уже тамъ сего Календера. Почтенный старецъ, сказала она ему, извѣстїе поданное мнѣ о тебѣ сей день, приводитъ меня въ немалое удивленїе. Возможноли, чтобъ тотъ юноша, у котораго въ домѣ препроводилъ ты сїю ночь, лишился жизни за то, что совѣту твоему не хотѣлъ послѣдовать? То конечно истинно, милостивая государыня, отвѣтствовалъ ей старикъ учтивымъ образомъ: я

всю жизнь мою употребилъ на разпознанїе Физїономїи, и по правиламъ моей науки предъусмотрѣлъ несчастїе, которымъ сей юноша былъ угрожаемъ.

Принцесса приказала тогда всѣмъ при томъ бывшимъ изъ комнаты той удалиться. Премудрый старецъ, сказала она ему, когда по единому расматриванїю лица можешь ты познавать такїе таинства, то открой мнѣ , чего я должна ожидать или страшиться? милостивая государыня, сказалъ ей на то Календеръ, поглядя на нее пристально, хотя открытїемъ Государямъ истинны, и подвергаютъ себя иногда опасности , однако я не хочу утаить теперь, что я о васъ мыслю. Къ чрезмѣрной красотѣ присоединяете вы превосходное мужество ; но всѣ ваши хорошїе свойства бываютъ иногда помрачаемы движенїями такого гнѣ-

ва, который роду вашего поносенъ, по тому что вамъ кротость и воздержанїе приличествуютъ. Старайтесь поступать притомъ съ неусыпною осторожностїю. Сколь вы счастливы, есьли любовь, которую внушилъ въ васъ достойный оной младый Герой, не здѣлается вамъ отъ сего плачевною, и есьли стремленїе страстей вашихъ, производя всѣ злополучїи вашей и его жизни, не будетъ препятствїемъ къ прїобретенїю такой короны, которую онъ на главу вашу возложить готовится.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

Читалъ — 785. году

Читалъ — 799 году

